

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Л.С. Шмульская, М.В. Веккесер, О.Н. Зырянова

**ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С МУЖСКОЙ
(на материале сравнительных конструкций в речи
жителей г. Лесосибирска)**

Монография

Красноярск, Лесосибирск, 2022

УДК 808
ББК 80.7
Ш 75

Рецензенты:

Е.В. Соколова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин Лесосибирского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева";

Н.Е. Булгакова, кандидат филологических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе МБОУ «СОШ №9» г. Лесосибирска

Шмульская Л.С.

Ш 75 Особенности женской языковой личности в сопоставлении с мужской (на материале сравнительных конструкций в речи жителей г. Лесосибирска) : монография / Л.С. Шмульская, М.В. Веккесер, О.Н. Зырянова; под общ. ред. Л.С. Шмульской. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2022. – 160 с.

ISBN 978-5-7638-4706-2

Монография посвящена обоснованию гендерной лингвистики как научного направления в рамках антропоцентрического аспекта языкознания. Обозначено предметное поле, междисциплинарные основания и истоки лингвогендерологии, рассмотрен терминологический аппарат. Особое внимание уделяется особенностям женской и мужской речи в употреблении компаративных конструкций.

Монография предназначена прежде всего специалистам, профессионально интересующимся проблемами гендерной лингвистики, кроме того, материалы исследования могут быть интересны и широкому кругу читателей, поскольку способствуют пониманию особенностей мужского и женского речевого поведения.

УДК 808
ББК 80.7

© Лесосибирский педагогический институт– филиал Сибирского федерального университета, 2022

ISBN 978-5-7638-4706-2

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Общие теоретические положения гендерной лингвистики	7
1.1. Основные понятия гендерной лингвистики	7
1.2. История гендерных исследований	12
1.3. Причины различий в речевой деятельности мужчин и женщин	20
2. Общая характеристика языковой личности женщины	28
2.1. Когнитивный уровень языковой личности	28
2.2. Вербально-семантический уровень языковой личности	34
2.3. Мотивационный уровень	43
2.4. Речевые стереотипы русской женщины	50
3. Сравнительные конструкции в женском и мужском типах речи: контрастивный анализ	55
3.1. Сравнение как форма познания и языковая категория	55
3.2. Методика проведения ассоциативного эксперимента	59
3.3. Сравнения, характеризующие речевую деятельность мужчин и женщин	64
3.4. Сравнения, характеризующие внешний вид женщин и мужчин	84
3.5. Сравнения, характеризующие походку женщин и мужчин	107
3.6. Сравнения – эмоциональные характеристики женщин и мужчин	111
3.7. Сравнения, характеризующие отдельные виды деятельности женщин и мужчин	119
3.8. Женская языковая личность в зеркале сравнений	124
Заключение	132
Список литературы	138

*Дорогому Учителю,
Борису Яхиевичу Шарифуллину посвящается*

Введение

Монографическое исследование посвящено проблеме взаимоотношения языковой способности и пола языковой личности на материале ассоциативных полей сравнений, прежде всего, в речи женщин. Актуальность изучения этого вопроса несомненна и видится в том, что в настоящее время преобладает антропоцентрический подход к языку. Проблема человеческого начала является одной из центральных в современном языкознании. В последней четверти XX столетия произошло изменение лингвистической парадигмы в целом, вызванное осознанием того, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем. Именно поэтому все большее число исследователей обращается к изучению языковой личности (человека, независимо от пола, мы понимаем как языковую личность со всеми присущими ей характеристиками) в ее различных проявлениях. Тип языковой личности обусловлен ее психологическими, социальными, культурными параметрами, которые влияют на выбор той или иной языковой формы, на их варьирование, на речевую деятельность в целом. При изучении различных сторон речевой деятельности, языковой вариативности первоначально упор делался лишь на социальную и психическую обусловленность языковых явлений. Однако затем стало очевидно, что наряду с типичными социальными или психосоциальными признаками (уровень образования, профессия, социальный статус личности и т. д.) такой биологический (безусловно, взаимосвязанный с социальным) признак, как пол, также влияет на вариативность речи. Именно поэтому в начале XXI века в отечественном языкознании сформировалось особое

направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, – гендерная лингвистика. В настоящее время исследования в области гендерной лингвистики весьма актуальны. Работы Е.М. Бакушевой, Е.И. Горошко, Е.А. Земской, А.В. Кирилиной, А.Д. Холода позволяют говорить о том, что на данный момент описаны в целом прагматические характеристики языковых единиц, используемых в речи мужчин и женщин, разрабатывается теоретическая модель вербального поведения мужчин и женщин, носителей современного русского языка. В связи с этим актуальным и практически не изученным является анализ и описание отражения в речи женщин и мужчин таких языковых категорий как метафора, сравнение. Подобный анализ позволит определить то, как знания о мире, об отношениях предметов и явлений этого мира друг к другу и опыт самой языковой личности отражаются в языке в зависимости от пола его носителя. В представленной монографии внимание сфокусировано на категории сравнения, гендерное исследование которой позволит выявить метафорическое осмысление действительности женщинами (в сопоставлении с мужчинами), а также гендерные оценки и предпочтения при построении и восприятии тех или иных сравнительных конструкций.

Материалом монографического исследования стали русские сравнительные конструкции, образованные по типу « ЖЕНЩИНА / МУЖЧИНА (основание сравнения), КАК...» (всего 9000 сравнительных конструкций), полученные методом ассоциативного эксперимента в среде жителей г. Лесосибирска. В качестве дополнительного материала были использованы русские пословицы, данные «Русского ассоциативного словаря» (1994), «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцова.

Основным методологическим принципом работы служит положение о взаимосвязи языка, человека и его речемыслительной деятельности. Данное положение определило выбор конкретных методов и приемов исследования. Ведущий научно-исследовательский прием – психолингвистический эксперимент. Основу проведения эксперимента составила методика свободных ассоциаций, позволяющая выявить специфику глубинных отношений, которые складываются у человека через речь и мышление и лежат в основе когнитивной организации его многостороннего опыта. При обработке и анализе полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных использовались также квантитативный (статистический) метод, описательный метод, метод интроспекции.

1 ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Основные понятия гендерной лингвистики

Половая дифференциация относится к числу тех универсальных явлений, которые, так или иначе, изучают все науки о человеке. Противопоставление людей по полу, то есть существование дихотомии "мужской/женский", пронизывает все сферы человеческого сознания и культуры. В общефилософском смысле эта проблематика была намечена еще в классических трудах В. Гумбольдта. В работе «О различии между полами и его влиянии на органическую природу» он указывал, что «различные качества сопутствуют обоим полам повсюду в природе, но прежде всего в человеке, благодаря этому они производят различное впечатление» [Гумбольдт, 1985. С.153].

В настоящее время общеизвестен тот факт, что эти «различные качества» полов влияют на языковую компетенцию говорящего. В зарубежном и отечественном языкознании сформировалось целое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, именуемое гендерной лингвистикой [Е.М. Бакушева, А.П. Мартынюк, Е.И. Горошко, Т.И. Доценко, Е.А. Земская, А.В. Кирилина, М.А. Китайгородская, И.И. Халеева, А.М. Холод и др.].

При возникновении нового направления или нового раздела о языке естественным является вопрос о необходимости формирования категориального аппарата, позволяющего анализировать проблему взаимосвязи языка и пола. Гендерология как специальная область науки образовала в современной лингвистике ряд терминов: *гендер*, *гендерлект*, *гендерные роли*, *гендерные стереотипы* и др. [А.В. Кирилина, 2000а; Н.И. Абубакирова, 1996; Е.И. Горошко, 2001].
Центральный термин – *гендер*. Однако его использование в

отечественном научном дискурсе вызывает самые противоречивые мнения, причем предметом дискуссии служит сама форма данного термина. Так, С.А. Ушакин высказывается против применения терминологических единиц, «не имеющих адекватных символических форм в русском языке», и считает возможным сохранить «исконный» термин *пол*, под которым можно понимать сложившуюся в обществе взаимосвязь между «конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических социальных ролей» [Ушакин, 1999. С.83]. Автор считает необходимым разграничивать такие понятия, как биологический пол и социальный пол, а также призывает пользоваться термином «половая идентичность», под которой понимается моделирование личностью своего поведения в соответствии с социально обусловленными канонами для лиц разного пола [Ушакин, 1999].

Думается, что предлагаемые исследователями терминологические сочетания, в основе которых лежит русское слово (*социальный пол, половой диморфизм, полоролевая дифференциация, биосоциальные или биокультурные характеристики человека*) [Бакушева, 1992; Кирилина, 1999; Ушакин, 1999], могут применяться в качестве синонимов к базовому термину *гендер*, тем более что последний прочно входит в научный обиход. Использование данного термина в научных текстах, во-первых, не приводит к двусмысленности (ср. *гендерная лингвистика – половая лингвистика*), а во-вторых, он приобретает уже статус междисциплинарного термина, используемого не только в лингвистике, но и в социологии, культурологии, истории, экономической теории.

Термин *гендер*, появившийся в англоязычных странах и потому не имеющий в русском языке адекватного перевода, «был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле

других наук – социальной философии, социологии, истории. Перенос был сделан, чтобы уйти от термина *sexus* (биологический пол)» [Кирилина, 2000. С.18]. Действительно, термин *sexus* (русское *секс*) относится к биологическим характеристикам и обозначает только природный пол мужчин и женщин. На речевое же поведение влияют не только природные, физиологические особенности мужчин и женщин, но и социальные, культурные, психологические факторы в целом. Именно эти факторы аккумулирует в себе понятие «гендер» и соответствующий термин. Данный термин определяется не в чисто биологическом, а в социальном и культурном пространстве, являясь культурно и исторически относительным. «Гендер создается в отношении к социокультурной ситуации в обществе, определяющей одни черты как женственные, а другие как маскулинные: мы социализируемся в мужчин и женщин» [Рюткенен, 2000. С.6]. Смысл понятия «гендер» заключен прежде всего в идее социального моделирования или конструирования пола. Социальный пол формируется социальной практикой людей. В обществе возникает, в частности, система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей. Отсюда возникает четкое представление о том, что есть «мужское» и «женское» в данном обществе и в данной культуре. Таким образом, междисциплинарная дефиниция термина *гендер* трактует его как «социокультурный пол». В связи с этим вызывает сомнение употребление такого терминологического сочетания, как «социогендерные отношения» [Воронина, 1997], – данное новообразование видится несколько тавтологичным.

Некоторые исследователи рассматривают гендер как когнитивную, глубинную категорию, «через которую путем формирования ассоциативной сети на основе пола воспринимается вся окружающая действительность и конструируется процесс познания»

[Генералова, 2001. С.73]. Иначе говоря, при помощи данной когнитивной схемы различные виды поведения (в том числе и речевые), характеристики, культурные символы неосознанно распределяются на категории «мужское» и «женское». Гендер может рассматриваться как мыслительный конструкт, мыслительная модель в сознании языковой личности. Можно предположить, что гендер является важнейшим параметром женской и мужской языковой личности (более подробно женская языковая личность анализируется во второй главе).

Если рассматривать гендер как социокультурный феномен, то, учитывая когнитивную деятельность человека, взаимосвязь мыслительной деятельности и языка, гендер должен отражаться и в самом языке, в речевой деятельности. Можно предположить, что гендер создается не только совокупностью психофизиологических, социальных факторов, но и посредством языка, его коммуникативных и когнитивных факторов. Гендерные отношения зафиксированы в языковом сознании в виде культурно обусловленных стереотипов, которые, в свою очередь, влияют на поведение (и речевое в том числе) личности.

Итак, под термином *гендер* применительно к лингвистическим описаниям мы будем понимать социокультурный пол и его репрезентацию, во-первых, в языковой способности личности, во-вторых, в самом языке (формальное выражение рода, определенные гендерные стереотипы), в-третьих, в речевом взаимодействии женской и мужской языковой личности (гендерные предпочтения, речевые жанры, формы речевой субкультуры).

Наблюдается некоторая несогласованность в употреблении других понятий и терминов, связанных с данной темой. Так, исследования мужской и женской речевой коммуникации обусловили

появление термина *гендерлект* (на базе квазиэлемента *-лект*, выделенного из состава термина-эталона *диалект*, наряду с такими словами, как *социолект*, *идиолект*) [Кирилина, 2000; Шарифуллин, 2002; Горошко, 2001]. Однако встречающиеся дефиниции этого термина не всегда точно определяют его суть. Так, например, Р.Е. Бумагин под гендерлектом понимает «гендерно-ориентированное речепроизводство» [Бумагин, 1999. С.122]. Думается, однако, что «речепроизводством» это назвать нельзя. Гендерлект – это совокупность языковых особенностей, которые проявляются при речепроизводстве, то есть форма речи, а не речевое событие (действие).

Очевидно, имеется тесная связь между понятиями "гендерлект" и "социолект". Некоторые дефиниции термина *социолект*, на первый взгляд, позволяют говорить о том, что он синонимичен термину *гендерлект*. Так, Т.И. Ерофеева определяет понятие «социолект» как «систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом других страт (лат. *stratum* «слой»), имеющих биологический и психологический характер...» [Ерофеева, 2000. С.87]. Однако понятие «социолект» шире, чем более конкретное и специализированное понятие «гендерлект». Иначе говоря, гендерлект является разновидностью социолекта, соответствующие термины находятся в гипо-гипоронимических отношениях. Возможно выделить мужской и женский гендерлекты.

Гендерологическая терминология только формируется, и нередко новообразования остаются непонятными и потому невостребованными. Так, предлагаемый в русистике термин *сексизм* определяется как «языковая единица, содержащая гендерно-дискриминативный компонент (ср. *софизм*, *фразеологизм*, *трюизм*)» [Бумагин, 1999. С. 122]. С другой стороны, этот термин уже существует в социологии и

определяется как господство одного пола над другим, то есть как некоторая идеологема, а не конкретная языковая единица. Очевидно, что данный термин несколько политизирован, а также несет определенную отрицательную коннотацию. В контексте лингвистических гендерных исследований более нейтральным в данном случае видится термин *андроцентризм*, то есть взгляд на мир с мужской точки зрения: действующее лицо констатируется скорее как мужчина, чем как женщина. В настоящее время проводится множество исследований, определяющих степень андроцентричности того или иного языка [Кирилина, 2001].

Для того чтобы лучше представить современную ситуацию в гендерной лингвистике, считаем необходимым сделать экскурс в развитие гендерологии.

1. 2. История гендерных исследований

История развития гендерных исследований в лингвистике более подробно представлена в работах А.В. Кирилиной и Е.И. Горошко [Кирилина, 1998 (а); Горошко, 1996]. Мы в кратком виде рассмотрим историю возникновения гендерной проблематики.

В изучении взаимосвязи пола и языка исследователями выделяется два периода: первый проходил под флагом «биологического детерминизма», поскольку исследования были основаны на биологических свойствах носителя языка, второй – это собственно гендерные исследования. Между ними выделяется переходный период – первая половина XX века.

Впервые связь между полом человека и его речью была усмотрена в античности при осмыслении категории грамматического рода. Древнейшая и долго время единственная гипотеза о причинах появления и функционирования в языке категории рода базировалась

на соотнесении природной биологической категории пола с грамматической категорией рода. Сторонники данной гипотезы (И. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт) считали, что грамматический род возникает под влиянием природной данности наличия людей разного пола.

Для объяснения экстралингвистической мотивированности категории рода ученые использовали свой неязыковой опыт. Как отмечает А.В. Кирилина, это привело к оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью [Кирилина, 1998 а]. Таким образом, условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка. С другой стороны, можно утверждать, что сама категория рода также способна влиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектом среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола (например, носители русского языка дни недели делят на мужские и женские, тем самым неосознанно соотнося их с категорией рода: считается, что «женские» дни более благоприятны для посадки; или красивый мужчина чаще сравнивается с дубом, а женщина – с богиней, розой). При этом обыденное сознание не задумывается о том, что обусловило род слова – семантика, синтаксис или морфология. Все это позволяет предположить, что грамматический род имени «оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола, и участвует в формировании

положительных или отрицательных коннотаций» [Кирилина, 1998а. С. 52].

В XX веке информация о половых различиях в языке у народов в стадии первобытного развития (употребление тех или иных единиц дифференцировалось в зависимости от пола говорящего, поэтому существовали «женские» и «мужские» языки) натолкнула лингвистов и философов на мысль о возможности гендерных особенностей в языках Европы. Естественно, что в европейских языках нет отдельно «мужского» и «женского» языка. Но отличия, обусловленные социальными, культурными, историческими факторами пола, привлекли внимание лингвистов. Так, проанализировав речевое поведение мужчин и женщин в различных социальных слоях, Ф. Маутнер и О. Есперсен выделили некоторые лексические и синтаксические особенности, а также выявили некоторые социальные и исторические причины возникновения этих различий (см. более подробно [Горошко, 1996; Кирилина, 1998а]). Основные выводы этих исследований сводятся к тому, что женщины более консервативны в употреблении языка, творческое же использование языковых единиц – прерогатива мужчин. Исходя из этого, О. Есперсен полагал, например, что мужчины превосходят в уме женщин. В целом, можно сказать, что О. Есперсен и Ф. Маутнер являются основоположниками гендерного направления в языкознании.

Исследования этого периода все же были бессистемными, нерегулярными и находились на периферии лингвистики, кроме того, в соответствии с господствующей патриархально ориентированной парадигмой традиционного языкознания существовала безусловная точка зрения: нормой признавался «мужской» язык, а отклонение от нее приписывалось «женскому».

Более интенсивные и систематические исследования в зарубежной лингвистике (прежде всего в англоязычных странах, Германии и Скандинавии) начались только в 60-е годы прошлого столетия. Причины возникновения новой волны интереса к половому диморфизму в языке кроются, с одной стороны, в социальных проблемах общества, с другой – в развитии новых лингвистических направлений. Так, в 60-70-е гг. в общественной жизни США и Германии развивается «Новое женское движение», особую популярность приобретают идеи феминизма [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. К собственно языковедческим причинам, способствующим возникновению «новой волны» гендерных исследований, относятся следующие.

Во-первых, в 50-60-х годах XX столетия в лингвистике возникает целый ряд новых научных направлений: психолингвистика, квантитативная социолингвистика, лингвистическая прагматика, теория коммуникации. Во-вторых, на первый план выдвигается изучение человеческого фактора в языке, исследуются проблемы взаимосвязи языка с биосоциальными характеристиками человека и, в том числе, с его полом. В-третьих, в лингвистической науке происходит смена парадигм (от структурализма к прагматике) [Горошко, 2001]. Все это способствовало тому, что в языкознании появилось своеобразное направление, названное «Феминистской лингвистикой», или «феминистской критикой языка». Отправной точкой для феминизма стала работа Р. Лаккофа «Язык и место женщины», посвященная особенностям женского речевого поведения и «обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке» [Кирилина, 1998. С. 54]. В определенной степени вывод Лаккофа справедлив. Так, в материалах

нашего эксперимента часто встречаются отрицательные характеристики женщин.

В настоящий момент можно выделить два основных направления в феминистской критике языка. Первое исследует дискриминацию образа женщины в языковой картине мира. Представительницы его полагают, что язык фиксирует мужское видение мира, «навязывая» мужские ценности и оценки. Из этого следует вывод, что практически все языки, функционирующие в нашем патриархальном обществе, являются «мужскими», а образ женщины, отражаемый в языке, снабжен негативными коннотациями и характеристиками. К этому же направлению относятся и работы, анализирующие «механизмы включенности» в грамматический мужской род: идентификация в языке идет по мужскому роду, если говорится о представителях двух полов [Кирилина, 1997].

Не менее обширно и второе, «дискурсивное» направление феминистской критики языка. Интерес его представителей сосредоточен на изучении особенностей дискурса в целом. В основе данного направления лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин [Горошко, 1999].

Важно отметить, что в центре внимания «феминистской лингвистики» только один пол – женский. Особенности мужской речи не находят отражения в работах этого направления, изучается не употребление языка, а его уже сложившаяся структура. Кроме того, представители «феминистской лингвистики» настаивают на переосмыслении и изменении сложившихся языковых норм, по их мнению, андроцентрических (подробнее см. [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]). Однобокость этих исследований, очевидно, явилась

причиной того, что в последние годы феминистскую критику языка потеснили гендерные исследования, изучающие речевые особенности обоих полов и объективно анализирующие факты языка. К числу таких работ относятся исследования Дж. Коутс, Кв. Хандке, Р.М. Бренд, Д. Кристал (обзор см. [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Горошко, 1996]).

В зарубежных лингвистических исследованиях в гендерном аспекте рассмотрены практически все языковые уровни, кроме того, с учетом социокультурного пола изучались и разные аспекты речи (выбор темы, вопросы, перебивы, стратегии речи мужчин и женщин, молчание и болтливость и их функции в мире мужчины и женщины) [Салмина, 2000; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. Однако результаты и выводы этих исследований не могут быть применимы в русском языкознании, так как содержание мышления носит сугубо национальный характер, который, естественно, отражается в языке. По мнению П.Серио, «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» (цит. по: [Кубрякова, 1995. С.168]). Этот тезис важен для понимания того, как развивается гендерология в России и в чем ее отличия от западной.

Проблема пола в западной лингвистике имеет более глубокие корни и «предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик» [Фуко, 1996. – С.425]. Так, в зарубежной лингвистике основой для возникновения и развития гендерного направления послужили некоторые течения философской мысли XX века, в частности, постмодернизм. Постмодернизм переосмысливает формы, идеи, модели деятельности, которые были

сформулированы в предыдущую эпоху. Так, феминистки стали переосмысливать патриархатность сначала в общественной жизни, а потом в структуре языка. Постмодернисты утверждают, что мир познаваем только через языковые формы, таким образом, доказывається зависимость сознания личности от стереотипов языка [Ильин, 1996]. Гендерологическое направление, возникшее в это время в западном языкознании, фиксирует и анализирует стереотипы феминности и маскулинности в языке.

Напротив, и это важно подчеркнуть, российская гендерология не является результатом феминистских исследований, поскольку таких традиций в отечественном языкознании не было, и не основывается на постмодернистских теориях.

В современной русистике можно выделить четыре общих принципа, которые присущи общемировым исследованиям в целом [Кубрякова, 1995]:

- экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращенность к проблеме "человек в языке");
- неофункционализм (рассмотрение языка как деятельности, то есть изучение его употребления);
- экспланаторность (объяснительность).

Все эти принципы, так или иначе, проявляются в российской гендерологии, которая, во-первых, скомбинировала в себе несколько научных областей (прежде всего психологию, социологию, лингвистику); во-вторых, поместила в центр своего исследования языковую личность и ее речевую деятельность в зависимости от биологического и социального пола; в-третьих, демонстрирует стремление не только выявить, но и объяснить причины возникновения гендерных различий в речи.

А.В. Кирилина, проводя более подробный и системный анализ проблем лингвистических гендерных исследований, выделяет шесть основных направлений, которые различаются как концептуально, так и с точки зрения методологии и характера изучаемого материала [Кирилина, 1999].

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. «Феминистская» лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие речевое поведение обоих полов.
4. Исследование маскулинности (самое молодое направление, возникшее в конце XX столетия).
5. Психолингвистические исследования, в рамках которых, как полагает А.В. Кирилина, проводится работа в области нейролингвистики, изучение онтогенеза речи, сюда же относится и биодетерминистское направление, исследующие когнитивные особенности и различия между мужчинами и женщинами и их проявления в речи.
6. Культурные, лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур.

«Феминистская» и «маскулинистская» лингвистика, при всей их нынешней неопределенности, могут стать, вероятно, в дальнейшем самостоятельными направлениями в гендерологии, поскольку они достаточно изолированы и обособлены друг от друга, их цели и объект исследования несколько иной, чем в собственно гендерных лингвистических исследованиях.

Все остальные направления, как нам кажется, уместнее охарактеризовать как аспекты одной и той же проблемной области и соответствующей лингвистической отрасли.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить следующие аспекты современной гендерной лингвистики:

1. Когнитивный аспект, который рассматривает отличия в языковой компетенции мужчин и женщин на глубинном уровне, а именно: как организован информационный тезаурус у мужчин и женщин, как отражается тот или иной концепт в мужском и женском сознании и т.д.

2. Психолингвистический аспект.

3. Социолингвистический аспект.

4. Культурологический (или лингвокультурологический) аспект, отслеживающий, как и почему отражается женский или мужской образ в сознании носителей языка и собственно в языке.

5. Эколингвистический аспект.

6. Юрислингвистический аспект.

7. Коммуникативный аспект (или речеведческий), то есть выявление и описание особенностей речевых стратегий, тактик, интенций, реализуемых в речевых актах, а также использования тех или иных речевых жанров и т.д.

Естественно, что представленная классификация весьма условна, как и любая таксономия, все эти аспекты имеют много общего, они могут пересекаться и взаимодействовать друг с другом. В единстве своем они дают целостное представление о том, как отражаются и проявляются в языке мужчина и женщина как языковая личность.

1. 3. Причины различий в речевой деятельности мужчин и женщин

В контексте нашего исследования важно описать причины, которые влияют на возникновение различий в речевой деятельности женщин и мужчин. Причины этих различий следует искать в

биологических, психологических, социальных особенностях женской и мужской языковой личности.

Характеризуя биологические различия, мы остановимся на особенности, которая связана с функциональной асимметрией мозга. У детей с момента рождения имеются такие межполовые различия, которые позднее могут определять их речемыслительную деятельность. Так, на третьем месяце у зародыша, если это мальчик, в большой концентрации имеется гормон тестостерон, который влияет на скорость роста полушарий развивающегося мозга и ответствен за возможные различия в строении мозга у мужчин и женщин [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер, 1988]. Высокое содержание тестостерона в период внутриутробного развития замедляет рост левого полушария (интересен тот факт, что уже в древнейших мифологиях и обрядах правая сторона ассоциировалась с мужским, а левая – с женским началом). Эти возможные половые различия в анатомии мозга приобретают определенный смысл в сопоставлении с данными о том, что повреждения мозга приводят у мужчин и женщин к разным результатам. Нейропсихологические исследования позволяют утверждать, что специализация полушарий у мужчин и женщин различна. Большинство работ, существующих в настоящее время и посвященных вопросу половых различий в функциональной асимметрии мозга, свидетельствуют о том, что половые различия существуют в распределении вербальных и пространственных функций между полушариями [Спрингер, Дейк, 1983].

Есть данные о том, что в онтогенезе у девочек быстрее развивается левое полушарие и аналитический стиль мышления [Коновалов, 1979]. У мальчиков уже к шестилетнему возрасту правое полушарие специализируется в формировании пространственных представлений и воображения. Мальчики лучше, чем девочки,

ориентируются в пространстве. В возраст 7-8 лет они успешнее решают наглядные, а девочки – словесные задания [Бианки, Филиппова, 1997].

Экспериментальное изучение речи билингвов и монолингвов обоего пола позволило исследователям сделать определенные выводы относительно речепорождающего процесса с позиций генеративной семантики. Можно полагать, что физиологические механизмы правого полушария обеспечивают формирование глубинно-семантических структур высказывания, тогда как левое полушарие ответственно за постсемантические процессы – трансформацию глубинных структур в поверхностные, уже оформленные и грамматически, и фонетически [Котик, 1983].

Исследования же в области функциональной асимметрии мозга последних лет показали, что функции полушарий различны в формировании не только фонетического, но и морфологического, лексического, синтаксического и семантического уровней языка. Участие в организации речевой деятельности правого и левого полушарий "осуществляется при постоянном и гибком их взаимодействии, обеспечивает возможность двоякого познания внеречевой действительности, создавая целостный чувственно-иконический образ мира и проверяя его истинность через построение рациональных и логических моделей" [Черниговская, Балонов, Деглин, 1982 С. 34]. В.Л. Деглин формулирует гипотезу о семиотической природе функциональной асимметрии мозга, согласно которой последняя выявляется только при обработке знаковой информации и отсутствует при обработке информации, не имеющей знакового характера. Ведущим, по мнению ученого, есть принцип семантического дублирования, то есть объективная реальность получает в сознании

двойное отражение, мозг параллельно создает две знаковые модели мира: правое полушарие – иконическую, а левое – символическую

В прессе были опубликованы результаты японских исследований, которые считают, что у женщин центры организации речи и связанные с ней двигательные функции находятся в передних участках мозга, а у мужчин в задних отделах. Эти данные подтверждают поговорку, что мужик крепок задним умом («Российская газета», 2002, 5 апреля).

Итак, полагая, что мужчина воспринимает речь преимущественно левым полушарием, а у женщин речевые функции размещаются в обоих полушариях головного мозга, то есть у женщины мозг менее асимметричен, становятся понятными и различия в речи, обусловленные половой дихотомией.

При изучении языкового сознания мужчин и женщин в его связи с функциональной асимметрией мозга были получены экспериментальные данные, говорящие о том, что при оперировании вербальным материалом левое и правое полушария используют принципиально разные стратегии. Если стратегия левого полушария логическая, то стратегия правого – метафорическая, ассоциативно-эмоциональная [Горошко, 1996]. Данное положение объясняет высокую эмоциональность и метафоричность женской речи. Было установлено также, что «левое полушарие осознает обобщенно, абстрактно, правое же целостно, во всем богатстве признаков, то есть, возможно, более конкретно» [Горошко, 1996. С. 42]. Эти особенности левого и правого полушарий объясняют тот факт, что для мужчин в большей степени характерно использование абстрактных существительных и глаголов, а в речи женщин отмечается преимущественное употребление конкретных существительных и качественных прилагательных.

Таким образом, можно предположить, что некоторые речевые особенности женщин обусловлены функциональной асимметрией

мозга, а именно тем, что речевые функции у женщин размещены в обоих полушариях

При анализе психологических особенностей женщины и мужчины мы остановимся на следующих параметрах: память, интеллект, эмоциональность.

«Наличие существенных психологических различий между мужчиной и женщиной само по себе ни у кого не вызывает сомнений. Однако эмпирические данные на этот счет, несмотря на огромное количество исследований, недостаточны и часто противоречивы» [Кон, 1981. С.52]. Не все виды психических процессов дифференцируются на «мужские» и «женские» по принципу или - или. К.Г. Юнг объясняет это тем, что «женщина компенсируется мужским началом, и потому ее бессознательное несет на себе, так сказать, мужской отпечаток» [Юнг, 1997. С.163].

Важно отметить межполовые отличия в таких познавательных процессах, как память и интеллект, поскольку они формируют языковые и неязыковые знания, или «набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему» [Кубрякова, 1996. С.29]. Память едва ли не основная часть нашего сознания и разума, и те знания, которые представлены в языке, так или иначе, связаны с разными аспектами памяти.

В психологической литературе приводятся сведения о том, что в 18-20 лет по развитию функций памяти на первое место выходят юноши и далее через неравные временные промежутки женщины чередуются с мужчинами. Установлено, что мужчины запечатлевают материал легче и быстрее, но хуже сохраняют [Виноградова, Семенова, 1993]. Некоторые экспериментальные психологические данные, характеризующие память мужчин и женщин, противоречивы. Так, одни исследователи утверждают, что большая часть шкальных

оценок памяти у мужчин в той или иной мере выше оценок памяти женщин. Другие данные показывают, что «по общей массе корреляционных связей между различными показателями памяти с 18 до 40 лет женщины опережают мужчин» [Виноградова, Семенов, 1993]. Все эти исследования демонстрируют, что кардинальные отличия в памяти мужчин и женщин не выявлены, однако установлено, что зрительная память развита лучше у девочек, чем у мальчиков [Вейн, Каменецкая, 1973]. Возможно, именно эта особенность влияет, во-первых, на орфографическую компетенцию женщин, а во-вторых, на их ассоциативное поле (экспериментальные данные позволяют утверждать, что у женщин оно более конкретное, а у мужчин – абстрактное).

Результаты исследований межполовых особенностей интеллекта показывают, что «взрослые мужчины и женщины по усредненным показателям интеллектуального развития не отличаются» [Виноградова, Семенов, 1993. С. 64]. Однако установлено, что у мужчин лучше выходят цифровые и пространственные задачи, возможно потому, что они больше зависят от правого полушария. Женщинам легче даются словесные задачи и задачи на запоминание, это связано с тем, что они больше зависят от левого полушария [Рюриков, 1986]. Психологами выявлена еще одна закономерность: «среди мужчин больше умственно отсталых индивидуумов, но и больше высокоодаренных» [Виноградова, Семенов, 1993. С. 64], зато обычно умных среди женщин больше.

Особое место в гендерологии занимает проблема эмоциональности. Эмоции – это прежде всего проявление определенных психических способностей человека, однако на проявление эмоциональности влияет ряд других факторов, например биологический или социальный. Уже общим моментом (как в научном

дискурсе, так и в обыденной жизни) стало утверждение о том, что женщины более эмоциональны и имеют более развитую интуицию, чем мужчины. Интересно то, что это утверждение характерно для представителей разных культур. Эмоциональность рассматривают как один из существеннейших моментов женственности, как правило, противопоставляя ее мужской рациональности. Такое противопоставление можно встретить и в работах великих философов прошедших веков, и в психологических исследованиях XX столетия. Принято считать, что в отличие от мужчин женщины реже скрывают свои эмоции, чаще выражают нежные чувства и чувствуют себя обиженными. Было доказано, что мужчины не могут выразить свои истинные чувства, даже если сами этого хотят. Существует гипотеза, что в женском мозгу имеется непосредственная связь между эмоциональным и речевым центрами. Очевидно, это и объясняет большую эмоциональную насыщенность женской речи. В мужской психологии больше рассудочности, возможно, потому, что «мужская логика – больше логика мыслей, чем чувств» [Курбатов, 1996. С. 64].

Если говорить о психологических особенностях мужчин и женщин, то особый интерес, на наш взгляд, представляет теория "процессора половой дихотомии" (ППД), разработанная А.М. Холодом для объяснения реализации полового диморфизма в речевом поведении или же прагматики мужской и женской речи [Холод, 1992, 1994]. Предполагается, что стиль мужчины и стиль женщины должны быть "отличны" своими маркерами. Теория основывается на том положении, что речевая деятельность – это один из видов общей психической деятельности. А.М. Холод полагает, что сексуальная деятельность, так же как и речевая, является одним из видов общей психической деятельности, то есть оба вида деятельности функционируют в ее рамках как элементы одной системы. Следовательно, подобная

взаимообусловленность имеет характерную маркированность [Холод, 1994]. Наличие некоторых характерных особенностей в стиле обусловлено функцией процессора половой дихотомии (ППД). А.М. Холод считает, что ППД – это один из элементов универсального предметного кода, который ответствен за формирование символьных схем кодов на речевом этапе в соответствии с принадлежностью человека к одному из полов. Суть ППД сводится к следующим положениям:

ППД отражает психическую дифференциацию в мышлении в связи с критерием принадлежности человека к мужскому и женскому полу. Механизм подобной дифференциации основан на психофизиологических и социальных признаках определенного пола. В языке функции ППД выражаются посредством фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических единиц; в речи средством выражения могут выступать «характер вокализации, предметная соотнесенность морфем с полом как результат репрезентации, грамматическая селекция морфологических категорий с полом носителя языка; «мужской», «женский» стили речи, диалогическая стратегия, селекция синтаксических структур как средств отражения антропоцентрических характеристик носителя языка и т.д.» [Холод, 1994. С. 15]. Предположительно, ППД выражен в символах универсального предметного кода. В различных культурах ППД выступает также в качестве универсального. Таким образом, теория ППД пытается объяснить все различия мужской и женской речи через психические особенности человека. В какой-то мере это оправданно, так как возможно предположить, что на порождение сравнительных конструкций влияет ППД. Однако целостную картину причин гендерных различий может дать только совокупность всех факторов.

«В сознании людей существуют своеобразные обыденные концепции, играющие роль системы координат, через призму которой истолковываются и оцениваются отношения мужчин и женщин, их социальное своеобразие, роли, положение в семье, различных сферах общественной жизни» [Нечаева, 1997. С. 19]. Подобная картина мира (Н.А. Нечаева определяет ее как гендерную картину мира) формируется социумом. Мужчина и женщина в обществе выполняют определенную социальную роль (нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого). Детей с самого рождения воспитывают, обучают в соответствии с их социальной ролью, или гендерной ролью [Митина, Петренко, 2000]. Гендерные роли – это понимание того, каким должно быть поведение представителей разных полов в данной культуре (социальное поведение, манеры, речевое поведение). Разнообразие в виде гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствуют о том, что наши гендерные роли формируются культурной, исторической эпохой. И.С. Кон отмечает следующее: "Если рассматривать этот вопрос исторически, нельзя не заметить, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности - феминности отличались следующими характерными чертами:

1) мужские и женские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными;

2) эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми;

3) мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими - женщине отводилась, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов" [Кон, 1981. С. 53].

Таким образом, гендерные стереотипы стабильны, их корни уходят в глубокое прошлое, в ходе развития общества они мало подвергаются изменениям и передаются из поколения в поколение. Гендерные роли не только определяют условия жизни мужчин и женщин, но также влияют на характер мышления. Поскольку словесно-логическим воплощением мышления является язык, то и речевое поведение мужчин и женщин также зависит от гендерных ролей. Так, основная гендерная роль женщины – материнство, которое привязывает женщин к дому, делает ее жизнь более «оседлой». Эта роль формирует условия жизни: в ее обиходе меньше опасностей, напряженности, она живет в более узком информационном кругу.

Как отмечает Т.А. Бернштам, ограничение женского пространства границами избы, подполом, поветью, чердаком и воротами «реализовало мифологическое представление о связи женского начала с «внутренним», «низом», «хаосом» (крыша и ворота как его граница)» [Бернштам, 1985. С. 132]. Поэтому женский мир – это дети, родственники, знакомые, это мир повседневных хлопот. Возможно, именно поэтому темы женских разговоров чаще всего связаны с проблемами семьи; в их речи чаще употребляются оценочные прилагательные [Горошко, 1990; Мартынюк, Медведева, 1990] и реже встречается употребление инвективной лексики [Жельвис, 1989].

Мужская же социальная роль предполагает меньшую прикованность к дому, от этого больше в его жизни незнакомого и разнообразного, он живет в более широком информационном кругу. Возможно, именно с этим связано то, что темы мужских разговоров не ограничиваются домашними проблемами (спорт, политика, бизнес и т.д.).

Итак, различия в речи женщин и мужчин обусловлены комплексом факторов: психофизиологических и социальных. В научной литературе

существуют противоречивые мнения о том, какой фактор основополагающий. Дискуссионной остается проблема степени соотношения биологических и социальных факторов в языке и речи. Так, существует мнение, что социальный фактор доминирует, «поскольку законы биологии, согласно которым формируется человеческий организм, являются социально опосредованными» [Федосеев, 1977. С. 17-18], «сознание и по своему происхождению и по содержанию социально» [Уфимцева, 1988. С. 163]. Подобный социодетерминизм проявляется в исследованиях представителей феминистской лингвистики и этнолингвистики (обзор соответствующих трудов см. [Горошко, Кирилина, 1999]. Е.И. Горошко, Т.Н. Салмина указывают, что основополагающим служит биологический фактор, а социальный и психологический имеют лишь опосредованное значение [Горошко, 1996; Салмина, 2000].

Таким образом, в научном дискурсе присутствуют в большей или в меньшей степени обоснованные доказательства как социодетерминизма, так и биодетерминизма. Мы придерживаемся точки зрения А.В. Кирилиной, утверждающей, что в настоящее время можно говорить о биосоциальном характере полового диморфизма, «так как, объясняя поведенческие и речевые различия между полами, современное состояние гендерологии не позволяет отдать явное предпочтение ни причинам биологического порядка, ни социокультурным доминантам» [Кирилина, 1999. С. 51].

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ

2. 1. Когнитивный уровень языковой личности

Исследование функционирования языка не может ограничиваться анализом языковых явлений как таковых, важно принять во внимание все многообразие факторов и условий, связанных с субъектом речемыслительной деятельности. Конструирование и представление цельного образа субъекта речемыслительной деятельности позволяет сделать теория языковой личности.

Языковая личность (ЯЛ) – одно из центральных понятий современной лингвистики, что соответствует ее антропоцентрической направленности (А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов и др.). По определению Ю.Н. Караулова, ЯЛ – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной целевой направленностью [Караулов, 1987].

Понятие ЯЛ предполагает рассмотрение каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения. Однако в сходных или в однотипных коммуникативных ситуациях люди ведут себя одинаково. Это связано с тем, что говорящие в своем индивидуальном речевом поведении демонстрируют общие особенности группового речевого поведения: отдельный носитель языка «как бы фокусирует в себе черты коллективных языковых личностей» [Горелов, Седов, 1998. С. 114]. Например, житель города одновременно может выступить как ЯЛ горожанина, ЯЛ студента-словесника, ЯЛ двадцатилетнего юноши и т.д.

Таким образом, возможно выделение совокупной ЯЛ, которая отражает типичные черты речевого поведения определенного языкового коллектива (русская ЯЛ, ЯЛ школьника, сельского жителя и т.д.), и индивидуальной языковой личности (идиолектная ЯЛ). ЯЛ как совокупный объект и как конкретный носитель данного языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Как справедливо отмечает В.С. Юрченко, «абстрактный говорящий репрезентируется через конкретного говорящего, но тождества между ними нет, как нет тождества между сущностью и явлением, языком и речью» [Юрченко, 1993. С. 5].

В данной главе ЯЛ современной российской женщины рассматривается как обобщенный, совокупный образ женщины, носительницы русского языка. Естественно, что адекватное и достаточно полное описание женской ЯЛ возможно только на базе определенного сравнения с характеристиками мужской ЯЛ.

Во-первых, следовало бы отметить, что в русском языке вообще отсутствуют резкие границы между мужской и женской речью, доводящие, например, до возникновения особых «половых» языков. Однако, с другой стороны, в лингвистических описаниях межполовых различий в языке и речи существует такое мнение, что мужчины и женщины в речи пользуются каждый своим особым кодом, и есть языковые единицы, которые избираются только мужчинами или только женщинами [Бакушева, 1992].

Нам же представляется – и это доказывается собранным нами материалом, – что в данном случае можно говорить скорее об особенностях, нередко довольно различных, мужского и женского речевого действия и, соответственно, речевого поведения. Данные особенности определяются и проявляются как тенденции в использовании или употреблении тех или иных языковых единиц на

вербально-семантическом уровне и определенных речевых жанров (а также каких-либо речевых тактик или иных речевых действий) на мотивационном уровне.

Отсюда следует контрастивность нашего последующего описания в том отношении, что при анализе большинства гендерных характеристик речи и речевого поведения женщин и мужчин, контрастных самих по себе, решающим является то, что эти характеристики по природе своей параметрические, например «чаще – реже», «больше – меньше» (по отношению к процессу речи и пр.). Отметим также то, что полное описание ЯЛ женщины на данном этапе не представляется нам возможным, поскольку многие вопросы (в частности, концептуальная система и др.) требуют дальнейшего глубокого изучения. В работе представлены только те особенности, которые, как нам кажется, присущи больше женщинам, нежели мужчинам.

Исследования последних лет позволяют утверждать, что в речевом действии и речевом поведении любой женщины существуют общие черты, обусловленные биологическими, психологическими, социальными причинами (см. гл. 1). Речевое поведение ЯЛ базируется первоначально на психических особенностях человека (как индивидуальных, так и общих), а также на реальном социальном поведении, поскольку речевое поведение, по определению О.М. Казарцевой, – это «малоосознанная активность, проявляющаяся в образцах и стереотипах действий, усвоенных человеком либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта» [Казарцева, 1998. С. 193].

Языковой личности в целом свойственна языковая способность, представляющая собой совокупность разнородных взаимосвязанных уровней. Структура языковой способности личности подробно

рассматривается Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1997]. В качестве составляющих языковой способности автор выделяет ассоциативно-вербальную сеть (или вербально-семантический уровень), тезаурус (или когнитивный уровень) и прагматикон (или мотивационный уровень). Отметим, что все три уровня взаимосвязаны. Как нам кажется, ЯЛ начинается с когнитивного уровня, который в свою очередь основывается на когнитивной деятельности человека, то есть это то, что индивид знает, предполагает, думает или воображает об объектах действительного и возможных миров [Павиленис, 1983], то, что входит в концептуальную систему человека. Результаты когнитивной деятельности, формируясь в определенный тезаурус, репрезентируются в языке, а значит, уже рассматриваются на вербально-семантическом уровне. Выбор тех или иных лексических единиц, синтаксических конструкций и т.п. отражает, прежде всего, коммуникативное намерение говорящего, таким образом, прагматический уровень взаимосвязан с вербально-семантическим.

Когнитивный уровень основывается на когнитивной деятельности ЯЛ, в результате которой человек приходит к определенному решению или знанию. Знание – это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему.

Можно предположить, что вся информация в голове человека существует в виде некой «базы данных» или «базы знаний». Восприятие и трансформацию данной информации (или базы данных) в определенный тезаурус предопределяют глубинные, или когнитивные, структуры, которые имплицитно находятся в сознании личности. Подобное когнитивное пространство ЯЛ состоит из разнообразных взаимодействующих слоев, которые обладают различными свойствами и выполняют разные функции. Так, в языковом сознании каждого человека существует индивидуальное когнитивное

пространство (ИКП), то есть определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, формируемая в соответствии с психофизиологическими возможностями индивида, но под контролем системы норм и оценок, вырабатываемых в социуме [Красных, 1997; Залевская, 1999]. ИКП личности – это сплав индивидуальных и коллективных знаний. Последние представляют собой общие, обязательные знания, которые национально и культурно детерминированы. Таким образом, ИКП и коллективное когнитивное пространство определяют функционирование речевых механизмов, а следовательно, влияют на прохождение и восприятие речи.

Естественно предположить, что на характер и своеобразие ИКП, язык личности накладывает свой отпечаток и фактор пола, поскольку у женщин и мужчин существуют свои психофизиологические особенности, которые, естественно, влияют на формирование и функционирование знаний языковой личности. Подобная точка зрения отражена в работах А.М. Холода [Холод, 1994]. Он считает, что в универсальном предметном коде человека функционирует «процессор половой дихотомии», который ответствен за формирование символических схем кодов в соответствии с принадлежностью человека к одному из полов (см. гл. 1). Данный тезис подтверждают исследования, выполненные в русле психолингвистического направления [Кон, 1981; Доценко, 2000], которые позволяют говорить о том, что фактор пола оказывает влияние на когнитивный стиль и стратегию ассоциирования личности.

Когнитивный уровень предполагает то, что у каждой языковой личности существует свой информационный тезаурус. Выстроить общий информационный тезаурус совокупной ЯЛ женщины нам видится пока невозможным, поскольку единицы тезауруса (концепты,

фреймы и др.) не всегда соотносятся с понятиями, так как источниками знаний о мире является не только язык и тексты, но и чувственный опыт, деятельность. Когнитивный уровень языковой личности предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания к знанию, сознанию, процессам познания человека [Караулов, 1989].

Исследователями отмечается, что процесс познания, а впоследствии и функционирование индивидуального знания человека опирается одновременно на перцептивный (перцептивные модусы), когнитивный и эмоционально-оценочный опыт [Залевская, 1999; Рузин, 1994]. Особенности вербально-семантического уровня (см. далее) доказывают, что при функционировании тех или иных знаний у женщин доминирует эмоционально-оценочный опыт. Возможно, именно эта особенность влияет на организацию женского информационного тезауруса в целом. Таким образом, можно предположить, что у женской языковой личности существует своя организация когнитивного уровня.

2. 2. Вербально-семантический уровень языковой личности

Данный уровень предполагает владение естественным языком. Вербально-семантический (или вербально-грамматический, или ассоциативно-вербальный) уровень принимается каждой языковой личностью как нечто данное. Различные индивидуально-креативные возможности или способности, проявляющиеся в словотворчестве, оригинальности ассоциаций, в употреблении нестандартных словосочетаний, «не в состоянии изменить эту генетически и статистически обусловленную данность» [Караулов, 1987. С. 53]. Однако некоторые закономерности проявляются в том, как

структурированы те или иные понятия в субъективном тезаурусе и репрезентированы в языке.

На данном уровне условно можно выделить несколько субуровней (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический). Рассмотрим некоторые из них.

Фонетический субуровень

Фонетическая оболочка слова, высказывания является завершающим этапом во всем механизме речепроизводства. С помощью фонетических средств языка говорящий воплощает внутреннюю речь во внешнюю. Исследования российских лингвистов (см. [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Ерофеева, 2000]) доказывают, что гендерные отличия существуют уже на данном этапе речепроизводства.

Еще в 1970-е годы Р.И. Аванесов использовал понятие «фонологическое мышление» [Аванесов, 1974. С. 8], понимая под этим фонологическую подготовку человека. Естественно, что фонологическое мышление национально и культурно детерминировано, и звуковой фонд мужчин и женщин одинаков, однако отличия в выборе тех или иных фонетических средств языка для передачи информации, позволяют утверждать, что гендерный фактор накладывает некоторый отпечаток на фонологическое мышление человека. Так, в работах зарубежных исследователей Дж. Градолла и Дж. Свэн констатируется тот факт, что для женщин характерно более правильное произношение (более подробно это рассматривается в работе [Горошко, 1996]).

В последние десятилетия психолингвистами активно разрабатываются модели речемыслительного процесса и продуцирования речи [Ахутина, 1989; Зимняя, 1985; Леонтьев, 1997; Залевская, 1999]. В каждой из этих моделей должное место отводится

фонетическому плану речи. Так, В. Левелт выделяет такой глубинный процесс, как фонологическое кодирование, посредством которого говорящий извлекает фонологические формы для лексем и строит «фонетический и артикуляторный план высказывания» (см. [Залевская, 1999. С. 220]). Используя терминологию В. Левелта, можно предположить, что процесс фонологического кодирования у женщин несколько отличен от мужчин, поскольку фонетический уровень языка реализуется в речи представителей того или иного пола не одинаково. Безусловно, это связано, прежде всего, с физиологическими особенностями пола (тембр, высота голоса). Лингвистами отмечается, что набор произносительных особенностей в речи мужчин и женщин один и тот же, однако их частотность в некоторых случаях различна. Так, для женщин более частотными являются различного рода смягчения согласных, причем даже тех, которые в нормативном литературном языке могут быть только твердыми: [ж], [ш] [Ерофеева, 2000]. Результаты исследования ассимилятивного смягчения согласных также показывают, что для женщин оно более характерно, чем для мужчин (тенденция к «смягчению» речи проявляется не только на фонетическом, но и на других языковых уровнях, например лексическом – склонность к эвфемизации; морфологическом – использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами).

Чрезмерная качественная редукция гласных по подъему и упрощение конечной группы согласных [ст] чаще встречается у мужчин. Сопоставляя частоты сегментных особенностей у мужчин и женщин, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова отмечают, что «для многих мужчин характерен меньший раствор рта, чем для женщин» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993. С. 103], возможно, что именно это и приводит к большему распространению чрезмерной редукции в речи мужчин. Данная особенность мужской речи доказывает

очевидность того, что закон экономии речевых усилий свойствен больше мужскому фонологическому мышлению, нежели женскому. Женщины же чаще склонны растягивать гласные, в частности ударные гласные, которые удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом случае можно считать их функциональными. Растяжка гласного в сочетании с разными типами мелодических движений может передавать разные значения [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. Это делает речь женщины интонационно насыщенной. Мелодическое богатство достигается также за счет таких просодических средств, как придыхание, лабиализация, назализация. Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния говорящего. Мужчины же для выражения эмоциональных значений чаще используют средства фразовой просодии. Можно также предположить, что большое количество синтагм в речи мужчин компенсирует мелодическое однообразие их речи и позволяет достичь передачи смысла не интонированием, а более дробным членением [Ерофеева, 2000].

Таким образом, что фонологическое мышление женщин несколько отличается от фонологического мышления мужчин, что влечет за собой определенную разницу в фонологическом кодировании при речепроизводстве.

Лексический субуровень

Лексикон является одним из важнейших механизмов когнитивной переработки информации. Изучение индивидуальных особенностей лексикона ЯЛ открывает доступ к единому информационному тезаурусу индивида. Предполагается, что информационный тезаурус женщины организован несколько иначе, чем у мужчин. Это объясняется тем, что

процесс переработки получаемой информации у мужчин и женщин происходит под влиянием их психофизиологических особенностей, а также социальных установок (стереотипов норм поведения и т.д.). Изучение мужского и женского лексикона в целом показало, что у мужчин центральный общеупотребительный слой лексики меньше, зато мужчины лучше владеют различными периферийными разделами словаря [Мартынюк, Землянский, 1994]. Таким образом, некоторые периферийные разделы общего словаря в мужском лексиконе будут перемещаться в ядро. Так, результаты исследований доказывают, что у мужчин ближе к центру находятся такие группы слов, как профессионализмы, термины [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993], то есть у мужчин актуализируются профессиональные знания, что объясняется социальными и биологическими факторами. У женщин же данные группы слов находятся на периферии. Зато ближе к ядру такие группы слов, которые условно можно назвать «эрзацноминации», то есть слова, являющиеся неполноценными заменителями того или иного термина. Чаще всего эрзацноминации сопровождаются излишним употреблением местоимений (*какой-то, такой*), частиц. Например: *Там такое темное пятнышко // Ну, там элементы какие-то потекли.*

Изучение закономерностей в употреблении инвектив, жаргонизмов, элементов сленга показало, что данные группы слов находятся на периферии женского лексического поля и ближе к центру в организации мужского лексикона. Так, В.И. Жельвис обращает внимание на тот факт, что «существуют специальные слова, предпочитаемые в конфликтной ситуации, прежде всего, женщинами, и слова, характерные для мужской речи, но употребляемые женщинами, которые прекрасно осознают, что пользуются «не своими» вербальными средствами» [Жельвис, 1989. С. 268]. Возможно, что

использование женщиной инвективной лексики вступает в противоречие с усвоенным ею стереотипом поведения и ее социальной ролью. Интересно в данном случае наблюдение Е.И. Горошко, которая считает, что для женщины инвектива семантически не опустошена и, употребляя то или иное ругательство, «она как бы представляет его реально («воочию»)» [Горошко, 1996]. Для мужчин же свойственно семантическое опустошение инвективы. Таким образом, «маргинальная» лексика занимает неодинаковое положение в общей организации лексикона мужчин и женщин.

Активизация тех или иных лексических единиц в словаре женщин и мужчин связана естественным образом с актуализацией тематических групп слов. Общеизвестно, что в тезаурусе женской ЯЛ активизированы такие тематические группы слов, как «семья», «дом», «дети», «одежда», «косметика», «диета» и др. В мужском тезаурусе активизируются другие тематические группы: «спорт», «техника», «политика», «рыбалка», «армия» и др. Стоит отметить также, что некоторые тематические группы в мужском и женском тезаурусах различны в своем объеме. Так, словарь цветообозначений у женщин значительно шире. Они употребляют больше специфических названий цветов, многие из которых являются заимствованными, например *беж, мезар, перваши* [Горошко, 1996].

Исследования внутреннего лексикона человека с учетом его половой принадлежности показали, что структура женских ассоциативных полей имеет ряд отличий от мужских. Так, количество ассоциаций на одно слово-стимул у женщин в среднем в два раза больше, чем у мужчин. С другой стороны, мужские ассоциации разнообразнее и оригинальнее, а женские нередко банальны и стандартны [Кирилина, 1999] (наш экспериментальный материал подтверждает данный тезис).

Для женского ассоциативного поля в парадигматических типах ассоциаций более актуальны отношения синонимии, причем чаще всего они представлены квазисинонимами (контекстуальными синонимами). Например: *роза – подарок; чистый – блестящий, приятный*. В мужских парадигматических ассоциациях актуализированы гипонимы (*вода – питье, заяц – животное, зверь*). Отношения антонимии также более актуальны для речи мужчин, в их внутреннем лексиконе они чаще соотносятся с собственно языковыми антонимами (*друг – недруг, враг*). Анализ ассоциаций синтагматического типа показывает, что для внутреннего лексикона женщин в большей степени, чем для мужчин, свойственны атрибутивные или объектные связи: *ночь – темная, встреча – с подругой* и т.д.; а для мужчин – сочинительные связи: *хлеб – соль, мастер – ломастер* [Доценко, 2000].

Изучение ассоциативного значения того или иного слова в речи женщин и мужчин позволяет обнаружить глубинную модель связей и отношений, «которая складывается у человека через речь и мышление и лежит в основе когнитивной организации его многостороннего опыта» [Залевская, 1999. С. 105]. Так, проведенные нами экспериментальные исследования ассоциативного значения слова «семья» позволяют утверждать, что глубинные связи и отношения, отражающие это понятие, различны в сознании мужчин и женщин [Шмульская, Федорова, 2001]. При анализе гендерных различий выявилось, что у информантов женского пола ближе к центру, наряду с ассоциативными понятиями «дети», «муж», «жена», располагаются также такие понятия, как «любовь», «счастье», «кухня», а на периферии – понятия «работа», «друзья», «брак», «ссоры». Информанты мужчины помещают в центр такие ассоциаты, как «брак», «забота», «жизнь», «измена», а на периферию – «глупость», «верность», «обязанность». Таким образом,

структура ядерных и периферийный компонентов концепта «семья» действительно различается.

Субконцепт «дети» представлен еще более разнообразными и противоречивыми ассоциациями. Для мужчин понятие «дети» связано прежде всего с такими ассоциациями, как «будущее», «надежды», «груз», «обуза», «прощание с надеждами», «рабство». В целом представление о детях соответствует мужским психологическим приоритетам и стереотипам: с одной стороны, дети – будущие наследники, надежда на продолжение рода, с другой – дети – обуза, мешающая жить по мужским правилам. В восприятии информантов женского пола субконцепт «дети» вызывает словесные реакции совсем иного ассоциативного ряда: «любовь», «забота», «коляска», «соска», «ползунки», «горшок», «детский сад» и т.п. Женский ассоциативный ряд представлен как более конкретный, обыденный, житейский, но также отражает традиционные, хотя уже женские семейные приоритеты и стереотипы. «Приземленность» вербальных реакций обусловлена, очевидно, тем, что женщиной движут материнские инстинкты, забота о детях.

Заложенные в языковом сознании людей гендерные стереотипы, формирующие различия в мужской и женской языковой картине мира, особенно ярко проявляются в восприятии субконцептов «муж» и «жена». Как у мужчин, так и у женщин ядро концептосферы «жена» составляют понятия «хозяйка», «мать», эксплицированные в соответствующих словесных выражениях. Отличия заключаются в том, что информанты женского пола ближе к этому ядру располагают ассоциативные понятия «домработница», «служанка», «раба», «уборка» и т.п. У мужчин же в центре находятся абсолютно противоположные ассоциации: «красавица», «любовь», «верность», в

то время как понятия, связанные с «серой житейской прозой», перемещаются на периферию («кухня», «ссоры», «однообразие»).

Морфологический субуровень

В когнитивной психологии и лингвистике остается пока нерешенным вопрос о том, каким образом хранятся сведения о морфологической структуре слова, об особенностях его синтаксического использования: в отдельных субкомпонентах ментального лексикона, или все эти сведения «записаны» при отдельных словах [Кубрякова, 1991]. Поэтому описание данного субуровня представляет определенную сложность. Ю.Н. Караулов отмечает, что «в лексиконе «разлита», распределена грамматика, которая по самой своей сути связана со знаниями о мире» [Караулов, 1987. С. 90].

Языковые единицы, категории, классы указывают на ту содержательную информацию, которая уже стала продуктом человеческой обработки. «Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности, эта информация обретает в языковых формах свое отражение и свою фиксацию» [Кравченко, 1986. С. 10].

Экспериментальные исследования мужских и женских текстов (как устных, так и письменных) позволяют утверждать, что женщины чаще употребляют оценочные прилагательные [Горошко, 1990; Мартынюк, Медведева, 1990], местоимения, частицы [Крючкова, 1975], междометия типа «ой» [Земская, Розанова, Китайгородская, 1993]. Употребление грамматически неопределенных и семантически опустошенных слов (*ужас*, *страшно*) также является типичной женской чертой. Подобные слова грамматически неопределенны, поскольку по форме – это существительные (*ужас*), а по значению – наречие (однако наречия в русском языке относятся к глагольным словам, а данные языковые единицы в разговорной речи сочетаются с различными

частями речи, например «ужас какой большой»). В.В. Колесов характеризует слово *ужас* как «страшное» женское слово [Колесов, 1998]. Интересно то, что еще в XVIII- XIX вв. сатирики употребляли это сочетание, когда хотели посмеяться над восторженными обывательницами. «*Ужасть, как был славен!*» («*Живописец*», 1772); «*Я слышала, твой муж ужасть как занят*» («*Северная пчела*», 1883).

Следует отметить, что основная функция данных слов – это выражение эмоций, однако, как справедливо отмечает В.В. Колесов, эти слова содержательнее междометий «ах», «ох», «и важно теперь в подобных словах не качество признака, как в древности, не количество меры, как в прошлом веке, но высший предел самого ощущения» [Колесов, 1998. С. 139].

Таким образом, неосознанный выбор той или иной части речи, возможно, объясняется следующими причинами:

1. Влияние психофизиологических факторов. У женщин вербальные функции распределены в обоих полушариях головного мозга, стратегия левого полушария логическая, правого – метафорическая, эмоциональная [Горошко, 1996]. У мужчин вербальные функции распределены только в левом полушарии, то есть больше логического, рационального. Возможно, именно поэтому в мужской речи преобладают абстрактные существительные, прилагательные, наречия [Вейлерт, 1976].

2. Не стоит ограничивать объяснение только биологическим фактором. В обществе существуют определенные стереотипы того, какими должны быть в поведении и общении мужчина и женщина. Эмоциональность в поведении (в том числе и речевом) – женская прерогатива. Мужчина же должен вести себя сдержанно.

3. В женской речи преобладают фатические речевые акты. Фатическая речь предполагает общение ради самого общения, и

информативная задача высказывания чаще всего вторична. Возможно, поэтому в женском речевом поведении преобладают малоинформативные части речи (частицы, междометия, местоимения).

2.3. Мотивационный уровень

Прагматический уровень, или мотивационный, по мнению Ю.Н. Караулова, играет главенствующую роль в иерархии уровней ЯЛ [Караулов, 1987. С. 211], поскольку именно на данном уровне реализуется важнейшая функция языка - коммуникативная.

Языковая личность, в первую очередь, коммуникативно ориентирована. Это проявляется в ее способности построить сообщение, выразить свое отношение к сообщаемому, к участникам коммуникативной ситуации, а также обозначить свою роль в ней, выразить свое «я». Перечисленные выше коммуникативные способности ЯЛ указывают на то, что прагматический уровень весьма многогранен. Его исследование и описание представляют собой определенную сложность, так как многие интенции и мотивы человека основываются на аффектах и эмоциях, которые не имеют четкого языкового выражения. В данном параграфе будут рассмотрены только те аспекты мотивационного уровня, которые имеют ярко выраженное языковое соответствие.

Любое речевое действие выражает намерение или интенции говорящего. Исследователи отмечают, что в женском речевом поведении частотность фатических речевых актов больше, чем в речевом поведении мужчин [Земская, Розанова, Китайгородская, 1993]. Наиболее полно фатические речевые акты охарактеризованы Т.Г. Винокур. «Говоря о речевом поведении людей, выполняющих фатическую задачу высказывания, мы подразумеваем речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на

предпочтительный способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом речевом поведении всегда подчинены начальному контактному импульсу; б) информативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступить как абсолютная ценность» [Винокур, 1993а. С. 6; Винокур, 1993б. С. 15]. Лингвистами отмечается, что для фатической речи свойственны десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, эмоциональная модальность [Драздаускене, 1970; Арутюнова, 1992; Дементьев, 1999].

Возможно, преобладание фатических актов в речи женщин частично объясняют такие черты их речевого поведения, как эмоциональность, частое использование в предложениях не информативно-значимых слов (в частности, междометия и частицы), многословность (фатическое речевое действие не может быть заменено действием кинетического, невербального ряда).

Отметим также, что данная интенция зачастую эксплицитно выражена, особенно в женских диалогах:

- *Приходи, мои на даче.*
- *Да ну, что я тебя от дела отрывать буду.*
- *Да прям, какое дело, приходи, поболтаем.*

Фатические речевые акты, естественно, оформляются в определенные речевые жанры. Типичные фатические речевые жанры, закрепленные в сознании людей как «женские», – это болтовня, сплетня. Как отмечает К.Ф. Седов, «болтовню от других родственных жанров отличает особая прагмалингвистическая установка: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации»

[Седов, 1999. С. 190]. Данный жанр предполагает не углубляться в намеченные темы, а, легко коснувшись их, перескакивать на другие. Д.Н. Колесов преобладание данных речевых жанров в женском дискурсе объясняет тем, что темой для болтовни и сплетен является в основном повседневная жизнь и бытовые дела, – а именно здесь и лежит значительная часть интересов женского пола. Мужчин же больше интересуют отдаленные предметы и явления [Колесов, 2000]. Разумеется, что в мужском речевом поведении также существуют подобные речевые жанры, но статистически реже, чем женском.

Говоря о мужских и женских речевых жанрах, следует заметить, что существующие гендерные стереотипы, определяющие одни жанры как женские, а другие как мужские, зачастую уже не являются объективными в современном коммуникативном пространстве русской речи. Так, «тост» считается мужским речевым жанром. Возможно, потому, что тост предполагает ситуацию винопития, а народная мораль резко осуждает женское пьянство и более снисходительно к питию мужчин [Башкова, 1999]. Подобное мнение отражено в пословицах: ср. «Баба пьяна – вся чужа», «Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит», «Пьяна баба – свиньям прибава», «Не дело пьяной бабе коров доить», «Пьян бывал, а ума не пропивал», «Сегодня пьян – не велик изъян», «Пьяный не мертвый – когда-нибудь проспится».

Различное отношение к женскому и мужскому питию предопределило различия и в речевом поведении. Традиционно за столом мужчине отводилась активная роль говорящего, именно он произносил тосты, женщина выступала в роли слушающего. Однако с конца XIX века наблюдается тенденция к стиранию различий в речевом поведении мужчин и женщин в ситуации винопития. Женщины так же активны в произнесении тостов, как и мужчины [Башкова, 1999].

Нужно отметить, что деление жанров речевого общения по половому признаку – проблема жанроведения, которая нуждается в особом рассмотрении [Седов, 1997. С. 193]. Однако, как нам кажется, можно предположить, что воплощение и наполнение того или иного жанра у женщин и мужчин в определенных коммуникативных ситуациях различно. Так, имеются, например, различия в мужском и женском воплощении разнообразных этикетных жанров речевого общения. Можно выделить типично мужские и типично женские формы обращения. По наблюдению Л.А. Киселевой, в транспортной ситуации общения только мужчина может обратиться к таксисту или водителю автобуса таким образом: *шеф, командир, хозяин*. Фактор пола дает себя знать и в других случаях, например, при обращении пассажиров друг к другу. Женщина никогда не назовет мужчину *земляк*, а мужчина женщину – *молодой человек* [Киселева, 1994].

Типичным мужским жанром считается «комплимент» (в отличие, например, от «колкости», которую чаще всего говорят друг другу женщины) [Седов, 1997; Шарифуллин, 2002]. Такое представление восходит к средневековым традициям «куртуазного» общения, когда комплименты говорили только мужчины дамам. Как замечает Б.Я. Шарифуллин, представление о том, что комплименты говорят обычно только женщинам, закрепилось в обыденном сознании людей и отражается, например, в художественной литературе [Шарифуллин, 2002]. Ср. следующий пример:

«Если верно, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, то также правильно, что к сердцу женщины он проходит через дорожку лести и комплиментов» (В. Маслов. Бардак).

В целом, анализируя речевые жанры в гендерном аспекте, можно отметить, что жанры «верхнего уровня» (например, «тост», «анекдот», «комплимент» и др.) больше свойственны мужчинам. Жанры «нижнего

уровня» («сплетничание», «болтовня», «разговор по душам», «колкость» и др.) являются типичными женскими речевыми жанрами.

Некоторые жанры речи свойственны равно как мужчинам, так и женщинам, однако воплощаются в определенной коммуникативной ситуации по-разному. Например, такой малый письменный жанр, как «брачное объявление», имеет некоторые языковые особенности в мужском и женском типах речи. Так, в объявлениях о знакомстве женщины чаще, чем мужчины, придерживаются определенной типовой схемы, включающей следующие компоненты: сведения о себе, цель знакомства, желаемые качества предполагаемого кандидата. При этом используется и соответствующая лексика, часто также типовая:

«32 – 173, приятной внешности, познакомлюсь с умным, нежным парнем от 30 лет для серьезных отношений».

Именно в женских объявлениях чаще можно встретить косвенный способ выражения цели:

«Привлекательна, неглупа, цинична, требовательна. Сыну 5 месяцев. Так хочется внимания и поддержки».

Часто повторяются в женских объявлениях слова, указывающие пол автора или адресата (*мужчина, женщина, парень, девушка*), а также называющие качества (*внешность, черты характера*) предполагаемого адресата: *симпатичный, красивый, порядочный, без вредных привычек* и т.д. Описывая себя, свои качества, женщины используют ЛСГ слов, которые характеризуют внешность (*привлекательна, симпатичны, стройна, приятной внешности, голубоглазая блондинка* и т.д.). Мужчины же, информируя о своих качествах, пишут, что они *порядочны, без вредных привычек, обеспечены, материально независимы, с высшим образованием, надежны* и т.д.

Лексемы, называющие перечисленные качества, отражают, в основном, различные положительные стороны мужского характера, внешности автора уделяется мало внимания, поскольку один из стереотипов народного менталитета гласит, что внешность для мужчины не главное. Таким образом, жанр «брачное объявление» по-разному реализуется в мужском и женском дискурсе.

Существует мнение, что более мужским, чем женским, является такой гипержанровый сценарий, как «интрига». Интрига – это хорошо спланированная и с определенным (в том числе и политическим) умыслом сказанная информация. Смысл интриги сводится к изменению взаимоотношений значимых действующих лиц, изменению расстановки сил, а подобные логические операции, по мнению исследователей, больше свойственны мужчинам [Колесов, 2000]. Однако пока это экспериментально не подтверждено, и данный тезис, как нам кажется, требует детального изучения и наблюдения. Поэтому охарактеризовать интригу как типично мужской жанр мы не решаемся.

Языковая личность ярко проявляет себя в той или иной разновидности речи (монолог, диалог). Так, при ведении диалога в женском речевом поведении были выявлены следующие тенденции (см. [Земская, Розанова, Китайгородская, 1993; Горошко, 1996]).

1. Женщины задают больше вопросов.
2. Вопросы, как правило, задаются с целью каким-либо образом продолжить беседу.
3. Несогласие с мнением собеседника женщина чаще, чем мужчина, выражает молчанием.
4. При прерывании речи также реагирует молчанием.
5. В женском дискурсе более вежливый характер реплик.
6. Когда женщина согласна с мнением собеседника, она чаще выражает свое одобрение (вербально и невербально).

7. Избегает элементов «панибратского» речевого поведения (то есть употребление кличек, прозвищ, унижительных обращений).

8. Чаще извиняется.

9. Во время беседы получает комплименты чаще, чем мужчина.

Мужчинам характерны следующие особенности:

1. Интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию.

2. Чаще перебивать собеседника, особенно если это женщина.

3. Чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии.

4. Стараться доминировать в беседе.

5. Выражать свои намерения прямо, не используя при этом корректные и чересчур вежливые формы слов.

6. Склонность к тому, чтобы чаще начинать беседу.

7. Количество мужских реплик в диалоге, как правило, больше, и по продолжительности они длиннее.

8. Выбирают темы беседы.

9. Склонны рассматривать вопросы как источник информации, а не как средство для продолжения разговора.

10. Стараются всегда в разговоре разрешить возникшие проблемы и дать советы по этому поводу.

А.Ф. Вернер считает, что речевые стили мужчин и женщин, прежде всего, отличаются тем, в какой степени мужчины и женщины учитывают реакции партнера на предшествующие высказывания. Мужчины в большей степени ориентируются на собственные предыдущие высказывания, а женщины – на высказывания коммуникативного партнера [Вернер, 1984].

В целом, нужно отметить, что женский стиль общения рассчитан на уменьшение социального расстояния и установление психологической близости с другими.

2.4. Стереотипы речевого поведения русской женщины

Общая картина женской языковой личности была бы не полной без характеристики существующих гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы, или стереотипы пола, – это "культурно и социально обусловленные мнения о пресуппозиции и качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке" [Кирилина, 1999. С. 98].

Выделяется несколько функций стереотипов: когнитивная, заключающаяся в употреблении информации; аффективная (называемая также чувственной или эмоциональной), противопоставляющая "своего" и "чужого"; социальная, разграничивающая внутригрупповые и внегрупповые явления [Кубрякова, 1999; Рождественская, 1986]. Все эти функции ведут к образованию определенных ментальных моделей, или структур, по которым строится поведение индивидуумов, в частности мужчин и женщин, по схеме "правильное - неправильное" или "приемлемое - неприемлемое".

Стереотипы оказывают довольно сильное влияние на человека, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Рассматривая гендерные стереотипы с лингвистических позиций, можно выделить два их типа и соответствующие сферы их использования:

1. Речевые гендерные стереотипы, то есть отражение вербальных характеристик мужчин и женщин.

2. Неречевые гендерные стереотипы касаются таких характеристик мужчин и женщин, как внешность, умственные способности, общественный (социальный) статус, этические нормы поведения.

Обе группы гендерных стереотипов находят яркое отражение в языке на разных уровнях. Совокупный образ женщины или мужчины в сознании носителя русского языка под влиянием существующих стереотипов будет репрезентирован по-разному. Так, при описании положительного образа мужчины будут использоваться слова таких лексико-семантических групп, как «сила», «логика», «власть», «свобода», «активность». При описании положительного образа женщины будут востребованы слова других лексико-семантических групп: «красота», «интуиция», «нежность» и т.д.

И речевые, и неречевые гендерные стереотипы присутствуют в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, наивной картине мира. Они закреплены в разнообразных языковых формах и стандартизованных специализированных текстах, которые в виде готовых фраз имеются в "ассортименте словарного, фразеологического мышления" [Поливанов, 1968. С. 59] людей для выражения определенных идей.

Для выявления речевых гендерных стереотипов были проанализированы пословицы и поговорки, составляющие основной фонд русских паремий и описывающие с точки зрения «народной лингвистики» особенности вербального поведения мужчин и женщин. Народно-лингвистические параметры, отражающие вековые наблюдения народа, характеризуют в целом те же особенности женского речевого поведения, что и собственно лингвистические.

Так, в ряде поговорок отражены представления русского народа о том, что женская речь бессодержательна, пуста, многословна:

Мели, Агаша, изба то наша; Бабий язык – чертово помело; Бьет языком баба, что шерстобой струной жильной.

Стереотипным в сознании людей является утверждение о том, что женщины чаще ссорятся, их речевое поведение скандально:

Бабы бранятся, так платки с голов валяются.

В пословицах зафиксированы наблюдения, характеризующие женский коллектив как шумный, хаотичный, многословный:

Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Где баба – там рынок, где две бабы – там базар.

В русской паремии находят отражения типичные для женского вербального поведения речевые жанры. К ним относятся следующие: – сплетни (*Знала б соседка, узнает и соседка; о чем две бабы говорят - вся деревня знает; Приехала баба из города, привезла вестей с три короба; Иван был в орде, а у Марьи вести*); – колкости (*Женское слово, что клей пристаёт; женское слово, что стрела*); – ложь (*Бабья вранья и на свинье не объедешь; кто бабе поверит и трех дней не проживет*). Женщины часто не постоянны в своих утверждениях (*У бабы семь пятниц на неделе; меж бабьим "да" и "нет" не проденешь иголки*). Практически не обнаружены пословицы и поговорки, характеризующие те или иные черты мужского и женского речевого поведения. Существуют паремии, где, на первый взгляд, речь идет о поведении мужчин в акте коммуникации, наподобие такой: *Мели, Емеля, твоя неделя*. Однако думается, что в данном случае пословица может характеризовать как лиц мужского, так и лиц женского пола. Имя Емеля имеет обобщенное значение. Возможно, это связано с тем, что в лингвистике господствует патриархально-ориентированная парадигма (например, при возникновении спорных случаев в определении рода предпочтение отдается мужскому; многие слова мужского рода могут обозначать как лиц женского, так и лиц мужского пола). Трудно дать

объяснения тому, почему не охарактеризовано в русских пословицах мужское речевое поведение, в котором есть, несомненно, свои недостатки. Возможно, это исходит из Библии, где мужчина представлен существом более совершенным, чем женщина.

Все черты женского речевого поведения, отраженные в пословицах, носят часто отрицательную коннотацию и воспринимаются народом как сугубо женские «грехи». Думается, что многие характеристики уже не соответствуют действительности, а являются ярлыками, которые очень прочно улеглись в стереотипах национального и культурного сознания людей. Э. Фромм в свое время писал, что «развитые в патриархальных обществах стереотипы и предрассудки о сути женщины вполне очевидно противоречат действительности» [Фромм, 1998. С. 116]. Подобные стереотипы неадекватны (то есть не объективно отражают действительность), поскольку, скорее всего, отражают речевое поведение женщин того времени, когда эти пословицы были созданы (предположительно 16-18 вв.). В данном случае важно отметить, что социальные структуры и язык - явления динамические, а не статические. Происходят изменения в социальной сфере, в частности, "половое разделение труда потеряло былую жесткость, количество исключительно мужских и исключительно женских занятий резко уменьшилось" [Кон, 1981. С. 52]. Естественно, что изменение традиционной системы половых ролей влияет на психику, поведение (в том числе и речевое) мужчин и женщин.

Для определения того, насколько точно характеризуют традиционные русские паремии речевое поведение современной женщины, была проведена опрос-анкета, в которой участвовали и женщины и мужчины (всего 200 информантов). Опрашиваемым было предложено 10 пословиц, характеризующих разные стороны речевой компетенции женщин:

1. *Три бабы – базар, а семь – ярмарка.*
2. *У бабы волос долог, а язык длинней.*
3. *Бабий язык – чертово помело.*
4. *Бабий кадык не заткнешь ни рукавом, ни рукавицей.*
5. *Бабий язык куда не завались – достанет.*
6. *Кто бабе поверит, и трех дней не проживет.*
7. *Бабья вранья на свинье не объедешь.*
8. *О чем две бабы говорят, вся деревня знает.*
9. *У бабы семь пятниц на неделе.*
10. *У бабы волос долог, а ум – короток.*

Результаты опроса показывают, что и в мужском, и в женском сознании женский коллектив шумный, неуправляемый, болтливый. Однако нужно отметить то, что данные несколько противоречивы. Так, несмотря на то, что женщины согласились с такой оценкой женского коллектива (пословица № 1), они не согласны с тем, что женщины болтливы (пословицы № 2, 3). Мужская половина опрашиваемых, не согласилась с утверждением пословицы 3, хотя пословицы 2 и 3 отмечают такую черту женского речевого поведения, как болтливость.

Результаты позволяют утверждать также, что пословицы 6 и 7 для современного языкового сознания являются неадекватными, поскольку большинство информантов не считают, что женщины лживы. В сознании носителей русского языка четко закреплено, что сплетничество – черта преимущественно женского пола. Это и подтверждает результат опроса. Решающее значение, по-видимому, имеет тот факт, что мужчин больше интересуют отдаленные предметы и явления. Сплетни же основываются на повседневной жизни и бытовых делах, а именно здесь и лежит значительная часть интересов женского пола.

Умственные способности женщин фольклорные фрагменты оценивают невысоко, однако и мужчины и женщины в большинстве своем считают, что это не типично для современной женщины.

Таким образом, данные опроса доказывают, что в настоящее время идет ломка существующих стереотипов, поскольку современные женщины социально и, что более важно, коммуникативно более активны.

Существует мнение, что подобная социальная активность порождает «несвойственные языку формы: была, поняла (ср. был, понял)» [Колесов, 1991]. Считается, что женщины становятся более агрессивны и потому в их речи появляется отборная брань [Палиева, 1999]. Думается, что аффективные стереотипы очень прочно улеглись в сознании людей и влияют на поведение языковой личности, стимулируя формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Так, женщины очень часто (скорее всего, под влиянием существующих стереотипов) говорят: «Пойдем поболтаем, посплетничаем». Вполне возможно, что разговор не будет иметь характер сплетен. Видимо, в подобных ситуациях действует теория «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, утверждающая, что язык способен воздействовать на поведение человека. Женщины неосознанно начинают действовать так, как предписывают стереотипы.

3 СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЖЕНСКОМ И МУЖСКОМ ТИПАХ РЕЧИ: КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ

3.1. Сравнение как форма познания и языковая категория

Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету (Э. Сепир). О. Мандельштам, перефразируя известное выражение Декарта, писал в «Разговоре с Данте»: «Я

сравниваю, значит, живу». Народное выражение «Все познается в сравнении» точно передает суть этого явления.

По определению М. Фуко, сравнение – «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко, 1994. С.66].

В «Философском словаре» дана следующая дефиниция понятия «сравнение»: «Сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или различия между ними (или то и другое вместе) является важной предпосылкой процесса познания, обобщения. Сравнение играет большую роль в умозаключениях по аналогии. Суждения, выражающие результат сравнения, служат цели раскрытия содержания понятий о сравниваемых объектах, в этом отношении сравнение используется в качестве приема, дополняющего, а иногда заменяющего определение» [Фролов, 1981. С. 455].

Из данных определений следует, что сравнение как логическая категория служит одной из форм познания человеком окружающего нас мира. Познание любого предмета или явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем сходство его с родственными (а иногда и неродственными) предметами. Нельзя образовать ни одного самого простейшего понятия, не обратившись к этому логическому приему. В любом сравнении как мыслительном процессе заключено, по Ю.Н. Караулову, движение мысли и сам акт познания [Караулов, 1987]. Можно с уверенностью сказать, это гносеологическая категория, а значит, категория языка.

Сравнение, будучи логическим способом познания действительности, представляет собой одновременно одну из самых важных и мощных языковых категорий. Подобно тому, как мышление и язык функционируют в диалектическом единстве, логическое и

языковое сравнение представляют собой органическую неразрывность. Эта неразрывность проявляется, прежде всего, в структуре языкового сравнения.

Как и всякая другая лингвистическая категория, сравнение представляет собой единство формы и значения. Сравнение обладает компаративным значением, реализующимся в языке в соответствующей компаративной форме.

В лингвистическом отношении сравнение представляет собой сложное единство значимых элементов, их особую организацию, то есть имеет свою особую модель или структуру. В структуру сравнения как логической конструкции входят следующие элементы, определенные еще А.А. Потебней: «а) понятие, которое требует пояснения (*comparandum*); б) понятие, которое служит для пояснения (*comparatum*); в) посредствующий, связывающий элемент, служащий «мостиком» между двумя понятиями. Это общее между вновь познаваемым и прежде познанным называется по латыни *tertium comparationis*, т.е. третье сравнение, третья величина при двух сравниваемых» [Потебня, 1905. С.540].

Языковое сравнение, основываясь на логическом, также имеет трехчленную организацию, образуя особый тип сравнительной конструкции (сравнительные обороты, компаративы). В дальнейшем изложении будут использованы общепринятые в лингвистических описаниях понятия (см. [Субботина, 1997; Черемисина, 1976]), отражающие определенные элементы сравнительной конструкции как языковой категории:

1) субъект сравнения (S), то есть предмет или явление, которое сравнивается;

2) объект сравнения (O), то есть предмет (или явление), служащий для сравнения;

3) основание для сравнения.

Возможны различные аспекты изучения сравнительных конструкций. Так, сравнение может рассматриваться как синтаксическая конструкция; как стилистическая фигура; может рассматриваться с функциональной точки зрения, когнитивной и т.д. Для нас наиболее важны следующие аспекты: ассоциативный, коммуникативный, прагматический, что соответствует трехуровневой характеристики ЯЛ.

Говоря о сравнительных конструкциях, необходимо, прежде всего, отметить особенности их функционирования в языке. Безусловно, основной функцией компаративов выступают образность и оценочность как речевые реализации экспрессивной функции языка. Однако следует подчеркнуть, что информация, идущая от образа сравнения, является результатом сложного взаимодействия смыслов. «В результате этого взаимодействия, с привлечением логических аномалий, возникает новая, не имеющая собственного словесного выражения семантика» [Скворецкая, 1994. С.34]. Поэтому возможно выделение и номинативной функции сравнения как отражение общей когнитивной функции языка. Мышление обращается к сравнению, когда нет готовых средств обозначения, объяснения, создания образов и смыслов (за исключением устойчивых компаративов). Таким образом, если у реалии нет адекватного наименования, то сравнение поможет создать его.

Среди других функций компаративов, можно выделить следующие:

- коммуникативная: сравнение позволяет представлять новую информацию в краткой форме;

- прагматическая: сравнение некоторым образом воздействует на адресата, а именно оно является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему мировосприятия;

- инструментальная: сравнение помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире;

- моделирующая: сравнение позволяет уяснить взаимосвязь между предметами и явлениями.

Все эти функции, так или иначе, связаны с первичной функцией любого сравнения – выражение образности. В соответствии с задачами нашего исследования мы исходим из того, что образная картина мира женщины и мужчины имеет определенные отличия. Поэтому глубинные, когнитивные процессы в сознании мужчины и женщины также имеют определенные отличия, поскольку корни языковой образности не в семантике, как кажется на первый взгляд, а в системе знаний языковой личности, в ее тезаурусе, то есть на когнитивном уровне.

Сравнительный оборот в речи мы воспринимаем как соединение в одно целое различных или однородных понятий, между которыми существует некая точка соприкосновения. В некоторых случаях связь между понятиями прозрачна и ясна (*человек труслив, как заяц*), существуют сравнительные конструкции, в которых связь между его компонентами улавливается с трудом (*глаза мужчины похожи на отражение*, или *женщина обычно рассуждает, как топор*).

При образовании или порождении компаративов в речи активизируются не менее двух семантических полей в тезаурусе языковой личности. Так, утверждение о том, что *женщина болтлива, как сорока*, предполагает, что в языковом сознании человека происходит совмещение таких полей, как «животные, их особенности» и «человек и его свойства». Однако для того чтобы подобное

совмещение, скрещивание в тезаурусе ЯЛ произошло, надо обладать знаниями о том, что сорока – это птица, которая характеризуется чрезмерным стрекотанием.

Совмещение разных семантических полей или участков тезауруса актуализируется в результате процесса ассоциирования. Формирование сравнительных конструкций в мыслительной деятельности человека основывается на ассоциативных механизмах. Выявление таких механизмов и их описание может способствовать более глубокому пониманию сути сравнения. Для этого должна быть разработана методика проведения ассоциативного эксперимента.

3.2 Методика проведения ассоциативного эксперимента

Методология гендерных исследований основывается на положении о взаимосвязи языка-действительности и речемыслительной деятельности человека. Такая методологическая база предполагает использование таких методов и приемов, которые позволят представить особенности женской и мужской речи и речевого поведения наиболее эксплицитно. К ним относится, прежде всего, прием лингвистического (психолингвистического) эксперимента, направленный на выявление определенных корреляций между речевой и психической деятельностью языковой личности. Используя подобные эксперименты, исследователь сам создает какую-либо коммуникативную ситуацию, включающую в себя эксплицитный или имплицитный вопрос, и тем самым «заставляет» или «провоцирует» испытуемого реализовать в этой ситуации особенности своего речевого поведения.

При исследовании гендерных особенностей в языке базисным является психолингвистически и социолингвистически ориентированный ассоциативный эксперимент, позволяющий выявить

особенности ассоциативного мира мужчины и женщины, фрагмента их гендерной картины мира. Ассоциативная картина мира женщин по определенным параметрам отличается от мужской ассоциативной картины мира, поскольку, как мы уже указывали в предыдущих главах, существуют яркие внешние различия в языковой способности женщин и мужчин как языковых личностей, и эти внешние отличия – результат внутренних скрытых механизмов мышления. Ассоциации являют язык в его «предречевой готовности», обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека» [Караулов, РАС]. Ассоциативный эксперимент М.И. Задорожный рассматривает как разновидность психолингвистического портретирования. Подобное портретирование – это «оценка тех или иных явлений действительности некоторой лингвосоциальной общностью или ее частью (вплоть до отдельных представителей), выявляемая в экспериментальных условиях с помощью текстов либо путем анкетирования» [Задорожный, 1998. С.35]. Кроме того, как мы полагаем, ассоциативный эксперимент может дать и социолингвистический портрет языковой личности, поскольку речевое поведение женщины и мужчины есть отражение их социальных ролей в обществе.

Обычно методика постановки и проведения ассоциативного эксперимента достаточно проста. Испытуемому предлагается (устно или письменно) список слов-стимулов. После предъявления каждого слова респондент должен, не задумываясь, сказать (написать) любое пришедшее ему на ум слово-ответ (реакцию или слово-стимул). Инструкция отвечать «первым словом, которое придет на ум», имеет принципиальный характер. Информант не должен размышлять над

тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. Само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов. Если есть отбор, то нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле [Фрумкина, 2001].

Методика и процедура ассоциативного эксперимента может быть дополнена или углублена в зависимости от поставленной перед исследователем цели и задачи.

Поскольку цель нашего исследования – выявить и интерпретировать различия в женском и мужском конструировании, употреблении и восприятии сравнительных конструкций, то постановка таких задач, связанных с определенными отличиями женского и мужского речевого поведения, несколько осложняет обычную процедуру ассоциативного эксперимента. В монографическом исследовании направленный ассоциативный эксперимент проводился в форме анкетирования. Достоинством анкетного опроса, по мнению исследователей, является его массовый характер [Швейцер, 1976]. Поэтому критерий частотности тех или иных вербальных реакций может служить надежным основанием для объективности полученных данных.

Для анкетирования были подобраны компаративные модели определенного типа, которые респонденты должны были закончить соответствующими словесными реакциями. Общий вид таких компаративных моделей-стимулов: S ДЕЙСТВУЕТ, КАК...; S ТАКОЙ, КАК... . Например: ЖЕНЩИНА КРАСИВА, КАК...; МУЖЧИНА РАБОТАЕТ, КАК... и др. Включение в анкету конструкций, где S сравнения выступает лексема *мужчина*, вызвано тем, чтобы в контрастном описании выявить особенности женской языковой личности. Всего для ассоциативного эксперимента было представлено 28 сравнительных конструкций. Предложенные информантам

компаративы характеризуют женщин и мужчин с разных сторон, а именно: внешний вид (ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) КРАСИВА, КАК...; ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖИ НА...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ВЫСОКАЯ, КАК...; НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ПОХОЖА НА...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) СТРОЙНА, КАК...); походка (ПОХОДКА У ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖА НА...); эмоциональные характеристики (ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) СМЕЕТСЯ, КАК...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ЗЛИТСЯ, КАК...); виды деятельности (ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) МЫСЛИТ, КАК...; ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) РАБОТАЮТ, КАК...). Большинство сравнительных конструкций направлены на то, чтобы информанты оценили речевое поведение женщин и мужчин: ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) РУГАЮТСЯ, КАК...; ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) БОТАЮТ, КАК...; ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) РАССУЖДАЮТ, КАК...; МОЯ ЗНАКОМАЯ (МОЙ ЗНАКОМЫЙ) ГОВОРИТ, КАК... Часть компаративов характеризуют конкретного человека: МОЯ ЗНАКОМАЯ ГОВОРИТ, КАК... или МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК... Не случайно в некоторых предложенных сравнениях-стимулах использовано слово «обычно», оно указывает на типичность характеристики (ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ РУГАЮТСЯ, КАК...).

Подобный эксперимент целесообразно проводить постепенно, в три этапа, поскольку некоторые компаративы семантически сближены: МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГОВОРИТ, КАК... и МОЙ ЗНАКОМЫЙ РАССУЖДАЕТ, КАК... Такая семантическая близость может вызвать затруднения при спонтанных ответах. Ассоциативный эксперимент, как было указано выше, предполагает, что информант должен не задумываясь написать любое пришедшее ему на ум слово-реакцию. Если же респондентам предложить сразу все 28 компаративов стимулов, то ответы, вероятно, будут несколько надуманными: возможно, информант не захочет

дублировать уже имеющиеся ответы, а некоторые сравнительные конструкции могут вызывать одинаковые ассоциативные реакции.

Следует отметить, что подобный эксперимент интериндивидуален, то есть носит массовый характер, поскольку изучается речевое поведение не одной языковой личности, а группы людей, принадлежавших к одному полу, а именно совокупной языковой личности. В эксперименте участвовали 683 респондента, из них 332 человека – женщины и 351 человек – мужчины. Отметим, что информанты были разновозрастные, поскольку речь носителей языка, разделенных по возрасту полутора-двумя десятилетиями, обнаруживает определенные различия в словоупотреблении, произношении и т.д. Подобные различия могут быть вызваны также и некоторыми иными социальными параметрами. Поэтому информантам на первом этапе исследования была предложена социологическая анкета, в которой указывались социальные признаки, влияющие, по мнению автора, на выбор той или иной реакции:

1. Пол.
2. Возраст.
3. Образование.
4. Профессия.
5. Семейное положение.

Для описания результатов ассоциативного эксперимента необходимо ввести следующие понятия: «ассоциат», «ассоциативная связь», «ассоциативное поле», «ассоциативная норма». Ассоциат – это конкретная вербальная реакция на конструкцию-стимул, выраженная словом или словосочетанием и находящаяся в определенной ассоциативной связи со стимулом. Под ассоциативной связью понимается корреляция между словами и явлениями, которая предопределена знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом,

нередко неосознанным [Залевская, 1992; 1999]. Понятие «ассоциативное поле» включает в себя совокупность существующих в сознании языковой личности ассоциативных связей. Различается индивидуальное и коллективное ассоциативное поле. Коллективное ассоциативное поле обычно трактуется как ассоциативная норма. Можно предположить, что ассоциативные поля в сознании женской и мужской языковой личности будут различаться по каким-то параметрам.

Следует отметить, что при интерпретации результатов исследования мы столкнулись со следующей проблемой: каким образом и по каким основаниям оценить и классифицировать полученные вербальные ассоциативные реакции и каким образом изучать и представлять сами ассоциативные поля.

Исходя из поставленных задач монографического исследования, мы разработали схему анализа экспериментальных данных. Материал обрабатывался по следующим параметрам:

1. Количество разных ассоциатов-реакций на то или иное сравнение-стимул.
2. Ассоциативная норма сравнения-стимула.
3. Семантические поля, актуализируемые конструкцией-стимулом, в тезаурусе женщин и мужчин.
4. Ядерные и периферийные ассоциаты в женском и мужском ассоциативных полях.
5. Коннотативно окрашенные ассоциаты.
6. Лексические, словообразовательные, морфологические особенности слов-реакций.
7. Распространенные ответы-реакции.
8. Реакции, не содержащие элемента сравнения.

3. 3. Сравнения, характеризующие речевую деятельность женщин и мужчин

Это наиболее показательная группа компаративных моделей-стимулов, предложенных в нашем эксперименте информантам обоего пола, поскольку именно в данном ассоциативном пространстве с наибольшей степенью выявляются речевые характеристики языковых личностей женщины и мужчины. Для анализа были выбраны следующие парные конструкции: МОЯ ЗНАКОМАЯ (МОЙ ЗНАКОМЫЙ) ГОВОРИТ, КАК...; ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) БОЛТАЮТ КАК...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК...; ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) РУГАЮТСЯ, КАК...

(1) Ассоциативное поле сравнительной конструкции МОЯ ЗНАКОМАЯ ГОВОРИТ, КАК... насчитывает, по результатам нашего эксперимента, 303 ассоциата. Ассоциативная норма анализируемого компаратива институализируется в следующих словах-реакциях: *сорока, тараторка, трещотка*. Эти ассоциаты составляют ядро поля данной конструкции и являются типичными для русского языкового сознания в целом. Возможно, это объясняется тем, что в синонимический ряд слова *говорить* входит глагол *болтать*, характеризующее оценочный параметр женского речевого поведения. Существование в русском языке устойчивого компаратива *болтать, как сорока* или *болтливая, как сорока* позволяет сделать предположение о том, что информанты в своих вербальных реакциях неосознанно трансформировали данные устойчивые сравнения. Отметим, что преобразования такого же рода встречаются не только в ядре, но и на периферии ассоциативного пространства. Так, в ответах информантов были выявлены следующие трансформированные устойчивые компаративы:

моя знакомая говорит, как пулемет ← строчить (трещать, выпаливать), как из пулемета;

моя знакомая говорит, как помело ← язык, как помело;

моя знакомая говорит, как балаболка ← болтать (трепаться), как балаболка;

моя знакомая говорит, как реченька журчит ← журчит, как ручей (о голосе);

моя знакомая говорит, как колокольчик ← звенит, как колокольчик (о голосе).

Как видим, в русском языковом сознании ассоциативные поля данных компаративов пересекаются, поэтому в спонтанной речи и могут возникать подобные преобразования.

Говоря об устойчивых сравнительных конструкциях, отметим, что в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцова зафиксированы также следующие компаративы рассматриваемого типа: *говорит как пишет; ...как соловей поет;... как Демосфен; ...как Цицерон; ...как будто каша во рту; ...точно мочалку жует*. Однако в ответах–реакциях в нашем эксперименте из перечисленных обнаружены только первых две конструкции. Устойчивые сравнения встречаются как в женских, так и в мужских ответах. Естественно, они составляют ядро женского и мужского ассоциативных полей.

Анализ экспериментальных данных позволяет утверждать, что данная сравнительная конструкция актуализирует в тезаурусе как женщин, так и мужчин следующие семантические поля: «птица»; «человек и его речевые способности», «артефакт» (примеры см. ниже). Ядерными являются ассоциаты, составляющие семантическую группу «птица»: *моя знакомая говорит, как ...сорока, трещотка, попугай* и т.п., что вполне объяснимо при характеристике женской речи.

При анализе женского и мужского ассоциативных полей были выявлены следующие гендерные особенности в порождении и восприятии компаративной конструкции данного типа:

1. Характеризуя женское и мужское ассоциативные поля в целом, следует отметить, в первую очередь, что количество разных ассоциатов-реакций в женском ассоциативном пространстве меньше, нежели в мужском. Так, мужское ассоциативное поле включает в себя 189 ассоциатов, а женское – 143. Это явление свойственно и для большинства других сравнительных конструкций (см. далее), что позволяет считать его закономерным.

2. Ядро женского ассоциативного поля данной сравнительной конструкции составляет трансформ устойчивого компаратива *болтать, как сорока - говорить, как сорока*. Ядерным в мужском ассоциативном пространстве является ассоциат *тараторка*.

Ассоциат *трещотка* занимает одинаковую околядерную позицию как в женском, так и в мужском ассоциативных полях. Это можно объяснить тем, что слова *сорока* и *трещотка* семантически сближены: *сорока трещит – говорливая женщина – трещотка*. С другой стороны, само слово *трещотка* в русском языке двузначно: оно обозначает не только птицу (и как результат переноса – болтливую женщину), но и конкретный предмет (артефакт). Ср. следующее толкование истории происхождения данного слова в его втором значении: первоначально «скребок для чистки ружей, расколотый на две части» [Добродомов, 1988]. Поэтому словесную реакцию *моя знакомая говорит, как трещотка* можно рассматривать как в семантическом поле «птица», так и в поле «артефакт», хотя, на наш взгляд, предпочтение нужно отдавать первому случаю, учитывая устойчивую ассоциацию говорливой женщины, прежде всего, с сорокой-трещоткой.

Наряду с существованием общих слов-реакций (например, *диктор, трындычиха, болтушка, пулемет*) наблюдаются ассоциаты, которые свойственны только женскому или только мужскому ассоциативному полю. Так, следующие слова-реакции встречаются только у женщин-респондентов: *умный человек, философ, ангел* и др. Типично «мужские» слова-реакции: *женщина, психолог, демагог, автомат* и т.п. Обратим внимание, что в женских сравнениях слово *пулемет* (из семантического поля «артефакт») опять же связано с устойчивой реакцией (ср. *трещит как пулемет*); мужчины менее стандартны в своих ответах, заменяя это слово ассоциатом *автомат*.

3. Сама сравнительная конструкция **МОЯ ЗНАКОМАЯ ГОВОРИТ, КАК...** не предполагает характеристики какой-либо определенной черты в речевом поведении женщины: данным компаративом можно охарактеризовать темп речи, ее тон, содержание, особенности произношения и т.д. Результаты эксперимента позволяют утверждать, что женщины неосознанно обращают внимание прежде всего на темп речи (*моя знакомая говорит как... заведенная; как из пулемета строчит; в час по ложке; метеор; молотилка; полусонная; как все женщины быстро; 100 слов в минуту* и т.д.) и громкость голоса (*моя знакомая говорит, как... граммофон, громкоговоритель, пионерская труба, сирена скорой помощи, гремит хрусталь*). Многочисленность реакций, характеризующих темп речи, объясняется существованием стереотипов, определяющих женскую речь как «быструю», «многословную»: подобные стереотипы закрепились, например, в анекдотах [Шмутьская, 2001], пословицах и поговорках, а также в устойчивых сравнениях. Многие женские ассоциаты сложно отнести в какую-либо тематическую группу, скорее всего подобные ответы-реакции характеризуют женское речевое поведение в общих чертах и

довольно размыты, отражая личностные впечатления, то есть слабо социализированы (*моя знакомая говорит, как... большая кошечка; Анна Каменкова; я; автоответчик; мама; обыкновенно*). Сравнение-реакцию *моя знакомая говорит, как дура* можно истолковать двояко: либо как характеристику содержания женской речи (стереотип глупости женщин), либо как общее личностное восприятие ее особенностей.

Мужские же ответы характеризуют большей своей частью следующие параметры женской речи: содержание (*моя знакомая говорит, как... ей придет в голову; баран; трезвый человек; демагог; интеллектual; младенец; профессор; психолог; непутевая; вмазанная; рассудительно* и др.), звучание и тембр голоса (*моя знакомая говорит, как... соловей; флейта; колокольчик; трактор; кудахчет курица; коза блеет; чирикает птичка; утка; ветер; песня звучит*), интонацию и тональность речи (*моя знакомая говорит, как... королева; лиса; змея; кобра; прокурор; сноб; кокетливо; беспардонная* и др.). Отметим, что в мужских ответах, характеризующих содержание женской речи, существующих стереотипов о ее глупости, бессодержательности не так уж и много; напротив, немало ответов указывают на умную речь (*...как профессор, психолог, интеллектual*). Впрочем, здесь может проявляться и мужская ирония.

4. Наряду с характеризующей, сравнение выполняет и оценочную функцию. Большинство ответов и в женском, и в мужском ассоциативных полях коннотативно окрашено. В базе наших экспериментальных данных имеются ассоциаты, которые могут быть оценены как позитивные в одном контексте и как негативные – в другом, поэтому они были оценены как в целом нейтральные. Статистический анализ слов–реакций с ярко выраженной коннотацией позволяет утверждать, что отрицательная характеристика присуща

более мужским ответам: среди мужских ответов более 37 % имеют негативную оценочную окраску; среди женских – 30 %.

5. Анализируя эмпирический материал на лексическом уровне, мы констатировали, что ярко выраженных гендерных особенностей в этом плане не замечено. Стоит только указать, что среди мужских ответов встретились слова-инвективы (*шалаболка, шалава*), зато среди женских ответов – элементы сленга (*чмо, лох*).

6. Анализ экспериментальных данных на словообразовательном уровне показал, что информанты женского пола чаще использовали в словах-ассоциатах уменьшительно-ласкательные суффиксы (...*как реченька журчит; ручеек; кошечка; птичка*). Это еще раз подтверждает известный вывод о значительно большей эмоциональности женской речи.

7. Статистическая обработка данных позволяет утверждать, что мужчины-информанты чаще, чем женщины, выбирают объектом сравнения конкретную социально значимую личность (*моя знакомая говорит, как Брежнев, Клара Новикова, Хакамада, Путин, Ленин и др.*). У женщин также встречаются подобные ответы, однако в процентном соотношении их заметно меньше.

(2) Ассоциативное поле сравнительной конструкции **МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГОВОРIT, КАК...** насчитывает 327 разных ассоциативных реакций.

Отметим прежде всего, что если женская речь ассоциируется с трещанием сороки, то есть с семантическим полем «птица», то при общей характеристике мужской речи в сознании информантов актуализируются в первую очередь иные семантические поля. Так, ядро и женского и мужского ассоциативных полей составляют ассоциаты-реакции, которые относятся к семантическому полю «человек, его качества речи», причем эти качества воспринимаются

как, безусловно, положительные (*мой знакомый говорит, как... диктор, оратор, пишет*). Ассоциат *сорока* встречается лишь в 0,45 % от всех ответов в целом. Следовательно, компаратив *говорит, как сорока* характеризует, как мы видим, преимущественно женскую речь.

Как и следовало ожидать, при ответах на сравнение-стимул **МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГОВОРИТ, КАК...** достаточно ярко проявляется существующий стереотип, утверждающий, что мужчины неразговорчивы, немногословны, рассудительны (*мой знакомый говорит, как... думает; умный человек; нормальный человек; в час по чайной ложке*).

При анализе женских и мужских вербальных реакций были выявлены следующие особенности:

1. Ядро и периферия женского ассоциативного поля данной конструкции имеет яркие отличия от мужского ассоциативного пространства. Естественно, имеются ассоциаты-реакции, которые встречаются как у информантов-женщин, так и у информантов-мужчин. Однако следует подчеркнуть, что они находятся на разных уровнях ассоциативного поля. Так, ассоциат-реакция *диктор* составляет ядро женского ассоциативного поля, в мужском ассоциативном пространстве оно расположено ближе к периферии. Исключение составляет ассоциат *Левитан* (известный советский радиодиктор 40-50-х гг.): по отношению к ядру оно занимает одинаковое положение как в женском, так и в мужском ассоциативном пространстве.

2. Объектом сравнения в мужских ответах-реакциях, как и в предыдущем случае, чаще, чем в женских, является конкретная личность, часто социально значимая (*мой знакомый говорит, как... Жириновский, Путин, Горбачев, Ельцин, Харевич*).

3. Ответов с положительной оценочной коннотацией примерно одинаковое количество и у мужчин, и у женщин-респондентов (*мой*

знакомый говорит, как... пишет, оратор, джентльмен, профессор, ученый человек, соловей и др.). Однако отрицательно окрашенных ассоциатов больше среди мужских ответов (*мой знакомый говорит, как... идиот, свинья, дурачок, зек, уголовник, чайник*). Можно полагать, что мужчины более критически настроены к самим себе, в том числе и к своему речевому поведению. Этот факт мы наблюдаем и в ответах на другие компаративы-стимулы (см. ниже).

4. Отдельные ответы-реакции показывают, что некоторые информанты не восприняли данную конструкцию как сравнительный оборот, а пытались ответить на вопрос **МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГОВОРIT КАК?** Именно поэтому в экспериментальной базе имеются ответы следующего типа: *мой знакомый говорит, как... умно, быстро, смешно, никак, обыкновенно, всяко, басом* и т.д. В подобных словесных реакциях элементы сравнения отсутствуют, причем среди женских ответов таких реакций больше, нежели среди мужских.

5. Распространенные ответы, или ответы-словосочетания, на данный компаратив-стимул более свойственны женщинам-респондентам (*мой знакомый говорит, как... в воду глядит; диктор на ТВ; бык мычит* и т.д.).

(3) Ассоциативное поле сравнения-стимула **ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК...** насчитывает 140 разных ассоциатов. Ассоциативная норма репрезентируется в слове-реакции *сорока*. Выше уже отмечалось, что сравнение *болтает, как сорока* (*говорит, трещит, как сорока*) характеризует преимущественно женскую речь. Семантическая основа таких сравнений очевидна и представлена в целом ряде случаев. Так, в словаре В.И.Даля для глагола *сокотать* (юж., зап.) указаны такие значения: «стрекотать, кричать по-сорочьи; болтать без умолку; особенно по-бабы, лотошить, трещать» (Даль. Т.IV. С.263.). У него же в статье слова *сорока* отмечено и такое

значение: «болтливый человек, особенно женщина, пустоплет» (Там же. С. 274).

Характеризуя все ответы-реакции в целом, отметим, что большинство из них – это преобразования уже существующих в языковом сознании устойчивых компаративов. Так, в ответах информантов обоего пола встречаются следующие трансформы:

(Женщина) болтает, как сорока → женщины болтают, как... сороки трещат; сороки на заборе; стрекочут сороки.

(Женщины) болтают, как бабки на базаре → женщины болтают, как... бабки; бабы базарные; бабы на базаре; бабки старые; бабы рязанские; на базаре; бабы; бабульки; базарные сплетницы; базарные торговки; девки на базаре; деревенские бабки; склочные старухи; старухи; старушки на лавочке; торговки; торговки на базаре.

Ассоциативное поле сравнения-стимула ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК... имеет в целом отрицательную оценочную коннотацию, поскольку сам глагол *болтать* имеет негативную окраску.

Анализ экспериментальных данных позволил выявить следующие гендерные особенности в восприятии сравнения-стимула ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК...:

1. Женское ассоциативное поле менее разнообразно, количество разных ответов меньше, чем в мужском ассоциативном пространстве.

2. В мужских реакциях-ассоциатах чаще, чем в женских, встречаются трансформы устойчивых компаративов. Характеризуя женские ответы, нужно отметить, что больше половины сравнений-реакций составили в них ядро ассоциативного поля. Таким образом, женские ответы более стандартные, клишированные.

3. Сравнение-стимул ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК... актуализирует преимущественно два семантических поля: «птица» и

«человек». Экспериментальные данные показывают, что в женском языковом сознании актуализирована прежде всего семантическая группа «птица» (*женщины болтают, как... сороки; попугаи; вороны; безмозглые курицы; воробьи на крыше; птицы на току и т.д.*), а в мужском – семантическое поле «человек» (*женщины болтают, как... болтушка; сплетницы; бабки; их предшественницы; ребятишки*).

4. В мужских ответах реакциях встречаются слова-созвучия тавтологического характера: *женщины болтают, как... болтуньи; болты какие-то; боталы*. Такие ответы можно охарактеризовать как окказиональные, поскольку между стимулом и реакцией нет компаративной семантической связи. Возможно, подобная связь усматривается только самим информантом и устанавливается на основе словообразовательных связей: *болтать > болтунья* и пр.

5. На лексическом уровне ярких гендерных отличий не наблюдается, однако следует отметить, что в мужском ассоциативном пространстве имеет место единичный ассоциат, репрезентируемый инвективой: *женщина болтает, как шалаболка*.

6. Распространенные ответы на данную сравнительную конструкцию свойственны преимущественно мужчинам: *женщины болтают, как... мелочь звенит; девки на базаре; как всегда, много*. В предыдущем случае, как мы указывали, было наоборот.

7. Ответов, не содержащих элемента сравнения, опять же больше в женском ассоциативном поле.

(4) Ассоциативное поле сравнения-стимула МУЖЧИНЫ БОЛТАЮТ, КАК... насчитывает в общей сложности 230 ассоциатов-реакций.

Анализ экспериментальных данных позволяет утверждать, что сам глагол *болтать* в представлении русской языковой личности не привычен для характеристики мужского речевого поведения. Этот тезис

подтверждается отказами респондентов отвечать на данное задание. Словесные реакции типа *наверно, не болтают; не болтают, а разговаривают; они не болтают, это женское дело; они вообще не болтают* в некоторой степени также являются отказами. Однако мы посчитали возможным учитывать в сумме подобные ответы и включить их в ассоциативное поле под условной номинацией «не болтают», поскольку они являются доказательством того, что речевой жанр «болтовня» не свойствен мужской языковой личности в целом.

Тем не менее анализ показывает, что ассоциативная норма данного сравнения-стимула репрезентируется, что довольно неожиданно, в слове *бабы*. Эту ассоциативную норму можно расценивать двояко. С одной стороны, современные мужчины все же болтают не меньше, чем женщины, а значит, мужчинам этот параметр речевого поведения также в какой-то мере свойствен. С другой стороны, для мужчины любое сравнение с женщиной имеет явно негативную оценку (*он ведет себя, как баба, маменькин сынок; обабился мужик*). Возможно, подобная характеристика речевого поведения мужчины (*болтает, как баба*) также указывает на то, что это не типично для мужчины в его собственном восприятии как языковой личности.

Отметим, что, как и в предыдущем случае, ассоциаты, расположенные вокруг ядра ассоциативного пространства, являются трансформами устойчивого компаратива *болтает, как базарная баба*. Многие преобразования данного устойчивого сравнения представляют собой единичные ответы, но поскольку подобные ответы-реакции семантически близки (*базарные бабы - базарные женщины - бабы сварливые на базаре*), видится уместным их обобщить. Таким образом, были суммированы следующие вербальные реакции: *мужчины болтают, как... бабки на базаре; бабки базарные; бабки на рынке;*

бабки сварливые на базаре; бабки старые; бабульки; бабы базарные; бабы (даже хуже); базарные бабы; базарные женщины; бабки; бабки-сплетницы; бабки болтушки; бабульки на пенсии; бабушки у подъезда; бабы на базаре; базарные торговки.

Сравнение-стимул МУЖЧИНЫ БОЛТАЮТ, КАК... актуализирует в сознании женщин и мужчин преимущественно семантическое поле «человек», а точнее «субполе» «женщина и ее речевое поведение». Ассоциаты, составляющие семантическую группу «птица», не представлены в данном случае так ярко, как в ассоциативном пространстве сравнения ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК...

Говоря об особенностях женского и мужского ассоциативных полей, отметим следующее:

1. Женское ассоциативное пространство менее разнообразно, оно отличается заметно меньшим количеством единичных ответов, чем у информантов-мужчин.

2. Объект и основание сравнения в мужских ответах-реакциях зачастую семантически не сопоставимы. Так, компаратив *мужчины болтают, как рыбы* можно расценить, с одной стороны, как отказ характеризовать данный параметр мужского речевого поведения, выраженный в форме парадокса. Однако существование устойчивого компаратива *молчать, как рыба* позволяет предположить, что респонденты, давшие такой ответ, хотели подчеркнуть не болтливость, а, наоборот, молчаливость мужчин как типичную черту их речевого поведения.

3. Среди мужских реакций на данный компаратив-стимул, как и на сравнение ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК ..., наблюдаются слова, созвучные глаголу *болтать*: *мужчины болтают, как... болтуны; ботало; шалаболы; балаболки.*

4. Элементы сленга, а также слова, относящиеся к ненормативной лексике, встречаются только в ответах, которые дали респонденты мужского пола: *мужчины болтают, как... бабы на тусовке; в жопу раненые; лохи; шалаболы.*

5. Ответы-реакции на анализируемое сравнение-стимул зачастую синтаксически распространены, при этом статистическая обработка данных позволяет утверждать, что распространенные ответы, или ответы с пояснениями, в отличие от конструкции **ЖЕНЩИНЫ БОЛТАЮТ, КАК...** свойственны больше женщинам респондентам.

(5) Конструкция-стимул **ЖЕНЩИНА ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК...** насчитывает в целом 291 реакцию-ассоциат. Экспериментальные данные показывают, что стимул актуализирует в сознании носителей русского языка три семантических поля: «человек», «птица», «животные». Отметим, что в семантическом поле «человек» возможно выделение микрополя под условной номинацией «женщина», что приводит к порождению тавтологических словесных реакций: *женщина обычно рассуждает, как... женщина; свойственно только женщине; может только женщина.* Подобные ответы присущи как женщинам, так и мужчинам-респондентам. Таким образом, информанты обоего пола подчеркивают, что женщины в целом рассуждают несколько иначе, чем мужчины, что существует особый «женский» тип рассуждения, что вполне согласуется и с имеющими стереотипами. К данному микрополю можно причислить и такие ассоциаты-реакции, как *домохозяйка, мать, хозяйка*, которые также присутствуют и в женском, и мужском ассоциативном пространстве и отражают, видимо, тоже стереотипные представления о главной социальной роли женщины в семье в восприятии информантов.

Анализ экспериментальных данных позволил выявить следующие гендерные особенности в восприятии сравнительной конструкции ЖЕНЩИНА ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК...:

1. Женское ассоциативное поле насчитывает меньше ассоциатов-реакций, чем мужское.

2. Ядро женского ассоциативного поля представлено ассоциатом *философ*. В данном случае, очевидно, актуализируется переносное значение слова *философ*: "о человеке, который разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни" [Ожегов, 1987]. Словесная реакция *ребенок*, занимающая вторую ступень к ядру женского ассоциативного пространства, в определенном смысле антонимична ассоциату *философ*, поскольку такая характеристика женской речи означает рассуждение глупое, наивное, легкомысленное. Ассоциативная норма мужских словесных реакций также представлена антонимической парой: *курица - философ*. Однако центр ядра мужского ассоциативного поля институализируется в слове *курица*, что вполне объяснимо. В русской языковой картине мира курица зачастую отождествляется с женщиной, что отражается в пословицах и поговорках русского народа: *курица не птица – баба не человек; курице не быть петухом, а бабе – мужиком; курица гогочет, а петух молчит; не петь курице петухом, не владеть бабе мужиком* и т.п. [Даль, 1957]. Сравнивая женщину, ее речевое поведение, с курицей, респонденты имели в виду, прежде всего, стереотипные представления об ограниченности умственных способностей женщины (фразеологизм *куриные мозги* характеризует значительно чаще женский ум, чем мужской).

3. Большинство ассоциатов и в женском, и в мужском ассоциативном поле относятся к семантической группе «человек». С другой стороны, в мужском ассоциативном пространстве больше, чем в

женском, слов, представляющих семантическую группу «птицы», «животные»: *женщина обычно рассуждает, как утка, птица, сойка, баран, овца* и т.д.

4. В женском ассоциативном поле 50 % ассоциатов-реакций обладают положительной коннотацией: *женщина обычно рассуждает, как... философ; психолог; умный человек; аналитик; здоровый человек; умная; логик* и др.

Напротив, большинство ассоциатов, составляющих мужское ассоциативное поле, имеет ярко выраженную негативную оценочную характеристику: *женщина обычно рассуждает, как... сумасшедшая; дура; как попало; овца; корова; ослица; старуха; эгоистка* и др. Возможно, поэтому в мужских ответах-реакциях довольно часто употребляется частица или приставка *не*: *женщина обычно рассуждает, как... непосвященная; не подумавший мужчина; нелогично; неверно; ненормальная; непонятно как; непоследовательно; не нужно; не очень умно; не очень умный человек* и т.д. Подобных ответов у женщин-респондентов не встречается.

Различия в женских и мужских коннотациях вполне ожидаемы и объяснимы: это связано с очевидными гендерными предпочтениями при характеристике языковой личности женщины.

5. Синтаксически распространенные ответы свойственны больше женщинам-респондентам, чем мужчинам.

6. Ассоциатов-реакций, не содержащих элемента сравнения, количественно больше в женском ассоциативном пространстве.

(6) Ассоциативное поле сравнения-стимула МУЖЧИНА ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК... насчитывает, по результатам экспериментальных данных, 275 ассоциатов-реакций, причем в женском и мужском ассоциативных полях количество разных ответов практически одинаково.

Компаратив-стимул МУЖЧИНА ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК... актуализирует в тезаурусе языковой личности два семантических поля: «человек» и «животные». Напомним, что в предыдущей конструкции наряду с семантическим полем «человек» была актуализирована прежде всего семантическая группа «птица». В ассоциативном же пространстве анализируемой конструкции ассоциаты, которые составили бы такую семантическую группу, не представлены. Это, в общем, вполне объяснимо, поскольку образ мужчины, как правило, не ассоциируется с птицами, если речь идет об умственных способностях или о соответствующем речевом содержании – в отличие от образа женщины.

При анализе были отмечены следующие отличия в восприятии данной конструкции женщинами и мужчинами:

1. Ядро женского ассоциативного пространства представлено ассоциатом *ребенок*, в мужском же ассоциативном поле ядром выступает ассоциат *философ*, который в восприятии предыдущей сравнительной конструкции входил, напротив, в ядро женского ассоциативного поля. Возможно, в данном случае отразилось несколько покровительственное отношение к поведению мужчин, присущее современным женщинам, нередко воспринимающим мужчину как «малое дитя» (типичная «материнская реакция»). Отметим здесь же, что женское ассоциативное поле включает в себя также ассоциаты, не свойственные мужскому ассоциативному пространству: *мужчина обычно рассуждает, как... эгоист, собственник*. Мужчины обычно не говорят так о себе, что опять же отражает известные гендерные предпочтения.

2. Большинство женских и мужских ассоциатов представляют семантическую группу «человек». Однако среди женских вербальных реакций данной группы особо выделяется и такая подгруппа, как

«ребенок» (см. выше). В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» зафиксирован компаратив *рассуждать, как ребенок (малый, маленький)*, то есть «рассуждать наивно, легкомысленно, глупо». В женском ассоциативном пространстве встречаются и трансформы данного устойчивого сравнительного оборота: *мужчина обычно рассуждает, как... шестилетний ребенок; дитя; маленький ребенок; младенец; ребенок в десятилетнем возрасте; ребенок-дошкольник*. В мужском ассоциативном поле подобных ассоциатов нет. С другой стороны, данное сравнение-стимул особо актуализирует в мужском языковом сознании подгруппу, которую условно можно обозначить как «умный человек»: *мужчина обычно рассуждает, как... философ; логик; гений; мудрец; стратег; ученый; интеллектуал; профессор; здравый человек* и др. Естественно, что данная группа ассоциатов присутствует и в женском ассоциативном пространстве, однако она не так многочисленна и разнообразна.

3. Как и во многих иных случаях сравнения, женских ответов, положительно оценивающих способность мужчины рассуждать, в два раза меньше, чем мужских, а негативно окрашенных, напротив, в два раза больше.

4. Синтаксически распространенных ответов опять больше в мужском ассоциативном пространстве, чем в женском.

(7) Ассоциативное поле сравнения **ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ РУГАЮТСЯ, КАК...** насчитывает 191 вербальную реакцию. В построении ответов на данную конструкцию-стимул наиболее отчетливо выделяется ассоциативная норма, которая вполне соответствует русскому народному восприятию образа ругающейся (ссорающейся и т.п.) женщины. Ядерное поле данной нормы образуют такие ассоциаты-реакции: *собаки, сапожники, базарные бабы*.

Подобные ответы, которых большинство, отражают, видимо, двойственность значений самого глагола *ругаться*. В словаре С.И. Ожегова указаны два значения: «1. Бранить друг друга, ссориться. 2. Выражать свое недовольство в грубых резких словах» [Ожегов, 1987], то есть первое значение отражает ситуацию конфликтного, инвективного типа речевого взаимодействия двух (и более) коммуникантов, а второе характеризует определенное (также агрессивное) речевое поведение отдельного участника коммуникации. Необходимо учитывать, что ассоциативные поля сравнения ЖЕНЩИНА ОБЫЧНО РУГАЕТСЯ, КАК... имеют абсолютно негативную оценочную коннотацию, поскольку она присутствует в основании сопоставления, то есть в семантике глагола *ругаться*.

Ассоциат *собаки* ориентирован на первое значение, а ответ *обычно женщины ругаются, как собаки* является трансформом устойчивого компаратива *грызться, как собаки*. Все словесные реакции, которые также есть преобразования этой устойчивой конструкции, были объединены в обобщенный ассоциат *собаки: женщины ругаются, как... две собаки; злые собаки; лают собаки; свора собак; собачонки; сторожевые псы; шавки*.

Ассоциат *сапожники* отражает второе значение глагола *ругаться* («выражаться грубо, бранно») и соотносится, скорее, с образом мужчины, чем женщины; во всяком случае, он отражает представление о «мужском» типе речевого поведения современной женщины. Значение же компаратива *ругаться, как базарная баба* в наших данных оказывается несколько размытым и неопределенным; представляется, что его семантическая структура может включать в себя компоненты как первого, так и второго значения. Устойчивый компаратив *ругаться, как базарная баба* также был трансформирован респондентами обоего пола: *обычно женщины ругаются, как...*

деревенские бабы; торговки; бабки на базаре; бабы на базаре; бабы базарные; бабки; базарки; базарные девки; базарные женщины; базарные торговки; бабки старые; базарные тетки; на базаре, уличные торговки.

Если рассматривать результаты эксперимента в целом, то большинство словесных реакций в данном ассоциативном пространстве отражает первое значение глагола *ругаться*: *женщины ругаются, как... кошки; ненормальные; стервы; дуры; мегеры; тигрицы*. Таким образом, респонденты обоего пола отмечают, что женщинам обычно не свойственно употребление бранной лексики в конфликтных ситуациях, хотя отдельные ответы-ассоциаты могут быть истолкованы неоднозначно. Например, *женщины ругаются, как стервы*: в данном случае на оценочную характеристику речевого поведения женщины явно влияет яркая негативная семантика слова *стерва*, предполагающая агрессивный и инвективный тип ее речевого поведения.

Анализ всех полученных в ходе эксперимента словесных реакций показывает, что сравнение-стимул **ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ РУГАЮТСЯ, КАК...** актуализирует в сознании респондентов следующие семантические поля: «человек» и «животные», что характерно, как мы видели, и для многих других типов сравнения.

Сопоставив в ходе анализа полученных результатов женское и мужское ассоциативные поля, мы обнаружили, что в восприятии данной конструкции какие-либо заметные гендерные особенности не проявляются. Тем не менее два наблюдения, отражающих не совсем типичные общие закономерности, можно сделать:

1. Отметим прежде всего, что распространенные ответы более свойственны в данном случае женскому ассоциативному пространству: *обычно женщины ругаются, как... безобразные женщины;*

взрывоопасные вещества; кошелки в очереди; неразумные люди; последние дуры и т.д.

2. Ассоциаты, не содержащие элемент сравнения, выявлены, наоборот, преимущественно в мужском ассоциативном поле: *женщины обычно ругаются, как... громко; как всегда; из-за любовника; круче мужиков; матом* и т.д.

(8) Ассоциативное поле компаратива-стимула МУЖЧИНЫ ОБЫЧНО РУГАЮТСЯ, КАК... насчитывает 205 ассоциатов. Ассоциативная норма репрезентируется такими вербальными реакциями, как *сапожники; собаки; бабы базарные*. Такие же ассоциаты, как мы видели, находятся и в центре ассоциативного поля сравнительной конструкции ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ РУГАЮТСЯ, КАК... Данный факт, к сожалению, говорит о том, что в сознании современного носителя русского языка (независимо от пола) агрессивное-инвективное речевое поведение мужчин и женщин воспринимается и интерпретируется примерно на одном уровне, а «ругательная» речевая тактика женщин мало чем отличается от мужской.

Тем не менее необходимо отметить, имея в виду восприятие «мужской ругани», что ассоциат *сапожники* в этом случае является наиболее многочисленной ответной реакцией как у женщин, так и у мужчин-информантов. Устойчивый компаратив *ругаться, как сапожник «браниться, грубо выражаться»*, безусловно, характеризует, как правило, речевое поведение мужчин. Кроме того, в периферийных ответах-реакциях на данное сравнение-стимул также присутствует подобная характеристика мужского речевого поведения как грубого, агрессивного и т.п. Таким образом, второе значение глагола *ругаться* в данном ассоциативном пространстве представлено, в общем, шире, чем первое его значение: *мужчины обычно ругаются, как... зеки;*

боцман; матом; в зоне; грубо; извозчики; матерщинники; матерно; мужики в трактире; нецензурные люди; уголовники; хамы. Эти данные еще раз подтверждают, что в сознании языковой личности русского человека (как женщины, так и мужчины) брань и ругательства до сих пор ассоциируются прежде всего с мужским речевым поведением несмотря на некоторые изменения в современной коммуникации.

Как в женском, так и в мужском ассоциативных полях околядерное пространство занимает ассоциат *петухи*. Появление подобной словесной реакции, очевидно, объясняется тем, что контекстуальными синонимическими вариантами глагола *ругаться* могут выступать в русской речи такие слова, как *сцепиться, набрасываться*, которые, в свою очередь, образуют устойчивые компаративы *сцепиться, как петухи; набрасываться друг на друга, как петухи*. В данном случае, вероятно, имеет место не столько трансформация, сколько семантическое пересечение указанных устойчивых сочетаний, реализующих основные смыслы глагола *ругаться*. В русской языковой картине мира (в отличие, например, от французской) подобные компаративы со словом *петух* ассоциируются с мужским агрессивным речевым поведением. В данном случае мы отвлекаемся от арготического значения данного слова как не имеющего отношения к характеристике речевого поведения, хотя, возможно, какая-то реминисценция в отдельных ответах и присутствовала.

Характеризуя женское и мужское ассоциативные поля, определенные при анализе словесных реакций на сравнение-стимул МУЖЧИНЫ ОБЫЧНО РУГАЮТСЯ, КАК..., отметим следующее:

1. Разных ответов-реакций в женском ассоциативном поле, как обычно, количественно меньше, чем в мужском.

2. И в женском, и в мужском тезаурусе компаратив МУЖЧИНЫ ОБЫЧНО РУГАЮТСЯ, КАК... актуализирует такие семантические поля,

как «человек» и «животное». Однако семантическая группа «животное» в мужском ассоциативном пространстве представлена заметно большим количеством ассоциатов: *мужчины обычно ругаются, как... звери; бараны; волки*. В подобных компаративах, на первый взгляд, не усматривается основание для сравнения: ругаться, например, как бараны, – ситуация, которая одновременно трудно сводима как к первому, так и ко второму значению глагола *ругаться*. Мы предположили, что в данном случае в сознании информантов были преобразованы и переосмыслены устойчивые обороты: *злой, как волк* или *глядеть, как волк* (недоверчиво, злобно); *рычать, рыкать, как зверь* (грубо, бранно выражать свое недовольство) и т.п. В случае с *баранами* несколько сложнее: возможно, здесь сыграла свою роль не столько «тупость» этих животных, сколько представление об их «баранности» и агрессивной неуступчивости в каких-либо конфликтах, перенесенных метафорически на сферу человеческой коммуникации.

3. При анализе единичных, периферийных по отношению к ассоциативной норме словесных реакций мы выявили, что в женском ассоциативном поле четко представлен такой ассоциат как, *пьяница*, и его лексические и лексико-семантические варианты: *мужчины обычно ругаются, как... пьяные сапожники; пьянчужки; пьяные интеллигенты*. Подобных ответов в женском ассоциативном пространстве по вполне понятным причинам количественно гораздо больше, чем в мужском. При этом очевидна адидеация к образу «пьяного сапожника», традиционного для обыденного восприятия (*пьян, как сапожник – ругается, как сапожник*). Новое: «имидж» типичного советского «интеллигента» (того, кого А.Солженицын назвал «образованцем») – пьяный интеллигент фактически приравнен к образу пьяного сапожника.

4. Вербальные реакции в женском ассоциативном поле заметно чаще, чем в мужском, представлены словами с частицей или приставкой *не*: *мужчины обычно ругаются, как... не джентльмены; невоспитанные; ненормальные; нецензурные люди* и т.д. Ассоциаты подобного рода усиливают ту негативную оценку, которая присуща в целом ассоциативному полю данной сравнительной конструкции. С другой стороны, мы установили, что именно в женских ответах имеют место и такие ассоциаты, которые, в принципе, не несут какой-либо эксплицитной негативной коннотации: *мужчины обычно ругаются, как... все; обыкновенные люди; как обычно; нормальные люди*. С другой стороны, в подобных ответах женщины как бы устанавливают в их восприятии некую усредненную и типичную норму мужского речевого поведения: *мужчина ругается потому, что это для него обычно, «нормально»*.

5. Ответы-реакции, не содержащие элемента сравнения, преобладают в данном случае в мужском ассоциативном пространстве.

3.4. Сравнения, характеризующие внешний вид женщин и мужчин

К этому типу сравнительных конструкций в нашем эксперименте относятся пять парных компаративных моделей: ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) КРАСИВА (КРАСИВ), КАК...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) СТРОЙНА (СТРОЕН), КАК...; НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА (НЕКРАСИВЫЙ МУЖЧИНА) ПОХОЖА (ПОХОЖ) НА...; ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖИ НА...; ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ВЫСОКАЯ (ВЫСОКИЙ), КАК...

(1) Ассоциативное пространство сравнительной конструкции ЖЕНЩИНА КРАСИВА, КАК... включает в себя 215 ассоциатов-реакций. Ассоциативная норма репрезентирована в слове *цветок*, что вполне отвечает самым разным представлениям о женской красоте, как

мифопоэтическим, религиозным и философским, так и обыденно-бытовым, причем в различных языковых традициях. Свидетельств этому много, приведем лишь слова И.А. Ильина, который писал, что все женственное «подобно цветку с его медленным созреванием в своем бескорыстном служении, способного, покорясь судьбе, совершенствоваться изнутри; подготавливая бесценный дар, заранее готовить к неблагодарности мира; цветку в его спокойном, органически необходимом над собственной красотой; в его скромной непосредственности, в его детском чистосердечии, в его тихом зове к прекрасному, любви, наслаждению» [Ильин, 174].

Эта метафорика, связывающая «женственное» с цветком, и породила устойчивый компаратив *красива, как цветок*. В русском языковом сознании эта метафора-сравнение относится только к девушкам или женщинам (в отличие, например, от греческой античной традиции, где образ прекрасного юноши ассоциировался с цветком нарциссом). Наш экспериментальный материал подтверждает это представление (в ассоциативном поле сравнительной конструкции МУЖЧИНА КРАСИВ, КАК... ассоциат *цветок* располагается на довольно далекой периферии ассоциативного пространства – как женского, так и мужского).

При сравнении мужских и женских ассоциатов были выявлены следующие особенности:

1. В женском ассоциативном пространстве количество разных ассоциатов-реакций на данную сравнительную конструкцию меньше, чем в мужском, что снова отражает ту особенность, что была подмечена при анализе предыдущего типа сравнительных конструкций.

2. Более или менее заметные отличия в организации ядерной и периферийной областей женского и мужского ассоциативного пространства, на первый взгляд, не выделяются. Большинство

отмеченных ассоциатов представлены как в мужском, так и в женском ассоциативных пространствах. Тем не менее эти ассоциаты-реакции в женских и мужских ответах отличаются своим расположением по отношению к ядерной части ассоциативного поля, то есть своей конфигурацией.

3. Сравнение-стимул ЖЕНЩИНА КРАСИВА, КАК... актуализирует в тезаурусе языковой личности обоего пола разнообразные семантические поля: «природные явления», «растения», «животные», «человек», «мифические и литературные персонажи»; в меньшей степени представлена семантическая группа «артефакт». Отметим, прежде всего, что ряд семантических групп («природные явления», «животные», «мифические и литературные персонажи») более или менее одинаково отражен и в женском, и в мужском ассоциативных полях. Так, ассоциат *кошка* занимает одинаковую позицию по отношению к ядру в женском и мужском ассоциативном пространстве. Довольно частотная вербальная реакция, приводящая к типовому ответу *женщина красива, как кошка*, не так уж однозначна: не всегда можно определить те параметры, по которым происходит сопоставление объекта и субъекта данного сравнения.

Известно, что кошка в представлениях многих народов с древности традиционно ассоциировалась с образом женщины. Приведем снова высказывание И.А. Ильина: «Для воплощения вечно-женственного подойдут образы кошки и коровы... Кошка в своей тихой, вкрадчивой, пассивной, грациозной, гибкой, домашней, бесшумно ступающей, теплолюбивой и ласковой сути (в обоих случаях пола) сугубо женственное создание» [Ильин, 1996]. Это наблюдение показывает, что параметр красоты (грациозности), наряду с иными параметрами, в представлении о женщине как о кошке также может

быть реализован. В русском коммуникативном пространстве сравнение женщины с кошкой относится только к характеристике внешних или внутренних проявлений сущности женственного – но никогда по отношению к ее речевым способностям.

Как показывают полученные данные, в женском ассоциативном пространстве наиболее представленным является семантическое поле «растение»: *женщина красива, как... цветы; распустившаяся роза; цветок с капелькой росы; цветочек, который только что расцвел; цветок в саду; алая роза; весенний цветок; лепесток розы; майский цветок* и др. В мужском же ассоциативном поле более, чем в женском, представлены семантические группы «человек», «мифические и литературные персонажи»: *женщина красива, как... мисс Вселенная; моя девушка; топ-модель; Сандра; все русские женщины; богиня; Афродита; царица; Белоснежка; Василиса Прекрасная; русалка.*

Интересно, но вполне объяснимо то, что на периферии мужского ассоциативного поля присутствуют еще такие ассоциаты, которые относятся к семантическому полю «артефакт», точнее, к его подгруппе «техника»: *женщина красива, как... новый «Мерседес»; дорогой автомобиль.* Подобные ответы абсолютно не свойственны в данном случае женщинам-респондентам.

4. Анализ эмпирического материала с точки зрения словообразовательных особенностей позволяет опять же утверждать, что женские ассоциации, чаще, чем мужские, репрезентируются в словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *женщина красива, как... цветочек; ангелочек; куколка; лебедушка; вкусная конфетка.*

5. Основание сравнения ЖЕНЩИНА КРАСИВА, КАК... не предполагает отрицательной характеристики субъекта сравнения. В женском ассоциативном поле все реакции имеют безусловную

положительную коннотацию. Однако в мужском ассоциативном пространстве имеют место ассоциаты, характеризующиеся и негативной окраской: *женщина красива, как... мартышка; корова; истеричка; обезьяна; безмозглая курица; ангел (и так же пуста)*. Данный факт демонстрирует достаточно ироничное отношение мужчин к женской красоте, то есть гендерные предпочтения выражены в этом случае очевидным образом.

6. Ответов-реакций, не содержащих элемента сопоставления, больше у мужчин-респондентов: *женщина красива, как... сказочно; каждая по-своему; захочет; сама собой* и т. д.

7. Распространенные ответы-реакции свойственны больше мужчинам-информантам, чем женщинам.

(2) Ассоциативное пространство сравнения-стимула МУЖЧИНА КРАСИВ, КАК... насчитывает 186 ассоциатов. Ассоциативной нормой анализируемой конструкции является употребление в ответах устойчивых компаративов *мужчина красив, как... Аполлон; бог*. Несколько неожиданными, на наш взгляд, ассоциаты (*как...*) *обезьяна, горилла, крокодил* и т.д. Вероятно, возникновение подобных ответов объясняется тем, что красота – это то внешнее качество человека, которое ценится преимущественно у женщин. Именно поэтому в ассоциативном поле данной сравнительной конструкции имеют место и такие ассоциаты: *мужчина красив, как... женщина; бабы*. Мужчины, по существующим стереотипным представлениям, должны быть сильными, умными, но не обязательно красивыми. Отметим при этом, что в ассоциативном поле мужчин негативных словесных реакций больше, нежели в женском ассоциативном пространстве. Таким образом, можно сказать, что сами мужчины-респонденты более скептически относятся к мужской красоте.

Сравнение-стимул МУЖЧИНА КРАСИВ, КАК... актуализирует в сознании русской языковой личности следующие семантические поля: «природные явления» (*мужчина красив, как... безоблачное небо; весна; зорька; море в шторм; природа весной; солнце; утро; яркое солнце*), «растение» (*мужчина красив, как... дерево; дуб; кактус; кипарис; лотос; нарцисс; мак*), «животные» (*мужчина красив, как... боров; воробей; гиппопотам; горная лань; горный олень; конь; лев; леопард*), «человек» (*мужчина красив, как... актер; Бред Питт; грузин; женщина*); «мифические персонажи» (*мужчина красив, как... Аполлон; бог; Адонис; ангел; Зевс; Амур*), «артефакт». Следует отметить, что ассоциатов, относящихся к семантическому полю «человек», в мужском ассоциативном пространстве количественно больше, чем в женском.. Семантическое поле «артефакт (по преимуществу, техника)», напротив, более представлено в женском ассоциативном пространстве (*мужчина красив, как... новый автомобиль; модель автомобиля «Мерседес»*) (ср. с предыдущим случаем).

Анализ экспериментальных данных позволяет утверждать, что гендерный фактор в данной конструкции проявляется не так ярко, как в других сравнениях-стимулах. Заметим только, что количество разных ответов больше в женском ассоциативном пространстве (в отличие от всех предыдущих конструкций).

(3) Ассоциативное поле сравнительной конструкции ЖЕНЩИНА СТРОЙНА, КАК... насчитывает, по данным эксперимента, 180 ассоциатов. Ассоциативная норма институализирована в слове *кипарис*. Очевидно, компаратив *женщина стройна, как кипарис* можно считать устойчивым, хотя в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцова он не зафиксирован.

Анализ экспериментального материала позволил выявить следующие особенности в восприятии данного компаратива-стимула:

1. Сравнение-стимул *ЖЕНЩИНА СТРОЙНА, КАК...* в тезаурусе русской языковой личности актуализирует, прежде всего, семантическое поле «растение» (*женщина стройна, как... кипарис; береза; абрикос; веточка; дерево; деревце; дуб; елка; ива; камыш*). Отметим при этом, что ассоциатов, представляющих данную семантическую группу, количественно больше в женском ассоциативном пространстве. Примерно одинаково в женском и мужском ассоциативных полях представлены такие семантические группы: «животное» (*женщина стройна, как... лань; антилопа; бабочка; газель; горная козочка; горная лань; лебедушка; лисица; олень; пантера; пчелки*); «человек» (*женщина стройна, как... американка; гимнастка; Гурченко; Диана; Клеопатра; С. Кроуфорд; спортсменка; модель; черная казачка; Эдит Приаф*); «мифические и литературные персонажи» (*женщина стройна, как... Афродита; богиня; Венера; фрейлина; принцесса; Ева; Дюймовочка*). В ассоциативном поле анализируемого компаратива выделяется еще группа слов-реакций, которых можно объединить под условной номинацией «артефакт». Такая группа ассоциатов свойственна больше мужскому ассоциативному пространству: *женщина стройна, как... антенна; башня; бокал; бутылка; гитара; лампа дальнего света; линейка; мачта; спица; спичка*. В последнем случае, возможно, какую-то роль сыграли куплеты из культового некогда кинофильма «Республика Шкид»: *Не женитесь на медичках, они тоненьки, как спички* и т.д.

2. Слов-реакций с уменьшительно-ласкательными суффиксами больше на этот раз в мужских ответах: *женщина стройна, как... веточка; козочка; прутик; пчелки; солнышко; травинка; тростинка*.

3. На периферии мужского ассоциативного поля встречаются слова-реакции, которые можно отнести к так называемой специальной (терминологизированной) лексике в составе семантического поля «артефакт»: *женщина стройна, как... втулка; доска необрезная; мачтовая осина; штакетина; высоковольтный столб*. Исследователи уже отмечали, что мужской повседневной речи употребление терминов свойственно в значительно большей степени, чем женской.

4. Компаратив-стимул ЖЕНЩИНА СТРОЙНА, КАК... предполагает в принципе положительно окрашенные словесные реакции. Однако не только мужчины, но и женщины-респонденты иногда давали ответы, являющиеся, по сути, антонимическими к значению слова *стройная*. Отметим при этом, что подобные реакции встречались по понятным гендерно-обусловленным причинам больше у информантов мужского пола: *женщина стройна, как... корова; бегемот; шпала; шланг; швабра; штакетина* и др.

5. Распространенные по синтаксической структуре ассоциаты также более свойственны мужскому ассоциативному полю, чем женскому.

(4) Ассоциативное пространство компаратива МУЖЧИНА СТРОЕН, КАК... включает, по результатам эксперимента, 174 ассоциата. Ассоциативная норма, как и в предыдущем случае, репрезентируется в слове-реакции *кипарис*. Можно утверждать, что данное слово имеет в сознании языковой личности устойчивую ассоциативную связь со словом *стройный*, поскольку при обоих субъектах сравнения (мужчины или женщины) ассоциативная норма, как мы видим, не изменяется.

Анализ эмпирического материала позволил выявить следующие гендерные особенности в восприятии данной конструкции:

1. Компаратив-стимул МУЖЧИНА СТРОЕН, КАК... актуализирует в тезаурусе женщин и мужчин одинаковые семантические поля: «растение» (*мужчина строен, как... кипарис; тополь; дуб; дерево* и т.д.); «человек» (*мужчина строен, как... атлет; спортсмен; мужчина; женщина; Делон*); «животное» (*мужчина строен, как... жираф; лев; тигр; лань; верблюд*); «артефакт» (*мужчина строен, как... стела; стена; топор; циркуль; столб фонарный* и др.). Однако степень представленности того или иного семантического поля в женском и мужском ассоциативном пространстве неодинакова. Так, в женском ассоциативном поле количественно больше ассоциатов, составляющих семантическую группу «растение». Семантическая группа «человек» более представлена в мужском ассоциативном пространстве. Заметим также, что объектом сравнения мужчины-респонденты чаще, нежели женщины, избирают конкретного человека (*мужчина строен, как... Ален Делон; Ванн Дамм; Герасим*).

2. Значение слова *стройный* в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова трактуется как «красиво и правильно сложенный, хорошего телосложения» [Ожегов, 1987]. Именно это значение и доминирует в женском ассоциативном поле, что делает ответы женщин более типизированными с точки зрения отражения стандартной семантики прилагательного. В мужском ассоциативном пространстве стройность мужчины соотносится, прежде всего, с ростом человека или высотой вообще: *мужчина строен, как... девятиэтажка; башенный кран; башня; дядя Степа; каланча; кедр; кран; многоэтажное здание*.

3. Ответов-реакций, имеющих негативную оценку или реакцией-антонимов, больше в мужском ассоциативном поле, чем в женском (*мужчина строен, как... бочка; верблюд; гиббон; горилла; дистрофик; жердь*), что опять может свидетельствовать о более ироничном взгляде мужчин на свои внешние данные.

4. Распространенных ответов количественно больше у мужчин-респондентов (*мужчина строен, как... башенный кран; египетский жрец; лев или тигр; красивая женщина; самец гиббона; сексапильная девушка; столб фонарный*).

(5) Ассоциативное пространство сравнения-стимула НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА ПОХОЖА НА...включает в себя, по данным нашего эксперимента, 239 вербальных реакций. Ассоциативная норма репрезентируется в слове *обезьяна*. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцова устойчивый компаратив *некрасивый, как обезьяна* или *страшный, как обезьяна* не зафиксирован. Однако наблюдения над живой спонтанной речью показывают, что частотность употребления сравнений с этим словом высока, что подтверждают и результаты нашего эксперимента, поэтому конструкцию *некрасивый, как обезьяна* с уверенностью можно назвать устойчивой, по крайней мере, в естественной речи.

Анализ экспериментальных данных позволил выявить следующие гендерные особенности в восприятии сравнения НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА ПОХОЖА НА...:

1. Количество разных ассоциатов-реакций преобладает в мужском ассоциативном пространстве, особенно разнообразна периферия мужского ассоциативного поля.

2. Ядерные ассоциаты в женском и мужском пространстве совпадают, однако последующие, более отдаленные от центра ярусы имеют немногочисленные совпадения в вербальных реакциях информантов разного пола.

3. Сравнение-стимул НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА ПОХОЖА НА... актуализирует в сознании носителей русского языка следующие семантические поля:

- «животное»: *некрасивая женщина похожа на ... бегемота; крысу; свинью; смесь нескольких животных; безобразного таракана; гадюку; грузное животное; грустную лань; жабу; жирафа; кенгуру; корову; крокодила; курицу; лошадь; верблюда и др.;*

- «человек». В данном семантическом поле возможно условное выделение двух микрогрупп: «человек и его внешняя характеристика» и «человек и его душевное, качественное состояние». Так, первую группу представляют следующие ассоциаты: *некрасивая женщина похожа на... Машу Распутину; старую каргу; дурнушку; женщину; Клаудию Шиффер; мою учительницу; свою маму; Мону Лизу; мужчинку; не следящую за собой и др.* Вторая микрогруппа представлена следующими ассоциатами: *некрасивая женщина похожа на... что-то обиженное; несчастную; несчастное создание; нелюбимую; красивую душой; заболевшую; бедолагу; глупую; зануду; покинутую;*

- «мифические и литературные персонажи»: *некрасивая женщина похожа на... Федору; Фантомаса; Симпсона; привидение; Пиноккио; Шапокляк; чудовище; Сивку Бурку; гадкого утенка; Бабу Ягу;*

- «артефакт»: *некрасивая женщина похожа на... швабру; телевизор; статую; рваный ботинок; разбитый кувшин; разбитую вазу; помойку; плитус; немытую сковородку; чучело; недорисованный портрет;*

- «растения»: *некрасивая женщина похожа на... дерево; засохший цветок; нераскрывшийся бутон; кактус; мухомор; увядший цветок; потухшую розу; старый гриб; цветок ромашки, с оторванными лепестками;*

- «фрукты»: *некрасивая женщина похожа на... перезревший плод; сухофрукт; сморщенное яблоко; кислое яблоко; выжатый апельсин.*

Перечисленные группы по-разному представлены в женском и мужском ассоциативном пространстве. Так, в женском ассоциативном

поле количественно больше ассоциатов, относящихся к семантическим группам «животные», «растения», «человек и его душевное состояние», «фрукты». Такие семантические поля как «человек и его внешняя характеристика», «артефакт», «мифические и литературные персонажи», наиболее представлены в мужском ассоциативном пространстве.

4. Словесные реакции на анализируемый компаратив-стимул позволили выявить некоторые гендерные отличия на словообразовательном уровне. Так, ассоциатов, выраженных словами с уменьшительно-ласкательным суффиксом, в женском ассоциативном пространстве больше, нежели в мужском: *некрасивая женщина похожа на... дурнушку; метелку; мушку (серую и незаметную); мужчинку; солнышко; серую мышку*. Среди мужских ответов имеет место единичный ассоциат, выраженный окказионализмом: *некрасивая женщина похожа на квазимодиху*.

5. Анализируя ассоциаты с точки зрения их лексического наполнения, мы отметили, что единичный случай ассоциата-эвфемизма представлен в мужском ассоциативном поле: *некрасивая женщина похожа на то, что сзади*; имеет место также словесная реакция, выраженная жаргонизмом: *некрасивая женщина похожа на телку*. Некоторые ассоциаты и в женском, и в мужском ассоциативных пространствах, по сути дела, антонимичны сравнению-стимулу: *некрасивая женщина похожа на... С. Кроуфорд; красивую; красавицу; красивую женщину; красивого мужчину; Катрин Денев; Елену Прекрасную; ангела*. Отметим, что подобные антонимичные реакции преобладают в мужском ассоциативном поле, что может быть связано с ироничным отношением мужчин к типическим канонам женской красоты.

6. Распространенные ответы в данном случае более типичны для женщин-респонденток: *некрасивая женщина похожа на... безобразного таракана; засохший цветок; картину Пикассо; мокрую курицу; выдру (снаружи ужасная и добрая внутри); изуродованный предмет.*

(6) Ассоциативное поле НЕКРАСИВЫЙ МУЖЧИНА ПОХОЖ НА... включает в себя 176 ассоциатов, то есть их количество заметно меньше, чем словесных реакций на предыдущую сравнительную конструкцию. Объяснить это можно тем известным фактом, что для мужчин красота или «некрасота» в отличие от женщин не стоит на первом месте в восприятии их образа, с чем, очевидно, согласны в основном не только мужчины, но и женщины.

При анализе ответов были выявлены следующие особенности женского и мужского ассоциативного пространства:

1. Количество разных ответов среди женских реакций меньше, чем среди мужских.

2. Компаратив-стимул НЕКРАСИВЫЙ МУЖЧИНА ПОХОЖ НА... актуализирует в сознании женской и мужской языковой личности следующие семантические поля: «животные» (*некрасивый мужчина похож на... обезьяну; бегемота; верблюда; гориллу; жабу; ежа; енота* и т. д.); «человек» (*некрасивый мужчина похож на... бомжа; идиота; Ван Дамма; больного; калеку; «ботаника»; урода*); «мифические и литературные персонажи» (*некрасивый мужчина похож на... гадкого утенка; Буратино; ведьму; домовенка Кузю; Квазимодо; Кинг-Конга; Кощея; карлика; черта; Фредди Крюгера; оборотня*) и некоторые другие. В женском ассоциативном поле больше ассоциатов, составляющих семантические группы «животные», «мифические и литературные персонажи». Семантические группы «человек», «артефакт» более представлены в мужском ассоциативном

пространстве. Отметим, кроме того, что мужчины-респонденты нередко объектом сравнения избирают какого-либо конкретного человека (*некрасивый мужчина похож на... Саньку Иванова; Васю; Ван Дамма*). В женских реакциях подобных ответов нет.

3. В мужском ассоциативном пространстве встречаются антонимичные сравнению-стимулу ассоциаты: *некрасивый мужчина похож на... красавца; красивое дерево; Ди Каприо*. Подобные компаративы, как и в случае предыдущей конструкции, употребляются, как правило, в ироническом контексте.

4. Уменьшительно-ласкательные суффиксальные образования преобладает в женских ответах-реакциях: *некрасивый мужчина похож на... гадкого утенка; бегемотика; поросенка; обезьянку*.

5. Количество распространенных реакций одинаково в женском и мужском ассоциативном пространстве.

(7) По результатам ассоциативного эксперимента мы установили, что ассоциативное поле, выявленное для сравнения-стимула ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖИ НА..., включает в себя 278 разных ассоциатов. Ассоциативная норма реализуется в слове-реакции *озера*. Этот ассоциат, составляющий ядро анализируемой конструкции, включает в себя, как правило, синтаксически распространенные варианты: *глаза женщины похожи на... лесные озера; два озера; бездонные озера; большие озера; глубокие озера; глубокое синие озеро; голубое озеро; два бездонных озера; два глубоких и чистых озера; два синих озерца*. Их обобщение при анализе в единую рубрику оправданно, поскольку главный объект сравнения институализируется в ключевом слове *озеро*, которое, видимо, требует конкретизации (конструкция *глаза женщины похожи на озеро* кажется нам несколько искусственной и семантически незаконченной). В данном случае будет уместно указать и иные вербальные реакции подобного типа, которые условно можно

назвать «ассоциаты-обобщения»: *глаза жены похожи на... глаза кошки (кошкины глаза, кошачьи глаза, глаза кошечки); океан (бездонный океан, два бездонных океана, два океана, безбрежный океан); небо (голубое небо, небо ясное, серо-голубое небо, серое небо, синее безоблачное небо, ясное небо);, звезды (две звезды, звездочки, звездочки в небе, звезды); огоньки, огонь (два огонька, жгучие огни, калейдоскоп огней); море (море: то шторм, то штиль; бездонное море; голубое море; синее море).* Некоторые из них, впрочем, могут выступать и в «изолированном» виде: *глаза жены похожи на... бусы (бусинки, бусины, бусы); огонь; море.*

Прежде чем приступить к анализу гендерных особенностей в данном ассоциативном пространстве, отметим, что конструкция ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖИ НА... вызвала у респондентов некоторые затруднения при ответах. Это связано, видимо, с тем, что компаративы с союзом *как* чаще употребляются носителями русского языка, поэтому ассоциативные связи возникают быстрее и легче, если информантам предлагается конструкция «стандартного» типа СУБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ – ОСНОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ – КАК... Компаративы-стимулы СУБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ – ОСНОВАНИЕ – ПОХОЖ НА... не способствует быстрому или спонтанному появлению ассоциативных связей, поэтому возникают такие неудачные с точки зрения речевых норм ответы-реакции: *глаза жены похожи на... кошку; змею; собаку: лань; доверчивую собаку.* Неудивительно поэтому, что и количественный показатель отказов выше, чем в сравнениях-стимулах с союзом *как*. Ср. также аналогичную конструкцию ПОХОДКА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖА НА... .

Анализ экспериментальных данных позволил выявить следующие особенности в восприятии конструкции ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖИ НА... мужчинами и женщинами:

1. Количество разных ассоциатов в женском ассоциативном пространстве меньше, чем в мужском.

2. Сравнение-стимул **ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖИ НА...** актуализирует в тезаурусе женской и мужской языковой личности самые разнообразные семантические поля. Это связано, видимо, с тем, что наружность человека (в частности, его глаза) и объекты реального мира представляют собой внешне воспринимаемые физические сущности, при отражении которых функционируют одни и те же механизмы восприятия. Поэтому возникают в принципе неограниченные возможности появления различных ассоциаций, на которых основываются сравнения физических данных человека с различными объектами действительности. Полученные ответы-реакции позволили выделить следующие семантические поля: «водное пространство» (*глаза женщины похожи на... озеро, море, океан*); «пространственный природный объект» (*лес; зеленый лес; два зеленых луга*); «небесное тело» (*глаза жены похожи на... небо; ясное небо; на две луны; две звезды; звездочки; солнышко*); «явление природы» (*глаза женщины похожи на... утренний рассвет; туман; искру молнии; зорьку ясную; аквамариновый рассвет; ночь*); «растение» (*глаза женщины похожи на... синие розы; лилии; фиалки; незабудки; орех; миндалины; анютины глазки*); «драгоценные камни» (*...два алмаза; два янтаря; агат; жемчужины; большой изумруд; два сверкающих камня*); «животные» (*глаза женщины похожи на... глаза мерина; глаза собаки; змею; глаза пантеры; воробьиные; орлиные; оленьи; жало змеи; кошачьи глаза*); «человек» (*глаза жены похожи на... мои; глаза девственницы; больного базедовой болезнью; глаза врага; глаза людей*); «сказочные персонажи» (*аленький цветочек; глаза из японских мультиков; чебурашкины; два озорных чертенка*);

«артефакт» (*глаза женщины похожи на... часы; шоколад; фары автомобиля; две пуговики; магнит; лучезарное окошко*).

И в женском, и в мужском ассоциативных полях наиболее представленной является семантическая группа «водное пространство», что связано с довольно древними мифопоэтическими представлениями о женских глазах, в том числе, у славян. Ср, например, польскую песню *Ładne oczy* («Красивые глаза»):

Wśród zielonych traw	Среди зеленых трав
Głęboki staw.	Глубокий пруд.
Jak mnie nie pokochasz,	Если ты меня не полюбишь,
To się w nim utopię.	Я в нем утоплюсь.

Эти представления сохраняются и в русской картине мира. В целом это объясняется женской персонификацией образа воды.

Если говорить о других семантических группах, то отметим, что количество реакций, входящих в семантическое поле «растение» больше в женском ассоциативном пространстве. В мужском же ассоциативном поле наиболее ярко представлены такие семантические группы, как «артефакт», «драгоценности». В этих случаях, очевидно, опять же проявляются определенные гендерные предпочтения.

3. Женщины-респонденты в качестве основания сопоставления неосознанно выбирают, прежде всего, цвет глаз (*глаза женщины похожи на... черемуху; угли; шоколад; синие розы; голубое озеро; зеленый лес; каштановое дерево*) и форму (*глаза женщины похожи на... две монеты по пять рублей; два блюдца; две жемчужины; фары; пуговики; щелки; треугольники; бусы*). Ассоциаты, включающие в себя характеристику формы и цвета глаз одновременно, также свойственны больше женскому ассоциативному пространству (*глаза жены похожи на... черный жемчуг; черную мокрую смородину; два огромных серых шара*). В мужских ответах-реакциях в качестве основания сравнения

выступают такие параметры, как форма и выражение глаз (*глаза женщины похожи на... доверчивую собаку; глаза пантеры; бездонный океан; мягкий свет; магнит; волчи; надежду; неизвестную вселенную*).

4. В мужском ассоциативном пространстве имеют место ассоциаты, словесное выражение которых репрезентируется абстрактными существительными (*глаза женщины похожи на... безысходность; надежду; тайну; бездну*). Подобных реакций нет среди женских ответов, что, в общем, объяснимо: у мужчин, как уже указывалось в первой главе, абстрактное мышление более развито и потому более представлено в речи.

5. Ответов с негативной оценкой женских глаз как субъекта сопоставления больше, как и следовало ожидать, в мужских реакциях (*глаза женщины похожи на... волчи; глаза врага; дыры; дупло; стекляшки; разбитые фары*).

6. Слова-ассоциаты с уменьшительно-ласкательными суффиксами свойственны преимущественно, как и во многих других случаях, женщинам-респондентам (*глаза женщины похожи на... бусинки; два уголька; два бобовых зернышка; два озорных чертенка; два синих озерца; звездочки в небе; зорьку ясную*).

7. Большинство ответов-реакций на анализируемое сравнение-стимул синтаксически распространены. Это связано, очевидно, прежде всего с тем, что женские глаза очень описываются в поэзии и художественной литературе и в сознании языковой личности их образ прочно связан с соответствующими эпитетами. Распространенные ответы более присущи в данном ассоциативном пространстве мужчинам-респондентам, что связано с их гендерной ролью: известно, что комплимент – это преимущественно мужской жанр речи.

(8) Ассоциативное поле сравнения-стимула ГЛАЗА МУЖЧИНЫ ПОХОЖИ НА... состоит из 342 словесных реакций-ассоциатов. Ассоциативная норма, как и в предыдущей конструкции, реализуется в слове *озеро*. В данном ассоциате обобщены следующие варианты: *два озера, бездонные озера, глубокое озеро, маленькие озера, озеро голубой воды, лесные озера* и т.д. Сравнение мужских глаз с водными объектами не очень типично в речевой традиции, поэтому на появление таких вербальных реакций, вероятно, повлияла в какой-то степени художественная литература или, возможно, некоторая феминизация образа мужчины в современном обществе.

Выявлены следующие гендерные отличия в восприятии компаратива ГЛАЗА МУЖЧИНЫ ПОХОЖИ НА... .

1. Количество разных ассоциатов в женском ассоциативном пространстве меньше, чем в мужском.

2. Сравнение-стимул ГЛАЗА МУЖЧИНЫ ПОХОЖИ НА... актуализирует в сознании носителей русского языка следующие семантические поля, в целом аналогичные тем, что были представлены в предыдущем случае: «водное пространство» (*глаза мужчины похожи на озеро; океан; море; два бездонных океана; голубой океан; дно океана* и др.); «природные объекты» (*два уголька; голубое небо; камни; зеленые луга при ясном солнце; лужу; льдинки;; расщелины в горах;*); «небесное тело» (*глаза мужчины похожи на... облака; блистающие звезды ночного неба; звезды; две яркие звездочки; лучик солнца; орбиты; солнышко*); «явления природы» (*глаза мужчины похожи на грозу; красные камни на закате; радугу; сверкающие молнии*); «цвет» (*глаза мужчины похожи на бесцветные; зеленые*); «огонь» (*два огонька; два ясных огонька; мерцающие огни*); «растение» (*глаза мужчины похожи на... сливы, чернослив, анютины глазки, васильки, вишенки, смородины, зеленое яблоко, лепестки,*

лозу; траву и др.); «драгоценности» (*глаза мужчины похожи на... бирюзу; брилики, бриллианты, драгоценные камни, сапфиры, топаз*); «животное» (*глаза мужчины похожи на удава; птичьи глаза; свинячьи; гусиные; ехидну; звериные; львиные; коровьи; глаза вороненка; глаза замороженной рыбы*); «человек» (*глаза мужчины похожи на... глаза внука; глаза глупого мужчины; глаза друга; глаза его отца; глаза его матери; глаза жены; глаза любимого; глаза простого человека; глаза хитреца*); «геометрические фигуры или объекты, имеющие их форму» (*глаза мужчины похожи на шары; овалы; два яйца; яйца дрозда; яйцо*); «артефакт» (*глаза мужчины похожи на... таблетки, тарелки, туннель, чайники, мячи от гольфа, перископы, пуговицы, очки, пивные пробки, сковородку, пульки*). В женском языковом сознании актуализированы, прежде всего, семантические группы «водное пространство», «растение». Семантические группы «артефакт», «драгоценность» (а также «геометрические фигуры, яйцо») более представлены опять же в мужском ассоциативном пространстве.

3. Ответы-реакции на компаратив-стимул ГЛАЗА МУЖЧИНЫ ПОХОЖИ НА... характеризуют субъект сравнения по следующим параметрам: цвет, форма, выражение глаз, их величина. Большинство ассоциатов в женском ассоциативном поле указывают, прежде всего, на цвет глаз (*глаза мужчины похожи на... голубой океан; два изумруда; лесные озера; чернослив; два черных уголька*). В мужском ассоциативном поле на первое место ставится такой параметр, как выражение глаз (*глаза мужчины похожи на... два буравчика; два рубина; алмазы; бездонный колодец; блистающие звезды ночного неба; волка; барана; глаза глупого человека*). Это совпадает в целом с гендерными ассоциативными полями предыдущей сравнительной конструкции.

4. Ассоциаты, репрезентируемые в словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами, преобладают в женском ассоциативном пространстве (*глаза мужчины похожи на... два лесных огонька; уголек; шарики; маленьких рыбок; две смородинки; искорки; маленькие щелочки*).

5. Женщины-респонденты реже, чем мужчины, не справляются с заданием эксперимента. Так, ответов-отказов у мужчин больше, нежели у женщин. Неправильно построенных компаративов, как и в предыдущем случае, также больше среди мужских ответов (*глаза мужчины похожи на... вампиры; волка; рыбы; ехидну; золушки; лягушку; отца; сову; соловья*).

6. Ассоциаты-реакции с отрицательной коннотацией, как и в случае с сравнением ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖИ НА..., не свойственны подобным сравнениям-стимулам: большинство ассоциатов метафоричны и поэтичны. Тем не менее ассоциаты с негативной характеристикой встречаются (*глаза мужчин похожи на... тупые; булыжники; волка; глаза барана; бешеной коровы; звериные; стеклянные; крысиные; наркомана*); в количественном отношении подобных ответов больше у мужчин. Среди женских реакций зафиксирован единственный случай употребления обценной лексики.

(9) Ассоциативное поле сравнения-стимула ЖЕНЩИНА ВЫСОКАЯ, КАК... включает в себя, по данным эксперимента, 127 ассоциатов. Такая относительная немногочисленность разных ответов-реакций, как и в случае последующей конструкции, объясняется существованием в русском языке ряда устойчивых компаративов, которые, естественно, и возникают в сознании языковой личности при восприятии данного сравнения-стимула: *высокий (-ая), как верста коломенская; ... как жердь; ... как жираф; ... как колокольня; ... как шест; ... как каланча*. Так, ассоциативная норма в нашем случае

реализуется в слове *каланча*, очевидно, потому, что компаратив *высокий*, как *каланча* является устойчивым фразеологизмом.

Анализ экспериментального материала позволил выявить следующие особенности в восприятии женщинами и мужчинами компаратива ЖЕНЩИНА ВЫСОКАЯ, КАК... :

1. Количество разных ассоциатов-реакций меньше в женском ассоциативном пространстве.

2. Компаратив-стимул ЖЕНЩИНА ВЫСОКАЯ, КАК... актуализирует в тезаурусе русской языковой личности следующие семантические поля: прежде всего, это «артефакт» (*женщина высокая, как... антенна; башня; веревка; Вавилонская башня; гвоздь; грабли; дом; доска; жердина; каланча; китайская стена; колокольня*) и «растение» (*женщина высокая, как... бамбук; баобаб; дерево-осока; пальма; рябина; сосна; эвкалипт; ясень*); далее – «человек» (...как *баскетболист; гардемарин; дылда; парашютистка; супермодель; фотомодель*); «животное» (...как *павлин; страус; газель; жираф; журавль; кобыла; лань*); «мифические и литературные персонажи» (...как *богиня; дядя Степа; королева*); «природный объект» (...как *небо; скала; Эверест; Альпы; гора*). В женском ассоциативном пространстве количественно больше ассоциатов, входящих в семантическую группу «растение». Такие семантические группы, как «артефакт», «человек», более представлены мужском ассоциативном пространстве. Такое распределение семантических ассоциаций связано, вероятно, с тем, что мужчинам в отличие от женщин более близок мир реальных предметов, чем мир растений. Кроме того, характеризуя рост женщины, мужчина чаще видит основание для сравнения в стандартных «образцах» наподобие роста баскетболиста или фотомодели.

3. Ядерным и в женском, и в мужском ассоциативных полях выступает ассоциат *каланча*. Околоядерные и периферийные же ярусы ассоциативного пространства женщин имеет некоторые отличия от мужского. Так, ассоциаты *жердь* и *башня* в женском ассоциативном поле находятся ближе к периферии, в мужском же ассоциативном поле данные ассоциаты расположены в центре.

(10) Ассоциативное поле сравнения-стимула МУЖЧИНА ВЫСОКИЙ, КАК... состоит из 138 ассоциатов. Отметим, что словесные реакции, образующие устойчивые компаративы (... *как верста коломенская, каланча, колокольня, шест*) в данном ассоциативном поле малочисленны (за исключением ассоциата *жираф*). Ассоциативная норма институализируется в слове *столб*. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцова компаратив *высокий, как столб* не зафиксирован, однако данное сравнение, исходя из его частотности в речи информантов мы можем, видимо, считать также достаточно устойчивым.

Анализ экспериментальных данных позволяет говорить о следующих гендерных особенностях в восприятии конструкции МУЖЧИНА ВЫСОКИЙ, КАК... .

1. Разных ответов-ассоциатов, как и во многих других случаях, количественно больше в мужском ассоциативном пространстве, чем в женском.

2. Компаратив-стимул актуализирует в сознании языковой личности следующие семантические группы, в целом совпадающие с ответами на предыдущее задание: «артефакт» (*мужчина высокий, как... свечка; антенна; башенный кран; башня; верстовой столб; водонапорная башня; высотка; гробница фараона; дом; жердь; каланча; кочерга; лестница; ЛЭП; маяк*); «растение» (*мужчина высокий, как... ясень; тополь; сосна; секвойя* (в ответах: *сиквоя*. –

Л.Ш.); *пальма в Сочи; осина; лиственница; кипарис; кедр; ель; дуб; бамбук*); «животное» (*мужчина высокий, как... баран; буйвол; конь; лань; лось; лошадь; страус*); «человек» (*мужчина высокий, как... атлет; амбал; Киркоров; баскетболист; модель; Петр I; спортсмен*); «мифические и литературные персонажи» (*мужчина высокий, как... Аполлон; атлант; бог; великан; дядя Степа; исполин; истукан; карлик на ходулях*); «природный объект» (*мужчина высокий, как... гора; пик Эвереста; скала; утес*). Кроме того, можно отдельно выделить также группу «транспортное средство», количественно заметную в более общем поле «артефакт» (*мужчина высокий, как... грузовик; кран подъемный; «Титаник»*). Семантическая группа «артефакт» одинаково широко представлена и в женском, и в мужском ассоциативном пространстве. С другой стороны, в этих пространствах существуют некоторые отличия актуализации таких семантических полей, как «растение», «животное». Ассоциатов, составляющих семантическую группу «растение», количественно больше в женском ассоциативном поле (как и в предыдущем случае). В мужском же более представлена семантическая группа «животные».

3. Слово *высокий* означает «большой по протяженности или далеко расположенный сверху вниз». Однако наш материал позволяет утверждать, что в женском языковом сознании значение данного слова несколько трансформируется, то есть высокий рост мужчины более отождествляется со стройностью, чем такой же рост женщины. Данный тезис подтверждают такие ассоциаты: *мужчина высокий, как тополь; как кедр* (в отличие, например, от *высокий, как дуб*). Существование компаратива *стройный, как тополь* позволяет утверждать, что понятия «высокий» – «стройный» пересекаются в тезаурусе женской языковой личности.

4. Среди мужских ответов встретились такие ассоциаты, которые семантически выступают как специфические антонимы по отношению к основанию сопоставления: *мужчина высокий, как... мышь; баран; Наполеон; пень; заяц*. Очевидно, здесь опять же проявляется более иронической настрой мужчин к себе подобным. В мужском ассоциативном пространстве имеются также единичные ассоциаты, которые репрезентируются абстрактными существительными: *мужчина высокий, как мечта*, что, кажется, было бы более естественно для женских реакций.

3.5. Сравнения, характеризующие походку женщин и мужчин

В данном анализе представлена одна парная конструкция: ПОХОДКА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖА НА... Мы сознательно ограничились в эксперименте только этой компаративной моделью (не включив в опрос сравнительную конструкцию ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) ХОДИТ, КАК...), чтобы еще раз подтвердить те наблюдения, которые обнаружились при анализе конструкции ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖИ НА... .

(1) Ассоциативное поле сравнения-стимула ПОХОДКА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖА НА..., насчитывает, по данным нашего эксперимента, 351 ассоциат. Ассоциативная норма представлена словом *лебединая* (о походке женщины). Отметим, что в данном ассоциате-обобщении мы объединили следующие словесные реакции: *походка женщины похожа на... лебедушку; лебедя; лебяжьё; лебединую песню; летящую; плавание лебедя; плывучего лебедя; плывущего лебедя; то, как плывет лебедь; лебедь плывет; грацию лебедя; лебединый полет; плавание лебедя; плывущую лебедушку; плывущую птицу лебедь*. Все эти варианты являются, в сущности, трансформациями устойчивого сравнения, характеризующего в

языковом сознании русского человека именно походку женщины *идет* (*плывет*), *как лебедь*, что означает «ходит плавно, горделиво, грациозно».

Компаратив-стимул **ПОХОДКА ЖЕНЩИНЫ ПОХОЖА НА...** актуализирует в тезаурусе русской языковой личности следующие семантические поля: прежде всего, это «птицы и животные» (*походка женщины похожа на ослию* (так в ответе! – Л.Ш.); *прыжок жабы; куриную; львиную; тигриную; страусиную; походку коня; гепарда; газель; козочку; лисью; обезьянью; павлинью; пингвина; походку цыпленка; слона; черепаху*); далее – «человек и особенности его походки» (*походка женщины похожа на... фотомоделю; моряка, сошедшего с корабля; балерину; женскую походку; пьяного мужчины; кокетку; походку мадонны; спортсмена*); «транспортное средство» (*походка женщины похожа на... паровоз; движение машины; движение красивой мужчины; движение электрички; дирижабль; качающийся теплоход; плавание яхты; покачивание фрегата; как в море лодка; плывущую лодочку*); «танец» (*походка женщины похожа на... вальс; танец «яблочко»; менуэт; движение в танце; бальный танец*); «природное явление» (*походка женщины похожа на... ветер; ветерок; дуновение ветра; шторм*); «действие (сопоставимое с ходьбой)» (*походка женщины похожа на... кривлянье; бег с препятствиями; ковыляние; колебания; ловлю; нарочное виляние задом; вихляющую; перекат; прыжки; полет*); «артефакт» (... *на пружину; походку робота; колесо; беспокойство желе; коньки; маятник; протез*); понятно, что представлена также и семантическая группа «ходьба» (*походка женщины похожа на... аллюр; дефиле; походку от бедра; прогулочную; прогулку; спортивную ходьбу; строевую; ходьбу на ходулях; спортивную ходьбу*). Перечисленные семантические группы в целом

одинаково представлены как в женском, так и в мужском ассоциативном пространстве.

При анализе были выделены следующие особенности в восприятии данной конструкции женщинами и мужчинами:

1. Количество разных ассоциатов в мужском ассоциативном пространстве опять же больше, нежели в женском.

2. Элементы обценной лексики имеют место, как это не удивительно, среди женских ответов (ср. выше, о глазах мужчины).

3. Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами также типично для женщин-респондентов (*походка женщины похожа на... уточку; лодочку; ход лодочки; плывущую лодочку; ослика; лебедушку; легкий ветерок; козочку; пружинку; ручеек*).

4. И у женщин, и у мужчин-респондентов возникали сложности в правильном восприятии и построении сравнительной конструкции подобного типа, как и в случае компаративной модели ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) ПОХОЖИ НА... 45 % женщин-информантов и 46 % мужчин-информантов образовали окказиональные и неправильные по структуре компаративы-реакции: *походка женщины похожа на... будто она плышет; гусыню; кошку; гуся; утку; лань; как у павы; корову; не идет, а пишет; коньки*). Интересно, что при этом женщины чаще, чем мужчины, трансформировали структуру исходного сравнения-стимула, изменяя при этом компаративную связку, то есть вводя более «стандартный» для их восприятия сравнительный союз *как*: *походка женщины похожа на... как в море лодка; как пава; как у павы; как у медведя; как цаца; как у леди*.

5. Среди мужских ответов имеют место ассоциаты, выраженные окказиональными словами: *походка женщины похожа на ослию* (правильно: *ослиную*). В мужском ответе *походка женщины похожа на*

лебяжью мы сталкиваемся со случаем актуализации устаревшего народно-поэтического прилагательного *лебяжий* в значении «лебединый, напоминающий чем-либо лебедя». Ср. у А. Блока: *Я бледные вижу ланиты, Я поступь лебяжью ловлю* [МАС. Т.2. С.167].

(2) Ассоциативное поле сравнения-стимула **ПОХОДКА МУЖЧИНЫ ПОХОЖА НА...** включает в себя 294 ассоциата-реакции. Ассоциативная норма репрезентируется в слове *медвежья* (о походке мужчины), что вполне закономерно, поскольку компаратив *походка мужчины похожа на медвежью* является трансформацией устойчивого сравнения *ходить, как медведь*, что означает «неуклюже, грузно, вразвалочку, переваливаясь с ноги на ногу». Имеющиеся в базе экспериментальных данных трансформы подобного типа можно подвести под этот асоциат-обобщение: *походка мужчины похожа на... медведя шатуна; косолапого медведя; медвежью походку; мишку косолапого; походку медведя; неуклюжего медведя; переваливания медведя; поступь медведя; ходит как медведь*.

Анализ экспериментальных данных позволил вывить следующие гендерные особенности:

1. Количество разных ассоциатов в мужском ассоциативном пространстве снова больше, нежели в женском.

2. Анализируемый компаратив-стимул актуализирует в сознании русской языковой личности следующие семантические поля: «животные и птицы» (*походка мужчины похожа на... цаплю; у антилопы; собаку; скачки лягушки; рысь; походку примата; походку пеликана; походку леопарда; бег лошади; страусиную; бычью; походку гориллы; походку слона*); «человек» (*походка мужчины похожа на... воина; калеку; каракатицу; солдата; поступь моряка; лыжника; походку мужчины; кавалериста; выправку военного; натиральщика полов*); «транспортное средство» (...*как в море лодка; автомобильную*

езду; движение наступающего танка; метеор; движение трактора; КАМАЗ; езду автомобиля с пьяным шофером; паровоз); «действие, сопоставимое с ходьбой» (походка мужчины похожа на... бег; вбивание гвоздей; гонки; как будто летит; ковыляние; лазанье по канату; качку; переваливание; прыжки; таран); «мифические и литературные персонажи» (походка мужчины похожа на... Бабу Ягу; Ваньку – Встаньку; кикимору болотную; походку робота; снежного человека; робокопа; терминатор; шаги дяди Степы; Геракла); «виды ходьбы» (вразвалку; важно ходит; походку на пружинах; твердую поступь; строевой шаг; спортивную ходьбу; ходьбу под конвоем); «танец» (маршировку; марш парадный; вальс). Отметим, что семантическая группа «животные и птицы», как и в предыдущем случае, самая многочисленная и одинаково широко представлена как в женском, так и в мужском ассоциативных пространствах. В женском ассоциативном пространстве вербальных реакций, относящихся к семантическим группам «транспортное средство» и «танец», больше, нежели в мужском. Ассоциатов, представляющих семантические группы «человек», «мифические и литературные персонажи», напротив, количественно больше в мужском ассоциативном пространстве.

3. Ответы-реакции позволяют утверждать, что как и в предыдущих сравнительных конструкциях подобного типа, у респондентов возникали трудности с правильным восприятием и построением компаратива. Отсюда неправильные с точки зрения норм ответы: *походка мужчины похожа на... щеголя; шарниры; ходули; цаплю; фотомодель; увальня; сохатого; пружину* и т.п. При этом опять же женщины-респонденты чаще, чем мужчины, видоизменяли исходный компаратив-стимул, вводя сравнительный союз *как*: *мужчина ходит, как медведь; идет, как гусь лапчатый; идет, как будто танк; идет как солдат на плацу; топает, как слон; идет, как пишет.*

4. При статистической обработке данных выявилась следующая закономерность: мужчины чаще, чем женщины, при образовании компаратива употребляют притяжательные прилагательные в значении качественных, характеризующих походку человека: *походка мужчины похожа на... львиную; тигриную; страусиную; бычью; гусиную; верблюжью; козлиную.*

5. Единичные случаи окказионального словообразования встречаются в женском ассоциативном пространстве: *походка мужчины похожа на слонячью.*

3.5. Сравнения – эмоциональные характеристики женщин и мужчин

Из различных эмоций, составляющих основу речевого поведения языковой личности женщины и мужчины, для эксперимента были отобраны только две, представляющие, в некотором смысле, полярно противоположные, негативные и позитивные коммуникативные интенции: «злость (злобу)» и «смех», при очевидной условности последней – смех тоже может быть злым. Тем не менее предполагалось, что сравнительная конструкция-стимул **МОЯ ПОДРУГА (МОЙ ДРУГ) СМЕЕТСЯ, КАК...** должна была вызывать у информантов положительные реакции. Обратный результат, впрочем, также мог стать показательным.

(1) Ассоциативное пространство компаратива-стимула **ЖЕНЩИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК...** включает в себя 177 словесных реакций. Ассоциативная норма реализуется в ассоциате *собаки*, что является вполне ожидаемой реакцией, учитывая укоренившиеся в языковом сознании русского человека реминисценции устойчивого оборота *ругаться (браниться, злиться), как собаки и злой, как собака*. Среди ответов-реакций весьма часто встречались трансформы данных

идиом-компаративов: *женщины злятся, как... бешеная собака; злые собаки; собачки; собаки перед боем; сторожевые собаки; цепные собаки; лает свора собак; маленькие собачки.*

Статистическая обработка данных эксперимента позволила выявить следующие особенности в восприятии анализируемого компаратива:

1. Сравнение-стимул **ЖЕНЩИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК...** актуализирует в тезаурусе языковой личности следующие семантические поля: «животные» (помимо указанных примеров, ср. еще: *женщины злятся, как... щенки; тигрицы; стая волков; разъяренные кошки; пчелы; звери; гюрзы*); «человек» (*женщины злятся, как... трепачи; стервы; сволочи; склочницы; сварливые бабы; бешеные японцы*); «мифические и сказочные персонажи» (*женщины злятся, как... ведьма; Баба Яга; демон; дракон; дьяволицы; сатана; фурии; чертовки*); «природное явление» (*женщины злятся, как... буря; внезапные порывы ветра; гром и молния; буря в стакане воды*); «природный объект» (*женщины злятся, как вулкан; Везувий; вулканическая лава*); «артефакт» (*женщины злятся, как... бомба; бомба замедленного действия; шипящие чайники; паровой котел*). Следует отметить, что последние три семантические группы слабо представлены как у мужчин, так и у женщин. Наиболее многочисленно в количественном отношении семантическое поле «животное». Ассоциаты данной группы одинаково широко представлены и в мужских, и в женских ответах. Словесных реакций, относящихся к семантической группе «человек», количественно больше в женском ассоциативном поле. В мужском же ассоциативном пространстве заметно больше по сравнению с женским ассоциатов, составляющих семантическую группу «мифические и сказочные персонажи».

В целом нужно отметить, что общее ассоциативное поле анализируемой сравнительной конструкции отличается от других относительной немногочисленностью представленных семантических групп. Возможно, это объясняется тем, что поскольку основанием для сопоставления выступает негативное эмоциональное состояние женщины, то в речи представителей обоего пола актуализируются довольно стереотипные представления о сварливом женском характере, круг которых достаточно ограничен.

2. Анализ ассоциатов на лексическом уровне показал, что в мужском ассоциативном пространстве некоторые единичные ассоциаты репрезентируются в словах-инвективах: *женщины злятся, как...сучки, шалаболки*. Подобных реакций в женском ассоциативном пространстве не обнаружено, что свидетельствует о вполне понятных гендерных предпочтениях.

3. В ассоциативном поле данной сравнительной конструкции встречаются ассоциаты-реакции, не содержащие элемент сравнения (подобные ответы уже анализировались в других сравнениях-стимулах). Таких реакций больше в женском ассоциативном пространстве: *женщины злятся, как... без причины; всерьез и надолго; громко; справедливо; страшно; когда плохо; красиво; от безысходности*.

4. Распространенных ответов количественно больше в женском ассоциативном пространстве: *женщины злятся, как разразившийся вулкан; разъяренные кошки; сварливые бабки; страшные создания* и т.п.

(2) Ассоциативное поле компаратива-стимула МУЖЧИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК... включает в себя 198 ассоциатов. Ассоциативная норма институализируется, как и в предыдущем случае, в слове *собака*. В данном ассоциате были обобщены следующие варианты слесных

реакций: *мужчины злятся, как... собаки; беззубая собака; бешеная собака; злые собаки; цепные собаки*. Околоядерное положение как в мужском, так и в женском ассоциативных полях занимают ассоциаты, также образующие достаточно устойчивые компаративы с другими наименованиями животных, которые в сознании русской языковой личности ассоциируются с представлением о злости или злобы: *мужчины злятся, как... тигры; волки; звери*. Можно сделать вывод, что данные компаративы с «участием» хищных зверей свойственны больше для характеристики мужского негативного эмоционального состояния, поскольку околоядерное пространство сравнения-стимула **ЖЕНЩИНА ЗЛИТСЯ, КАК...** представлено ассоциатами, ориентирующимися на иной тип представления о тех существах, злобное поведение которых сравнивается с женским: змеи, мегеры, кошки, фурии и пр.

Анализ экспериментального материала позволил выявить следующие особенности в восприятии данной конструкции-стимула:

1. Количество разных ассоциатов больше в мужском ассоциативном поле, что уже составляет очевидную статистическую данность.

2. Компаратив-стимул **МУЖЧИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК...** актуализирует в сознании носителя русского языка следующие семантические поля: «животные» (*мужчины злятся, как... бараны; бешеные волки; бешеные псы, индюки; кони; крокодилы*); «человек» (... *как дети; дикари; дураки; джентльмен; зеки; злыдни*); «мифические и литературные персонажи» (*мужчины злятся, как... две сатаны; динозавры; Змей Горыныч; Карабас Барабас*); «природный объект» (*мужчины злятся, как Везувий; вулкан*); «природное явление» (... *как гроза среди ясного неба; мини-торнадо; наступает ураган; тайфун*); «артефакт» (...*как бомба быстрого действия; бочка с порохом;*

закипающий чайник). В женском ассоциативном поле ассоциатов, представляющих семантические группы «человек» и «артефакт», больше, чем в мужском. Семантические группы «животные» и «мифические персонажи» более широко представлены, напротив, в мужском ассоциативном поле.

3. Ответов-реакций, не содержащих элемента сопоставления, больше среди мужских ассоциатов.

4. Распространенные словесные реакции-ответы женскому ассоциативному пространству опять же менее свойственны, чем мужскому.

(3) Ассоциативное пространство сравнения-стимула *МОЯ ПОДРУГА СМЕЕТСЯ, КАК...* включает в себя, по данным нашего эксперимента, 220 различных ассоциатов. Не вдаваясь здесь в природу человеческого смеха и его восприятия, отметим, что параметры смеха шкалируются, прежде всего, по признаку «приятный – неприятный», включающему в себя как акустические, так и эмоциональные характеристики. Это относится как к женскому, так и к мужскому смеху, его восприятию информантами. Отсюда и соответствующие словесные реакции на сравнительные конструкции.

Анализ экспериментальных данных, полученных в ответах на конструкцию-стимул *МОЯ ПОДРУГА СМЕЕТСЯ, КАК...*, позволил выявить следующие гендерные особенности:

1. Количество разных ассоциатов-реакций традиционно больше в мужском ассоциативном пространстве.

2. Ядро женского ассоциативного поля составляет ассоциат *колокольчик*. Здесь, безусловно, проявляется традиционный для европейской культуры стереотип восприятия женского смеха, отраженный, прежде всего, в устойчивом компаративном сочетании *смеяться, как колокольчик*. В ядре мужского ассоциативного поля

находится ассоциат *лошадь*, который является трансформацией другого устойчивого компаратива *ржет, гогочет, как лошадь*.

3. Сравнение-стимул *МОЯ ПОДРУГА СМЕЕТСЯ, КАК...* актуализирует в языковом сознании носителей русского языка достаточно разные семантические поля: «животные» (*моя подруга смеется, как... бегемот; бульдог; ворона; гусыня; дикий мустанг; ехидна; жаба; жеребица; ишак; ослица*); «человек» (*моя подруга смеется, как... Семеновна; Пугачева; артистка оперетты; бестолковая; все веселые люди; дурная; заведенная; заика; клоун; идиотка*); «артефакт» (*моя подруга смеется, как... звенит колокольчик; колокол; бубенчик; граммофон; ложки гремят; сирена перед бомбежкой*); «природный объект» (*моя подруга смеется, как... солнышко; ручей; ручеек звенит; журчание ручейка в знойную погоду*); «природное явление» (*моя подруга смеется, как... ветер; гром; гром гремит; дождик; капель; раскаты грома; эхо*); «мифические, литературные и пр. персонажи» (*моя подруга смеется, как...ангел; ангелочек; бесенок; бог; Гуинплен; дятел Вудди; Золушка; мультяшка; Симпсон младший; старая ведьма; чудовище*). Семантические группы «человек» и «животные» одинаково представлены как в мужском, так и в женском ассоциативных полях. Ассоциатов, относящихся к семантическим полям «артефакт», «природный объект», «природное явление», количественно больше в женском ассоциативном пространстве.

4. Ответов-реакций, не содержащих элемента сопоставления или сравнения, больше у женщин-респондентов (*моя подруга смеется, как... громко; весело; задорно; заразительно; звонко; интересно; искренне; красиво; обыкновенно; принужденно; редко; скромно*). Интересно, что подобные ответы, по преимуществу, характеризуют смех женщины (хотя и не через сравнения) положительно.

5. В женском ассоциативном пространстве положительно окрашенных ассоциатов больше, соответственно, заметно меньше реакций с негативной характеристикой. В мужском ассоциативном поле наоборот: больше негативной характеристики и меньше положительной.

6. Мужчины-респонденты чаще, нежели женщины, дают распространенные ответы-реакции (*моя подруга смеется, как ...старая дверь; старая ведьма; журчит ручеек; гремят ложки; вой ветра в трубе; будто у нее эпилепсия*).

(4) Ассоциативное поле сравнения-стимула МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК... состоит из 205 ассоциатов. Ассоциативную норму представляет вербальная реакция *лошадь*, что для русского языкового сознания объяснимо наличием устойчивого компаратив *ржать, гоготать, как лошадь* (он зафиксирован, в частности, в «Словаре устойчивых сравнений русского языка»). Поскольку глаголы *смеяться, ржать, гоготать* являются синонимами (стилистическими), то в сознании респондентов при ответах на сравнение-стимул возникает, прежде всего, устойчивое сочетание, реализованное в ассоциате *лошадь*.

Анализ ассоциативных полей выявил следующие особенности женского и мужского восприятия сравнительной конструкции МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК...:

1. Количество разных ассоциатов больше в женском ассоциативном поле.

2. Данный компаратив-стимул актуализирует следующие семантические поля: «человек» (*мой друг смеется, как... актер; Андреев; В. Путин; все; глупый человек; девчонка; Джим Керри; дите малое; дикарь; дурак; жена; заведенный; мой муж; Микки Рурк; младенец*); «животное» (*мой друг смеется, как... баран; бегемот;*

больная лошадь; волк; гиена; гусь; динозавр; дятел; жеребенок; индюк; ишак; козёл; конь; кот; мышонок; тигр; хорек), «артефакт» (*мой друг смеется, как... большой колокол; бубен; бубенчик; гремит барабан; громкоговоритель; желобок; охриплый патефон; паровоз; паровой утюг; пожарная машина; сирена; трактор заводит*); «мифические и литературные персонажи» (*мой друг смеется, как... ангелочек; бог; Дональд; кикимора; кролик Роджер*). Семантические группы по-разному представлены в женском и мужском ассоциативных полях. Так, в женском ассоциативном пространстве наиболее распространены такие семантические поля, как «артефакт», «природное явление». Ассоциатов, составляющих семантические группы «животные», «мифические и литературные персонажи», количественно больше в мужском ассоциативном пространстве. Семантические поля «человек» и «природный объект» одинаково представлены как в женском, так и в мужском ассоциативных полях.

3. В женском ассоциативном поле чаще, нежели в мужском, ассоциаты выражены прилагательными и причастиями (*МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК... безумный, шальной, заводной, ненормальный, сумасшедший*).

4. В женских словах-реакциях уменьшительно ласкательных суффиксов в два раза больше, чем в мужских ответах (*МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК ... бубенчик, колокольчик, кобылка, мышонок, лягушонок*). Следует отметить, что ассоциат *колокольчик* в женском ассоциативном поле занимает околядерное пространство, а в мужском данный ассоциат находится на периферии.

5. В ассоциативном пространстве сравнения-стимула «МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК...» имеются ответы-реакции, не содержащие элемента сравнения. Количественно таких ответов больше в женском

ассоциативном поле (мой друг смеется, как... *нормально, редко, звонко, красиво, захлест*).

6. Распространенных ассоциатов больше в женском ассоциативном поле (МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК... *я, когда смотрю комедию; самый лучший бубенчик; раскат грома; поет жаворонок; пилит пилой; перебаты грома; охриплый патефон*).

7. Большинство ассоциатов, входящих в анализируемое ассоциативное пространство, коннотативно окрашены. В женском ассоциативном поле ассоциатов с положительной коннотацией больше, чем в мужском (МОЙ ДРУГ СМЕЕТСЯ, КАК... *актер; в кино (красиво); веселое солнце; задорно; звонкий ручей; колокольчик; здорово; кинозвезда; маленький мальчик; младенец*).

3.7. Сравнения, характеризующие отдельные виды деятельности женщин и мужчин

Для характеристики речевого поведения языковых личностей женщины и мужчины в данном аспекте были выбраны также только два параметра, описываемых через соответствующие сравнительные конструкции: умственную и физическую деятельность: умение мыслить (ЖЕНЩИНА (МУЖЧИНА) МЫСЛИТ, КАК...) и умение работать (ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ (МУЖЧИНЫ) РАБОТАЮТ, КАК...). Такое ограничение позволяет более четко выявить существующие гендерные различия в восприятии умственных и физических способностей лиц своего или противоположного пола. Поэтому и облик женской языковой личности становится более эксплицитным, более «выпуклым».

(1) Ассоциативное поле сравнения-стимула ЖЕНЩИНА МЫСЛИТ, КАК... включает в себя 287 различных ассоциатов-реакций. При анализе полученных ответов приходится исходить из стереотипного представления, отраженного в русской языковой картине мира, что

мышление женщины на порядок «ниже» по уровню мужского. Это проявляется, в частности, в типичном народном представлении, что существует логика мужская («нормальная») и женская. Подобный вывод тиражируется не только в разнообразных жанрах народного творчества (от паремий до анекдотов), но и во вполне научных трудах (см., например, [Курбатов, 1996]). Отсюда и предсказуемая данность ответов, полученных в ходе эксперимента.

Анализируя ответы-реакции на заданную конструкцию, мы можем выявить следующие особенности женского и мужского ассоциативных полей:

1. Количество разных ответов в женском ассоциативном поле стандартно меньше, чем в мужском.

2. Ядро женского ассоциативного пространства представлено словом *философ*, что, очевидно, говорит о вполне понятных гендерных предпочтениях представительниц женского пола. Этот же ассоциат в мужском ассоциативном поле находится ближе к периферии, а ядро составляет ассоциат *курица*. Гендерные предпочтения здесь также очевидны.

3. Сравнение-стимул **ЖЕНЩИНА МЫСЛИТ, КАК...** актуализирует в сознании носителя русского языка следующие семантические поля: «человек» (*женщина мыслит, как... аналитик; анти-Сократ; Аристотель; Архимед; взрослый; умный человек; все женщины; вундеркинд; Гегель; глупая баба; доктор наук; доцент; дура; железнодорожник; зануда; здоровый человек; знаток и др.*); «животные» (*женщина мыслит, как... баран; ворона; дятел; животное; примитивно; зверь; змея; индюк; клуша; коза; корова; мартышка; лиса; курица и др.*); «артефакт» (*женщина мыслит, как... автомат, бомба с часовым механизмом, бревно, букварь, вертолет, вешалка, генератор случайных чисел, метеор, компьютер, осциллограф и др.*);

«мифические персонажи и литературные герои» (*женщина мыслит, как... Винни-Пух; дьявол; ангел; Колумбо; оборотень; невинный ангел; удав Каа; Пси Дак (покемон)*). Данные семантические группы по-разному отражены в мужском и женском ассоциативных полях. Так, в женском ассоциативном поле более представленными являются семантические группы «человек» и «мифические персонажи и литературные герои». В мужском ассоциативном пространстве больше ассоциатов, представляющих семантическое поле «животные», «артефакт». Гендерные предпочтения и здесь проявляются очевидным образом: в вышеприведенных примерах, например в поле «человек», женские ответы ориентированы на ядерный ассоциат *философ* (*аналитик, Аристотель, Гегель, умный человек, вундеркинд* и пр.), а мужские – на ассоциат *курица* (*глупая баба* и т.п.), что, конечно, в большей степени проявляется в семантическом поле «животное (птица)».

4. Количество ответов-реакций, не содержащих элемента сравнения, в женском ассоциативном поле больше, нежели в мужском (*женщина мыслит, как... безмозгло, всяко, головой, железно, за двоих*).

5. В женском ассоциативном пространстве негативно окрашенных реакций предсказуемо намного меньше, чем в мужском ассоциативном поле, где типичны такие ответы: *женщина мыслит, как... баран; бестолочь; ветер дует; Винни Пух; гусыня; дура; дятел; идиотка; индюк; клуша; корова; кролик; мартышка; мегеры* и т.п.

(2) Ассоциативное пространство сравнения-стимула МУЖЧИНА МЫСЛИТ, КАК... насчитывает 266 вербальных ассоциатов. Ассоциативная норма репрезентируется в слове *философ*, что вполне предсказуемо, учитывая сложившиеся в народном языковом сознании гендерные стереотипы о преимущественно рационально-эвристическом складе ума мужчины в сравнении с женским. Анализ

экспериментального материала позволил выявить следующие гендерные особенности:

1. Количество разных ассоциатов в женском ассоциативном пространстве на этот раз больше, чем в мужском, что может свидетельствовать о более «развернутом» представлении женщин об уме мужчины, чем самих мужчины, для которых основные ассоциации связаны с признаками логического (рационального) мышления.

2. Сравнение-стимул МУЖЧИНА МЫСЛИТ, КАК... актуализирует в сознании носителя русского языка обоего пола следующие семантические поля: «человек» (*мужчина мыслит, как...двухлетний ребенок; философ; гений; генерал перед боем; глупая женщина; дипломат; доцент; дурак; единоличник*), «животные» (*мужчина мыслит, как... воробей; баран; животное; жираф; заяц; индюк; ишак; лиса; медведь; обезьяна; не знаю, с каким животным сравнить; попугай; примат; самец; собака Павлова; страус; таракан*), «артефакт» (*мужчина мыслит, как... часы (не ошибается); табуретка; спортивная машина; паровоз; маятник: то в одну сторону, то в другую; машина; компьютер; калькулятор; вычислительные машины*), «мифические персонажи» (*мужчина мыслит, как... бог; Зевс; инопланетянин; Фемида*). Словесные реакции, составляющие семантические группы «человек», «мифические персонажи», в женском ассоциативном пространстве количественно меньше, чем в мужском; а ассоциаты, входящие в группу «животные», представлены заметно больше, причем преимущественно с негативной характеристикой (см. ниже, п.3).

3. Ответы с отрицательной коннотацией свойственны, как правило, женщинам-респондентам (*мужчина мыслит, как... баран, больной, внутриутробный зародыш, глупец, дебилный, деспот, идиот, извращенец, односторонне, последний дурак*). Хотя и в

женском ассоциативном пространстве ядро занимает слово *философ*, гендерные предпочтения все же достаточно очевидны.

(3) Ассоциативное пространство компаратива-стимула ОБЫЧНО ЖЕНЩИНЫ РАБОТАЮТ, КАК... состоит, по результатам проведенного эксперимента, из 158 ассоциатов. В принципе, сравнительная оценка работоспособности женщины (как и мужчины) варьируется по шкале «трудолюбие – лень», что и представлено в самых разных ответах-ассоциатах.

Ассоциативная норма репрезентируется в устойчивом компаративе *работают, как лошади*. К подобным ответам семантически примыкают и отдельные словесные реакции: ... *как волы, кобыла, ишаки*. В качестве словесных реакций среди женских и мужских ответов довольно часто выступают известные фразеологические обороты: *обычно женщины работают, как... белки в колесе; бог на душу положит; не покладая рук; работа не волк, в лес не убежит* (элемент сравнения отсутствует); *спустя рукава*. В каком-то смысле это отражает и устойчивое, стереотипное представление о работоспособности русской женщины, в котором объединились и позитивные, и негативные характеристики. Об этом же свидетельствуют и иные словесные реакции.

Экспериментальный материал позволил выявить следующие гендерные особенности:

1. Женское ассоциативное пространство насчитывает меньше разных ассоциатов-реакций, чем мужское ассоциативное поле.

2. Данный компаратив-стимул актуализирует в сознании носителя русского языка следующие семантические поля: «человек» (*обычно женщины работают, как... бабы в поле; батраки; домохозяйки; домработницы; женщины; идиотки; калеки; контуженные; крестьянки; моя мама; лентяйки; негры; несчастные;*

нетрудоспособные; рабы; солдат на службе; суперстахановец; трудоголики; хорошая хозяйка), «животное» (обычно женщины работают, как... *бабочки; белка в колесе; белочки; верблюды; волы; волки; жук навозник; золотые рыбки в аквариуме; ишаки; кобыла; кошечки; лошади*), «артефакт» (обычно женщины работают, как... *бульдозеры; конвейер; кран; локомотив; машина; старый телевизор; трактор; часы*), «мифические, литературные и пр. персонажи» (обычно женщины работают, как... *золушки; зомби; крошечка Хаврошечка; папа Карло; рабыня Изаура; Сизиф*). В женском ассоциативном пространстве более представлена семантическая группа «животные», причем чаще с положительной оценкой трудоспособности женщины.

3. Женскому ассоциативному полю заметно более свойственны слова-ассоциаты, имеющие уменьшительно-ласкательные суффиксы (обычно женщины работают, как... *усердные пчелки; белочки; лошадки; мышки; пчелки*).

4. Слова-ассоциаты с безусловно положительно коннотацией присущи опять же больше женщинам-респонденткам (обычно женщины работают, как... *усердные пчелки; хорошая хозяйка; золушки; моя мама*).

(4) Ассоциативное поле сравнения-стимула ОБЫЧНО МУЖЧИНЫ РАБОТАЮТ, КАК... насчитывает 148 вербальных реакций. Ассоциативная норма репрезентируется в ассоциате *волы*, что, как и в предыдущем случае, достаточно очевидно отражает стереотипное представление о мужском труде. При этом, возможно, проявляются и гендерные характеристики: женщины обычно работают, как лошади (женский грамматический род), а мужчины – как волы (мужской грамматический род).

При анализе полученного экспериментального материала были выявлены следующие особенности в построении и восприятии сравнительных конструкций:

1. Количество разных ассоциатов в женском ассоциативном пространстве на этот раз больше, чем в мужском.

2. В сознании носителя русского языка данный компаратив-стимул актуализирует следующие семантические поля: «человек» (*обычно мужчины работают, как...стахановцы; трудоголики; батрак; врачи; Данила Солодовников; должен работать мужчина; женщины отдыхают* (скорее всего, отсутствует элемент сравнения); *интеллигент; каторжные; ленивцы*), «животное» (*обычно мужчины работают, как... ленивые мухи; кролики; ишаки; волы; белки перед зимой; бизоны; бобры; буйволы; ломовые лошади*), «артефакт» (*обычно мужчины работают, как... машины; механизм; отбойный молоток; паровой молот; плохая техника (то у них одно, то другое); сломанные телевизоры; бульдозеры; будильник; дизель*), «мифические и сказочные персонажи» (*обычно мужчины работают... как Гераклы; Емеля; папа Карло; черти*). Семантические группы «человек» и «артефакт» одинаково представлены как в женском, так и в мужском ассоциативных полях. Ассоциатов же, относящихся к семантической группе «животные», в женском ассоциативном пространстве меньше, чем в мужском (ср. с предыдущей конструкцией).

3. Распространенных ответов-реакций количественно больше в женском ассоциативном пространстве (*обычно мужчины работают, как... черти в преисподней; тяговые лошади; старая машина; собака переодетая; в меру возможностей; женщины отдыхают*).

4. В женском ассоциативном пространстве отрицательно окрашенных ответов, характеризующих сравнительные параметры мужской работоспособности, больше, чем в мужском: *обычно мужчины*

работают, как... сонные; спустя рукава; старая машина; трутни; черепахи; без энтузиазма. Соответственно, заметно меньше ответов с положительной коннотацией. Это, видимо, отражает уже современное представление женщины о работе нынешних мужчин, а также заметно повысившуюся роль женщины в современном обществе – экономике, культуре, политике и т.п.

3.8. Женская языковая личность в зеркале сравнений

Результаты экспериментальных данных, представленных в виде женских и мужских ассоциативных полей, позволяют сделать обобщенный портрет женской языковой личности в зеркале тех сравнений, которые легли в основу эксперимента. Можно подвести общие итоги анализа данных полей, характеризующих в свете сравнений некоторые аспекты речевого поведения женщин и мужчин, а в совокупности, дающих определенные представления о гендерных типах языковых личностей.

1. Женское ассоциативное пространство сравнений по общему количеству разных словесных реакций заметно уступает мужскому, то есть оно заметно менее объемно и более стереотипно. Этот фактор, свойственный большинству проанализированных сравнительных конструкций, может считаться закономерным для гендерного пространства русской речи: как уже не раз отмечалось, женской речи более свойственны стандартизованность и стремление к единообразию. Исключениями в нашем случае явились ответы-реакции на конструкции-стимулы МУЖЧИНА КРАСИВ, КАК... и ЖЕНЩИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК... В первом случае большее количество словесных реакций-ассоциатов у лиц женского пола можно объяснить опять же гендерными предпочтениями: женщины более «скрупулезно» и «мелочнее» оценивают параметры мужской красоты, для них

основанием сравнения могут стать самые разные явления действительности: животное, растение, человек, персонажи мифов и литературы и т.п. Мужчины же к характеристике своей «красоты» относятся более сдержанно, объективно и нередко иронически (что, кстати, наблюдается в заметно большем числе ответов, содержащих негативную коннотацию).

Гендерные предпочтения прослеживаются и в женских реакциях на конструкцию-стимул ЖЕНЩИНЫ ЗЛЯТСЯ, КАК... Большое количество самых разных ответов среди информантов-женщин в данном случае говорит, скорее всего, не о большей их объективности в сравнении с мужчинами, а о том, что только женщина лучше всего и точнее всего может определить степень «злоствоания» и его градации у лиц своего же пола. Отсюда и разнообразие компаративных параметров «женской злости» в ответах информантов женского пола.

2. Довольно ярко проявляются гендерные различия и предпочтения в самой организации женских и мужских ассоциативных полей, в выборе тех или иных слов-ассоциатов, их распределении по ядру и периферии. Прежде всего, необходимо отметить, что при изменении субъекта сравнения (например, МУЖЧИНА БОЛТАЕТ, КАК... – ЖЕНЩИНА БОЛТАЕТ, КАК...) во многих случаях иным становится и ассоциативное поле сравнения-стимула, его организация, особенно ядерной части. Это может свидетельствовать о том, что в языковой картине мира носителей русского языка женская и мужская языковая компетенция, соответственно, и их речевое поведение не отождествляются.

Показательно, что во многих женских и мужских ответах на ряд конструкций-стимулов, предлагающих компаративную характеристику личности женщины, встречаются слова-ассоциаты типа *мать*, *домохозяйка*, *хозяйка* и пр. Подобные вербальные реакции в известной

степени отражают сложившиеся в русской народной картине мира представления об основной социальной роли женщины в семье: быть матерью, хозяйкой дома. И.А. Ильин писал, что «в тривиальном слове *домохозяйка* раскрывается для нас глубинный смысл вечно-женственного: основательница,... богиня и жрица домашнего очага... С пламенем очага связана деятельность дома: вечно-женственное заботится, кормит, жертвует, выхаживает, одевает, шьет» [Ильин, 1996. С.177]. Как мы видим, в свете проведенного ассоциативного эксперимента современный образ женской языковой личности (в сравнениях типа ЖЕНЩИНА ОБЫЧНО РАССУЖДАЕТ, КАК... и некоторые другие) не так уж отличается от традиционного.

3. Ассоциативные поля сравнений и их вербальное наполнение позволяет судить и о гендерных различиях в степени восприятия социального пространства женщинами и мужчинами, в использовании ими в своих ответах-реакциях лексических единиц из социальной среды языковой личности. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что социализация личности женщины в ее восприятии компаративных конструкций и порождении соответствующих словесных реакций проявляется в заметно меньшей степени, чем у мужчины. Сравнения-реакции информантов-женщин группируются более вокруг достаточно традиционных, «социально внутренних», по сути семейных ассоциаций, охватывая, в основном, такие семантические поля, как «животное», «человек», «явления природы» (наиболее близкие к «семейному» восприятию). Это в целом коррелирует с результатами опроса по восприятию концепта «семья» и его субконцептов женщинами и мужчинами [Шмульская, Федерова, 2001]. Поэтому неудивительно, что социальная роль женщины, как указывалось выше, часто определяется в координатах лексем *мать*, *домохозяйка* и т.п.

Естественно, при данной направленности и содержании компаративного эксперимента понятно, что семантическое поле «человек» также широко представлено и в мужских ассоциативных полях. Однако в их словесных реакциях заметно чаще репрезентированы социально (и профессионально) значимые типы людей, находящихся «вне» семейного микросоциума: *прокурор, диктор, демагог, интеллектуал, профессор, психолог* и т.п., в том числе и конкретные социальные личности: *Брежнев, Клара Новикова, Хакамада, Путин, Ленин* (это примеры только на сравнение-стимул МОЯ ЗНАКОМАЯ ГОВОРИТ КАК...; в других типах конструкций их представлено также немало). У женщин социальные параметры данной семантической группы в различных ассоциативных полях выражены слабо, это, в основном, наименования лиц «близкого круга»: например, *моя знакомая говорит, как моя мама* и т.п.

Если учитывать также возрастной параметр информантов, то можно заметить, что в целом степень социализации личности молодых женщин (например, студенток) достаточно высока, что вообще характерно для современного молодого человека и проявляется, в частности, в различных сравнительных конструкциях (см. [Керученко, 2000]).

4. Полученные ответы-реакции в ряде ассоциативных полей позволили выявить существующие в настоящее время стереотипы. Прежде всего, сюда относятся те, которые характеризуют указанные в сравнительных конструкциях параметры как женского, так и мужского речевого поведения. Женская речь в зеркале таких сравнений, причем не только в мужских ответах-реакциях, определяется как многословная, бессодержательная: *моя знакомая говорит, как сорока; тараторка; трещотка; пулемет* и т.п. Напротив, мужскую речь обычно

характеризуют как содержательную, как правило, немногословную: *мой знакомый говорит, как... диктор; оратор; как пишет; Левитан*).

Болтовня, сплетни оцениваются информантами обоего пола как типичная черта женской речи: *женщины болтают, как балаболки; болтушки; сороки; трещотки; сплетницы* и пр. Болтливые же мужчины в большинстве ответов приравниваются к женщинам: *мужчины болтают, как базарные бабы; бабы; торговки*. Напротив, брань и ругательства по оценкам опрошенных преобладают в мужском типе речи: *мужчины ругаются, как сапожники; звери; зеки; грузчики; извозчики*.

Подобные представления современных носителей русского языка в целом совпадают с традиционными народными стереотипами, уже отмеченными в ряде публикаций разных авторов. С другой стороны, при нашем эксперименте обнаружились и некоторые инновации в восприятии особенностей речевого поведения представителями разных полов. Так, гендерные предпочтения информантов проявляются в том, что женщины в целом относятся к своему речевому поведению более толерантно, чем мужчины; мужчины же при характеристике особенностей своей речи более критичны. Впрочем, еще более критично они настроены на восприятие женского речевого поведения.

5. Показательно представление об умственных способностях женщины, продемонстрированное в ответах на сравнения-стимулы ЖЕНЩИНА РАССУЖДАЕТ, КАК... и ЖЕНЩИНА МЫСЛИТ, КАК... Тот факт, что в ядре ассоциативного поля данного сравнения в женских ответах четко отмечена словесная реакция *философ*, говорит о том, что женщины расценивают свой ум не только ниже, но и выше мужского. Для сравнения: ядерный ассоциат мужского ассоциативного

поля – лексема *курица*, что вне всякого сомнения отражает стереотипное представление мужчин о женском уме.

Так же показательны и представления женщин о мужских умственных способностях: в ядре их ассоциативного пространства находится вербальная реакция *ребенок* (у мужчин ядерный ассоциат – слово *философ*), таким образом, гендерные предпочтения в данном случае очевидны.

6. Креативные способности женской языковой личности проявляются в таких ответах, которые представляют собой трансформацию ряда устойчивых сравнительных конструкций. В целом, количество женских и мужских ответов на некоторые компаративы-стимулы с использованием устойчивых оборотов или их трансформации примерно равное. При этом следует отметить, что в языковом сознании современного человека (независимо от пола) использование устойчивых компаративов при реагировании на те или иные сравнения довольно минимизировано. При этом ответов с использованием устойчивых конструкций у женщин и мужчин молодежного возраста было заметно меньше, чем у информантов более старшего возраста. Такое наблюдение в целом совпадает с выводами по употреблению устойчивых сравнительных оборотов у современных молодых людей с их «недостроенной» картиной мира [Керученко, 2000. С. 88].

Немаловажен также вывод о довольно частом неверном восприятии некоторых предложенных конструкций-стимулов, когда сравнительный союз КАК воспринимался информантами (в одних случаях больше женщинами, в других – мужчинами) как вопросительное местоимение, откуда и соответствующие словесные реакции. Например: *женщина рассуждает как – глупо* и т.п.

7. Синтаксически распространенные словесные реакции, нередко представляющие целые высказывания, заметно преобладают в мужских ответах на большинство предложенных компаративов-стимулов. Этот факт также объясняется в целом особенностями построения женской речи в типовых (заданных заранее) ситуациях, ее большей стандартизованностью, замкнутостью. С другой стороны, может показаться, что подобное явление вступает в противоречие с характеристикой женской речи как многословной (см. выше). Однако следует учитывать конкретную ситуацию выбора ответа на сравнение-стимул: женщины предпочитают в данном случае давать стандартные, а значит, нередко краткие, нераспространенные ответы.

Одно из немногочисленных исключений в нашем эксперименте – женские ответы на конструкцию-стимул ЖЕНЩИНА РУГАЕТСЯ, КАК..., которые оказались в целом заметно более синтаксически распространенными, чем ответы мужчин. Подобная реакция на «женщину-ругательницу», возможно, объясняется гендерными особенностями употребления и восприятия соответствующих речевых жанров, прежде всего жанра семейной ссоры или скандала. Инициатором развертывания данного жанрового сценария, как правило, выступает женщина, играющая в нем самую активную роль [Шарифуллин, 2002]. Данный ролевой признак при разыгрывании сценария скандала четко осознается, очевидно, самими женщинами, поэтому в их вербальных реакциях на указанную сравнительную конструкцию они, по сути, экстраполируют «развернутость» «ругательных» моментов скандала, что выражается в соответствующих распространенных оборотах. Отметим также, что в этом же случае ответов, не содержащих элементов сравнения, больше было представлено у мужчин, хотя обычно бывает наоборот. Возможно, это

также связано с ролью мужчины в развертывании сценария семейного скандала.

В заключение подчеркнем, что общие результаты экспериментальной обработки данных показывают, что респонденты более критично оценивают по многим сравнительным параметрам противоположный пол, чем свой, что соответствует известным гендерным предпочтениям. При этом в гендерном же аспекте показательно, что мужчины в целом более критичны или объективны к представителям своего пола, чем женщины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Гендер имеет яркое отражение в языке и речевой деятельности, поэтому является одним из важнейших параметров описания языковой личности женщины и мужчины. Новизна и актуальность исследования заключается в том, что языковая личность изучается именно в гендерном аспекте.

Под термином *гендер* применительно к лингвистическим описаниям мы понимаем социокультурный пол и его репрезентацию, во-первых, в языковой способности личности, во-вторых, в самом языке (формальное выражение рода, определенные гендерные языковые стереотипы), в-третьих, в речевой коммуникации (гендерные предпочтения, речевые жанры, формы речевой субкультуры и т.д.).

В настоящее время существуют различные подходы к исследованию мужской и женской речи. В монографическом исследовании выделены следующие аспекты современной гендерной лингвистики, которые актуальны в российской науке: когнитивный, психолингвистический, социолингвистический, культурологический, коммуникативный и др., в единстве дающие целостное представление о том, как отражаются и проявляются в языке и речи женская и мужская языковые личности. Гендерные исследования в различных аспектах основываются на выявлении и интерпретации тех или иных различий в организации языковых форм и вербальном поведении мужчин и женщин, которые, в свою очередь, обусловлены психофизиологическими (функциональная асимметрия мозга, особенности памяти, интеллекта, эмоциональные характеристики) и социальными факторами (гендерные роли, гендерные стереотипы).

Анализ теоретического и экспериментального материала позволил сделать следующие общие выводы, полученные в результате последовательного решения поставленных задач:

1. В речевом действии и речевом поведении женщин существуют общие для них особенности, отличающиеся по ряду соответствующих параметров от особенностей мужской языковой личности. Общность языковых знаний и способностей, речевой деятельности и речевого поведения позволяет выделить совокупную языковую женскую личность. Своеобразие женской языковой личности проявляется на когнитивном, вербально-семантическом, мотивационном (или прагматическом) уровнях.

2. Женской языковой личности свойственна своя организация когнитивного уровня, свои представления о мире, отображенные в языковой картине мира, в определенных семантических (ассоциативных) полях. На вербально-семантическом уровне выделены некоторые особенности женской языковой личности:

- на фонетическом субуровне (для женщин характерно смягчать согласные, растягивать гласные; женская речь интонационно более насыщена, мелодическое богатство достигается за счет таких просодических средств, как придыхание, лабиализация, назализация и т.д.);

- на лексическом (актуализация таких семантических групп, как "семья", "дом", "дети", "одежда", "косметика", "диета"; часто используются эрзацноминации),

- на морфологическом (женщины чаще употребляют оценочные прилагательные, местоимения, частицы, междометия, семантически опустошенные слова типа (*ужас, страшно*)).

Особенности мотивационного уровня женской языковой личности рассмотрены на примере некоторых жанров речи. Так, женщинам свойственны фатические речевые акты и жанры "нижнего уровня" (сплетничество, болтовня, разговор по душам, колкость и др.). Выделены характерные для женской языковой личности черты ведения

диалога (женщины задают больше вопросов, реже выражают свое несогласие, более вежливы, избегают элементов "панибратского" речевого поведения и др.). В целом отмечено, что женский стиль общения рассчитан на уменьшение социального расстояния и установление психологической близости с другими коммуникантами. Естественно, что описание уровней не дает полного представления о женской языковой личности в целом, поскольку в рамках диссертационного исследования невозможно охватить все указанные выше аспекты и параметры языковой личности.

3. Общая характеристика женской языковой личности была бы не полной без характеристики существующих стереотипов, которые зафиксированы в пословицах и поговорках. В паремиях находят отражение типичные для женского вербального поведения речевые жанры (сплетни, колкости, болтовня). Результаты проведенного в ходе исследования опроса позволяют утверждать, что пословицы, характеризующие женщину как лживую, глупую, непостоянную в своих утверждениях, являются неадекватными для современного языкового сознания.

4. Предметной областью, в рамках которой было выявление и описание особенностей женской языковой личности, стал, в основном, когнитивный уровень. На данном уровне особенности женской языковой личности особенно ярко могут проявляться в употреблении сравнений и сравнительных оборотов, поскольку при порождении компаративов актуализируются определенные глубинные знания, которые конструируются в семантические поля информационного тезауруса языковой личности.

5. Формирование сравнительных конструкций в мыслительной деятельности человека основывается на ассоциативных механизмах, так как необходимо установить определенные соотношения между

сопоставляемыми объектами. Выявлению таких механизмов способствует ассоциативный психолингвистический эксперимент, разработанный и проведенный нами в ходе исследования. Эксперимент проводился в форме анкетирования. Были подобраны компаративные модели определенного типа, которые респонденты должны были закончить соответствующими словесными реакциями. Всего для ассоциативного эксперимента было представлено 28 сравнительных конструкций.

6. Результаты ассоциативного эксперимента позволили выявить некоторые особенности формирования и организации женского и мужского ассоциативных полей:

- женское ассоциативное пространство организовано более стандартно, нежели мужское (женские ассоциаты более типовые и клишированные);

- распределение ассоциатов по ядру и периферии в мужском и женском ассоциативных пространствах зачастую не одинаково (ассоциаты, находящиеся в женском ассоциативном пространстве в ядре, в мужском ассоциативном поле расположены ближе к периферии);

- в женском языковом сознании чаще всего актуализируются несколько иные семантические поля.

7. С точки зрения структуры и лексических характеристик слов-реакций в женском и мужском ассоциативных полях были выявлены следующие особенности:

- в ассоциативном пространстве женщин преобладает положительная коннотация;

- для женщин-респондентов нетипично употребление инвективных единиц, зато им свойственны словесные реакции с уменьшительно-ласкательными суффиксами;

- синтаксически распространенные ответы встречаются как в женских, так и в мужских реакциях, однако в мужских ассоциативных полях подобных ответов больше;

- женщины лучше справлялись с экспериментальными заданиями, поскольку мужчины-информанты чаще, чем женщины, воспринимали задание как вопрос;

- ответы-реакции, характеризующие речевые особенности женщин и мужчин, которые являлись субъектами сравнения в нашем эксперименте, часто соответствуют существующим стереотипам (женская многословность, мужская сдержанность).

8. Во многих женских и мужских ответах на ряд конструкций-стимулов, предлагающих компаративную характеристику личности женщины, встречаются слова-ассоциаты типа *мать*, *домохозяйка*, *хозяйка* и пр. Подобные вербальные реакции в известной степени отражают сложившиеся в русской народной картине мира представления об основной социальной роли женщины в семье: быть матерью, хозяйкой дома.

9. Общие результаты экспериментальной обработки данных показывают, что респонденты более критично оценивают по многим сравнительным параметрам противоположный пол, чем свой, что соответствует известным гендерным предпочтениям. При этом в гендерном же аспекте показательно, что мужчины в целом более критичны или объективны к представителям своего пола, чем женщины.

10. Количество женских и мужских ответов на некоторые компаративы-стимулы с использованием устойчивых оборотов или их трансформации примерно равное. При этом следует отметить, что в языковом сознании современного человека (независимо от пола) использование устойчивых компаративов при реагировании на те или

иные сравнения довольно минимизировано. При этом ответов с использованием устойчивых конструкций у женщин и мужчин молодежного возраста было заметно меньше, чем у информантов более старшего возраста.

В наши задачи не входило давать интерпретацию тем или иным конкретным случаям лексического воплощения ответов-ассоциатов, то есть лексико-семантический анализ лексем, за исключением тех случаев, когда их можно было подвести под определенный лексический тип современной русской речи (жаргонизмы, общенизмы, окказионализмы и пр.), что является уже характеристикой языковой личности женщины или мужчины. Конечно, было бы очень интересно рассмотреть и как-то объяснить такие случаи, когда, например, в словесных реакциях на определенные компаративы-стимулы появляются такие, например, ответы: *глаза женщины похожи на часы* или *мужчины злятся, как джентльмены*.

Тем не менее мы вынуждены были ограничить рамки нашего анализа, поэтому ряд вопросов, которые также представляют интерес, не были рассмотрены и в число поставленных задач не входили. Учитывая, что гендерная проблематика в современной лингвистике чрезвычайно актуальна, данный аспект исследования имеет значительные перспективы. Так, исследование, опирающееся на описание и толкование (в герменевтическом, например, аспекте) конкретных лексем, реализовавших вербальные реакции женщин и мужчин, может быть последующим этапом изучения гендерной языковой личности, когда в центр внимания будет поставлена проблема устройства и внутренней организации ее тезауруса и вербально-семантической составляющей внутреннего и внешнего словаря.

По предложенной схеме анализа компаративных конструкций было бы интересно проанализировать сравнения в спонтанной речи женщин и мужчин.

Список литературы

1. Абубакирова Н.И. Что такое «гендер»? / Н.И. Абубакирова // Общественные науки и современность. – 1996. – №6.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение / Р.И. Аванесов. – М., 1984.
3. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика / Р.И. Аванесов. – М., 1974.
4. Арутюнова Н.Д. Жанры общения / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992.
5. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. – М., 1989.
6. Бакушева Е.М. Социолингвистика и анализ речевого поведения мужчин и женщин в современном обществе / Е.М. Бакушева. – Рязань, 1992.
7. Бакушева Е.М. Особенности речи мужчин и женщин во французском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук / Е.М. Бакушева. – М., 1985.
8. Бакушева Е.М. О различии в речевом поведении мальчиков и девочек / Е.М. Бакушева // Антропоцентризм и прагматика. – Кривой Рог – Москва, 1985. – С. 100 - 110.
9. Баско Н.А. Половой дисбаланс и синтаксис простого предложения / Н.А. Баско // Антропоцентризм и прагматика. – Кривой Рог – Москва, 1985. – С. 97-100.
10. Батов В.И. Другому как понять тебя? / В.И. Батов // Знак вопроса. – 1991. – №11.
11. Бахтызин А.М. Женская речь / А.М. Бахтызин // Филологический сборник. Вып. XV – XVI. – Алма-Ата, 1975.

12. Башкова И.В. Речевое поведение мужчин и женщин в ситуации винопития / И.В. Башкова // И.А.Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность: Доклады на науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И.А.Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». – Красноярск, 2000.

13. Беркнер С. К вопросу о стилистической дифференциации английской разговорной речи. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи / С.К. Беркнер. – Горький, 1966.

14. Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – нач. XX в) / Т.А. Бернштам // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 120-154.

15. Бианки В.Л. Асимметрия мозга и пол / В.Л. Бианки, Е.Б. Филиппова. – СПб., 1997.

16. Блум Ф. Мозг, разум, поведение / Ф. Блум, А. Лейзерсн, А.Л. Хофстедтер. – М., 1988.

17. Булохов В.Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся: Пособие по спецкурсу / В.Я. Булохов. – Красноярск, 1999.

18. Бумагин Р.Е. Гендерные детерминанты речевого поведения / Р.Е. Бумагин // Речевое воздействие. Сборник научных трудов. – Воронеж-Москва, 2000.

19. Вейлерт А.А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица / А.А. Вейлерт // Вопросы языкознания. – 1976. – №5. – С.138-143.

20. Вейн А.М. Память человека / А.М. Вейн, Б.И. Каменецкая. – М., 1973.

21. Вейнингер О. Пол и характер / О. Вейнингер. – М., 1991.

22. Вернер А.Ф. Речевое поведение женщин и мужчин / А.Ф. Вернер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ. – 1984. – №6.

23. Верховланцева Н.Ф. Из наблюдений над использованием просторечной лексики мужчин-женщин – носителями русского языка / Н.Ф. Верховланцева // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1989. – С. 83-89.

24. Виноградов В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М.; Л. – 1935.

25. Виноградова Т.В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов / Т.В. Виноградова, В.В. Семенов // Вопросы психологии. – 1993. – №2.

26. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С.5-39.

27. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М., 1993.

28. Воронина О. Введение в гендерные исследования (тезисное изложение лекции) / О. Воронина // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. – М., 1997.

29. Воронина С.Б. Экспериментально-фонетическое исследование явления аффрикации [т], [д] в современном русском литературном произношении: Автореф. дисс....канд. филол. наук. С.Б. Воронина – М., 1984.

30. Вохрышева Е.В. Гендерная специфика стратегий реагирования на вопрос в новоанглийском языке / Е.В. Вохрышева // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М., 1999.

31. Вул С.М. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа / С.М. Вул, А.П. Мартынюк // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. – М., 1987. – С.105-112.

32. Генералова А.В. Гендерный аспект в социальных науках и психологии / А.В. Генералова // Общество. Гендер. Культура: Материалы международной научно-практической конференции /А.В. Генералова. – Омск, 2001. – С.73-80.

33. Горелов И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М., 1998.

34. Горошко Е.И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа / Е.И. Горошко // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1990. – №5. – С.62-71.

35. Горошко Е.И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи / Е.И. Горошко // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов. – Днепропетровск, 1994. – С.160-169.

36. Горошко Е.И. Особенности восприятия и порождения текста, обусловленные половой принадлежностью индивида / Е.И. Горошко // Антропоцентризм и прагматика. – Москва. – Кривой Рог, 1995. – С.82-91.

37. Горошко Е.И. Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности / Е.И. Горошко // Международный симпозиум «Человек: Язык, Культура, Познание»: Тезисы научно-практической конференции. - Кривой Рог, 1995. – С.247-248.

38. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический аспект): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Е.И. Горошко. – М., 1996.

39. Горошко Е.И. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е.И. Горошко, А.В. Кирилина // Гендерные исследования. – 1999 – №2. – С.234-343.

40. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании / Е.И. Горошко // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков, 2001.

41. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985.

42. Гусейнова И.А. Гендерный аспект в текстах современной рекламы (на материале журнальной прессы ФРГ) / И.А. Гусейнова, М.В. Томская // Филологические науки. – 2000. – № 3.

43. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1955.

44. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 1957.

45. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С.37-55.

46. Доценко Т.И. Влияние фактора «пол» на внутренний лексикон подростка / Т.И. Доценко // Русский язык сегодня. – М., 2000. – С.78-85.

47. Драздаускене М.-Л. А. Контактостанавливающая функция речи: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.Л. Драздаускене – М., 1970.

48. Дридзе Т.М. От грименевтики к семосоциопсихологии: от "творческого" толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора / Т.М. Дридзе // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семисоциопсихологической парадигмах. – М., 2000. – С.115-137.

49. Ерофеева Т.И. Социолект в стратификационном исполнении / Т.И. Ерофеева // Русский язык сегодня. – М., 2000.

50. Ерофеева Е.В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин / Е.В. Ерофеева // Русский язык сегодня. – М., 2000. – С.93-99.

51. Жельвис В.И. Инвектива: мужские и женские предпочтения / В.И. Жельвис // Этнические и культурные стереотипы социального поведения. – Л., 1989. – С.266-283.

52. Жинкин Н.И. Механизмы речи / Н.И. Жинкин. – М., 1958.

53. Залевская А.А. Свободные ассоциации / А.А. Залевская // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С.178-194.

54. Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативного эксперимента / А.А. Залевская // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. – Тверь, 1992. – С. 43-50.

55. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принцип функционирования / А.А. Залевская. – Тверь, 1991.

56. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М., 1999.

57. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова// Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С.90-137.

58. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. – М., 1985.

59. Иванова Е. Гендерные исследования в психологии // Введения в гендерные исследования: Учебное пособие / Е.Г. Иванова; Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков, 2001.

60. Ильин И.А. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.А. Ильин. – М., 1996.

61. Ильин И.А. О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе / И.А. Ильин // О России и русской душе. – М., 1996.

62. Каган Е.В. Стереотипы мужественности и женственности и «образ я» у подростков / Е.В. Каган // Психологический журнал. – 1988. – №5. – С.53-62.

63. Казарцева О.М. Словарь педагогическое речеведение / О.М. Казарцева. – М., 1998.

64. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Караулова // Язык и личность. – М., 1989.

65. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Караулова. – М., 1987.

66. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой личности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. – М., 1994.

67. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю.Н. Караулов. – М., 1993.

68. Керученко А.Л. Картина мира молодого человека сквозь призму характерных для него компаративов / А.Л. Керученко // Язык. Человек. Картина мира: Лингво-антроп. и филос. очерки (на материале русского языка) – Омск, 2000.

69. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 1998а. - № 2. – С.51-58.

70. Кирилина А.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике / А.В. Кирилина // Женщины России на рубеже XX – XXI веков: Материалы международной научной конференции. – Иваново, 1998 б. – С.16-20.

71. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М., 1999.

72. Кирилина А.В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000а. – №3. – С.18-27.

73. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) / А.В. Кирилина// Общественные науки и современность. – 2000б. – №4. – С.138-143.

74. Киселева Л.А. Вариативность номинаций как специфическая черта устной речи горожан / Л.А. Киселева // Явления вариативности в языке. – Кемерово, 1994.

75. Колесов В.В. Язык города / В.В. Колесов. – М., 1991.

76. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В.В. Колесов. – СПб, 1998.

77. Колосова О.Н. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка): Дисс ...д-ра филол. наук. – М., 1996.

78. Кон И.С. Психология половых различий / И.С. Кон // Вопросы психологии. – 1981. – №2. – С.47-57.

79. Коновалов В.Ф. О функциональной асимметрии головного мозга детей 6-7 лет / В.Ф. Коновалов, Ж.Н. Бурковецкая // Физиология человека. – 1979. Т.5.– С.771-775.

80. Коновалов В.Ф. Особенности межполушарных взаимодействий при запечатлении информации / В.Ф. Коновалов, О.А. Отмахова// Вопросы психологии. – №4. – 1984. – С.68-79.

81. Котик Б.С. Межполушарное взаимодействие при осуществлении речи у билингвов / Б.С. Котик // Вопросы психологии. – 1983. – №6. – С.114-120.

82. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск, 1996.

83. Красных В.В. Когнитивная база VS культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В.В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 1987.

84. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В. Красных. – М., 2001.

85. Кронгауз М.А. Sexsus, или проблема пола в русском языке / М.А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. – М., 1996.

86. Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной / Т.Б. Крючкова // Проблемы психолингвистики. – М., 1975. – С. 186-200.

87. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – С.82-140.

88. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С. 144-238.

89. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996.

90. Курбатов В.И. Женская логика. Игры общения и поведения / В.И. Курбатов. – Ростов-на-Дону, 1996.

91. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С. 5 – 17.

92. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М., 1997.

93. Липатов А.Т. Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов / А.Т. Липатов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – М., 1995.

94. Малишевская Д. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина // Женщина») / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.

95. Мартынюк А.П. О реализации принципа вежливости в речи мужчин и женщин / А.П. Мартынюк // Вестник Харьковского университета. – Харьков, 1989. – №339. - С. 89-92.

96. Мартынюк А.П. Наречия, выражающие различную степень уверенности говорящего в речи мужчин и женщин в современном английском языке / А.П. Мартынюк, И.А. Касимов; Гос. ком. СССР по народному образованию ХГУ. – Харьков, 1989. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР. №39948 от 29.08.1989.

97. Мартынюк А.П. Некоторые оценочные высказывания в речи мужчин и женщин / А.П. Мартынюк, Т.С. Медведева. – Харьков, 1990.

98. Мартынюк А.П. Речевое говорение мужчин и женщин в малых группах / А.П. Мартынюк, П.Н. Землянский // Язык. Сознание. Этнос. Культура. – М., 1994.

99. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001.

100. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста / В.А. Маслова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.

101. Машинская Л.Р. Влияние половозрастных особенностей субъекта на процесс вербальной коммуникации / Л.Р. Машинская // Тезисы VI всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 44-46.

102. Митина О.В. Кросскультурные исследования стереотипов женского поведения (в России и США) / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Вопросы психологии. – 2000. – №1.

103. Мосидзе В.М. Функциональная асимметрия мозга / В.М. Мосидзе, Б.В. Рамишвили. – Тбилиси, 1977.

104. Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания / Н.А. Нечаева // Гендерные тетради. Вып. 1. – СПб., 1997.

105. Николаенко Н.Н. Асимметрия полушарий мозга и цветовосприятие / Н.Н. Николаенко // Взаимоотношение полушарий мозга. – Тбилиси, 1982.

106. Нгуен Дык Тон. Особенности вьетнамских и русских ассоциаций в зависимости от пола говорящего / Дык Тон Нгуен // Новое в изучении вьетнамского языка и других языков Юго-Восточной Азии. – М., 1989. – С.156-159.

107. Нгуен Дык Тон. Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент исследования национально-культурной специфики речевого мышления вьетнамцев / / Дык Тон Нгуен, Тоан Тханг Ли // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. – Днепропетровск, 1988. – С.56-63.

108. Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание / И.Г. Овчинникова. – Пермь, 1994.

109. Огольцов В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В.М. Огольцов. – М., 2001.

110. Огольцов В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцов. – Л., 1978.

111. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1987.

112. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М., 1983.

113. Палиева З.И. Женская агрессивность: не перейти черту / З.И. Палиева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-сетод. бюллетень Вып. 3 / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 1998.

114. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы / Е.Д. Поливнов. – М., 1968.

115. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В.В. Потапов // ИАН СЛЯ. – 1997.– Т.56.– №3.

116. Потапов В.В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке / В.В. Потапов // Гендер как интрига познания. – М., 2000.

117. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня. – Харьков, 1905.

118. Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком Н.А. Рождественская // Вопросы психологии. – 1986. – №4. – С.69-76.

119. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованя: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – №6. – С.79-100.

120. Рюриков Ю. По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата / Ю. Рюриков // Новый мир. – 1986. – №7. – С.174-198.

121. Русский ассоциативный словарь (РАС). Книга 1. Прямой словарь от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю. А. Сорокин, Е.Д. Тарасов. – М., 1994.

122. Рюткенен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. – 2000. – №3. – С.5-17.

123. Салмина Т.Н. Факторы, обуславливающие возникновение половых различий в речевом общении / Т.Н. Салмина // Из лингвопрагматики / Под ред. В.Д. Девкина. – М., 2000. – С.100-108.

124. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Язык. Семиотика. Культура / В.З. Санников. – М., 1999.

125. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л., 1989.

126. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов, 1999. – С.13-26.

127. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» / К.Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 1997.

128. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельном аспекте / И.В. Сентенберг // Индивидуальное знание: специфика и принцип функционирования. – Тверь, 1998.

129. Спрингер С. Левый мозг, правый мозг / С. Спрингер, Г. Дейг. – М., 1983.

130. Степанов Б.С. Основы языкознания / Б.С. Степанов. – М., 1966.

131. Субботина М.В. Сравнение / М.В. Субботина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып.2. – Красноярск – Ачинск, 1997.

132. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.

133. Уфимцева Н.В. Биологические и социальные факторы в речевом развитии // Этнопсихоллингвистика / Н.В. Уфимцева. – М., 1988.

134. Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям / С.А. Ушакин // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С.71-85.

135. Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка / С.А. Ушакин // Общественные науки и современность. – 1996. – №6. – С.50-59.

136. Федосеева Н.П. Проблема социального и биологического в философии и социологии / Н.П. Федосеева // Биологическое и социальное в развитии человека. – М., 1977.

137. Фролов И.Т. Философский словарь / И.Т. Фролов. – М. 1991.

138. Фромм Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм. – М., 1998.

139. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М., 1996.

140. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб., 1994.

141. Халеева И.И. Задачи Московского государственного лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Филология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии» / И.И. Халеева // Женщина в российском обществе. – 1998. – №3. – С.8-11.

142. Холод А.М. Прагматика родовых форм имени существительного в квазиконтексте // Прагматическое содержание грамматики текста / А.М. Холод. – М., 1992. – С.106-117.

143. Холод А.М. Прагматические характеристики родовых форм русских имен прилагательных и существительных. Дисс. ... канд. филол. наук. А.М. Холод. – Киев, 1994.

144. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1976.

145. Черниговская Т.В. Эволюционно-физиологический анализ мозговой организации билингвизма / Т.В. Черниговская, Л.Я. Балонов, В.Л. Деглин // Взаимоотношение полушарий мозга. – Тбилиси, 1982. – С.34-56.

146. Чучин-Русов О.И. Гендерные аспекты культуры / О.И. Чурин-Русов // Общественные науки и современность. – 1996. - №6.

147. Шарифуллин Б.Я. Мужские и женские жанры речевого общения / Б.Я. Шарифуллин // Филологический ежегодник / Под. ред. Н.Н. Мисюрова. – Омск, 2002. – Вып.4. – С.161-169.

148. Шеварев П.А. О роли ассоциаций в процессах мышления / П.А. Шеварев // Понимание как философская проблема. – М., 1956. – С.388-437.

149. Шмутьская Л.С. Концепт «семья» в мужском и женском восприятии: Материалы XXXIX международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» / Л.С. Шмутьская, Е.В. Федорова. – Новосибирск, 2001. – С.30-32.

150. Щур Г.С. О типах лексических ассоциаций в языке / Г.С. Щур // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С.140-151.

151. Юнаковская А.А. Литературные текст как один из источников гендерных исследований. Опыт использования («Записки из мертвого дома Ф.М. Достоевского) / А.А. Юнаковская // Общество. Гендер. Культура: Материалы международной научно-практической конференции. – Омск, 2001. – С.60-66.

152. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное / К.Г. Юнг. – СПб. - М., 1987.

153. Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог, Человек, Слово. Лингво-философский очерк / В.С. Юрченко. – М., 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и языковой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета.

Веккессер Мария Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и языковой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, заведующий учебно-исследовательской лабораторией теоретической и прикладной лингвистики.

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и языковой коммуникации Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета.

Научное издание
Лариса Степановна Шмульская
Мария Викторовна Веккесер
Ольга Николаевна Зырянова
Особенности женской языковой личности
в сопоставлении с мужской
(на материале сравнительных конструкций в речи
жителей г. Лесосибирска)

Редактор И. А. Вейсиг
Компьютерная верстка авторов

Подписано в печать 20.06.2022. Формат 60 × 84/ 16

Уч-изд. л. 7,0 Бумага офсетная

Тираж 200 экз. Заказ

Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206 - 26 – 67, <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail publishing_house@sfu-kras.ru

Отпечатано в «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,6, цокольный этаж
т. 294-15-77